

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том VI

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отдавая дань уважения и признательности российским психоаналитическим первопроходцам мы сочли возможным и необходимым включить в первые тома серии «Сумма психоанализа» статьи пионеров российского психоанализа.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковинову, А.Е.Иванову, Ф.Ф.Ильсову и А.Н.Крылову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Фридман Б.Д.	Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма	4
Аствацатуров М.И.	Психотерапия и психоанализ	46
Быховский Б.Э.	Метапсихология Фрейда	63
Перепель И.А.	Фрейдизм и его академическая оппозиция. К критике психоанализа в медицине, педагогике и рефлексологии	84
Халецкий А.М.	Психоанализ личности и творчества Шевченко	130
Выготский Л.С.	Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование (Фрагмент)	138
Троцкий Л.Д.	Материализм, марксизм и фрейдизм	152
Каннабих Ю.В.	История психиатрии (Фрагмент)	154
Малис Г.Ю.	Пути психологии (Фрагмент)	155

Основные психологические воззрения Фрейда и теория исторического материализма¹

Б. Д. Фридман

«Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о... революционной эпохе по ее сознанию».

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие.

«Явления, воспринимаемые нами в нашем понимании, должны отступить на задний план перед стремлениями, которые мы только еще предполагаем».

Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. I, с. 72.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧЕНИЯ ФРЕЙДА И ЗАДАЧИ СТАТЬИ

Психология, как самостоятельная дисциплина, не может разрешить ряд основных своих проблем, но пользуясь данными или предпосылками других наук, ибо, по существу, она наука, лежащая на границе нескольких дисциплин.

В самом деле, человек — объект психологического изучения — должен быть рассматриваем с двух сторон: органической, то есть со стороны физических его потребностей и связанных с ними побуждений, и общественной, то есть со стороны условий внешнего мира, в которых человек борется за существование.

Раз так, то психология соприкасается в определенных пунктах с биологией и социологией.

Такой психологической теорией, связанной с основными биологическими принципами и пытающейся дать социальное обоснование

---

¹ За последнее время теория Фрейда была у ряда авторов предметом разбора в свете марксизма: М. А. Рейснер в своем докладе «Проблемы психологии и теория исторического материализма» (Вестн. Социал. Акад. 1923. № 3.) выдвигал перед современной психологией, имея в виду, очевидно, теорию Фрейда, задачу объяснения вопросов, поставленных теорией исторического материализма. В своей недавней статье «Фрейд и его школа о религии» (Печать и Революция. 1924. № 2.) тот же автор подчеркивает значение сопоставления социологического метода Маркса — Энгельса с методом Фрейда в изучении социальной психологии. А. Б. Залкинд в статье «Фрейдизм и марксизм» (В кн.: Очерки культуры Революционного времени) дает сжатую критическую оценку методологии Фрейда с точки зрения марксизма. Б. Быховский в статье «О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда (Под знаменем марксизма. 1923. № 12) подробно рассматривает «исходные методологические посылки и итоговые выводы психоаналитического учения в свете диалектического материализма».

психическим явлениям, можно считать психологические воззрения венского психопатолога Фрейда, — творца психоаналитического учения.

Психологические воззрения Фрейда представляют собой лишь теоретическую основу его учения о неврозах, или, вернее, обобщающие выводы из него, поскольку это учение является, по существу, «психологической» теорией психоневрозов. Учение Фрейда, как известно, разбирает вопрос о происхождении некоторых форм нервно-психических заболеваний, при исследовании которых Фрейду пришлось натолкнуться на определенную роль сексуального момента в их образовании. Учение о неврозах возникло под влиянием стремления творца его не только понять эти заболевания, но и найти правильный путь их лечения. Таким образом, и психологические воззрения Фрейда являются продуктом практической задачи, которую он себе в начале поставил. Имея своим предметом данные наблюдения над больными, добытые выработанным Фрейдом психоаналитическим методом, это учение с самого начала получило характер эмпирического обобщения. Фрейд не исходил из каких-либо психологических учений или посылок, а все время шел своим, самостоятельным путем, развивая свои взгляды постепенно, по мере роста его опыта наблюдений и углубления в основную проблему неврозов.

Начав с вопросов об этиологии и сущности неврозов, то есть вопросов психопатологии, Фрейд в дальнейшем, на основании своих выводов, получил опорные пункты для исследования некоторых явлений социальной жизни, как, например, религии, мифологии и др.

Таким образом, учение Фрейда, упираясь одним своим концом в биологию, своей вершиной касается социологических проблем (с психологической точки зрения). Это дает возможность рассматривать его учение в свете теории исторического материализма.

Психологические же воззрения Фрейда, по существу, занимаются вопросами об источниках и способах возникновения конкретных форм человеческих мыслей и действий.

В настоящей статье мы намерены подвергнуть оценке психологическое учение Фрейда, как метода исследования человеческой деятельности, под углом зрения теории исторического материализма. При этом мы постараемся сопоставить воззрения Фрейда с основными психологическими положениями исторического материализма. Однако, прежде чем приступить к нашей задаче; мы считаем необходимым дать сначала краткое изложение основных психологических воззрений Фрейда в определенной концепции¹. Таким образом, план статьи будет соответствовать обратному порядку намеченных только что целей.

I. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФРЕЙДА

---

¹ В нашей литературе до сих пор не было сжатого систематического изложения не принципов фрейдовской психологии, а ее самой. Когда статья была сдана в печать, появилась критическая статья А. Б. Залкина (Красная Новь. 1924. № 4), где автор дает также изложение учения Фрейда с общепсихологической стороны.

1. Назначение и принципы деятельности психического аппарата

Психический аппарат играет подчиненную роль и служит целям организма. Фрейд рассматривает его в эволюционном аспекте. С самого начала психический аппарат является защитным, оберегающим от всевозможных раздражений механизмов.

«Иначе обосновываемые предположения говорят нам, что этот аппарат следовал вначале стремлению оберегать себя от раздражении и потому при своей первоначальной конструкции принял схему рефлекторного аппарата, которая давала ему возможность отводить по моторному пути все поступающие к нему извне чувственные раздражения» (Фрейд З. Толкование сновидений, М., 1913, с. 403).

Внешние раздражения побуждают аппарат к устранению их. Это осуществляется помощью целесообразных мускульных движений, направленных на изменение организма или его частой. Внутренние же раздражения, в виде определенных физических потребностей, не могут быть устранены указанным способом. Они требуют деятельности, направленной на изменение внешнего мира, при помощи которого возможно устранение этих раздражений.

«Мы можем сказать, что душевный аппарат имеет своей целью одолеть и освободиться от воспринимаемых им извне и изнутри раздражений и возбуждений» (Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. II, с. 146).

С количеством раздражения связано ощущение приятного и неприятного. «Накопление раздражения — различными, нас не интересующими способами — испытывается в форме неприятного ощущения и приводит аппарат к движению, чтобы вызвать чувство удовлетворения, при котором ослабление раздражения испытывается в форме приятного ощущения. (Фрейд З. Толкование сновидений, с. 430). Такую точку зрения на деятельность психического аппарата, которая принимает во внимание количественную сторону раздражения, Фрейд называет «экономической». «Мы ставим вопрос, можно ли найти одну главную цель в работе нашего психического аппарата, и с некоторым приближением отвечаем на этот вопрос, что целью этой работы является переживание наслаждения. Как кажется, вся наша душевная деятельность стремится к тому, чтобы получить наслаждение и избегать неудовольствия, что она совершенно автоматически регулируется принципом наслаждения» (Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. II, с. 146).

Сущность принципа удовольствия (наслаждения) сводится к регулированию количеств энергии (возбуждения) в психическом аппарате. Поэтому принцип удовольствия, или наслаждения, следует понимать не в субъективном, то есть качественном смысле, а в объективном, то есть количественном. С этой точки зрения, принцип удовольствия получает у Фрейда следующую формулировку: «Конечную цель человеческой деятельности, которую в качественном отношении можно описать как

стремление к получению наслаждения и избегания неудовольствия, с экономической точки зрения представляется задачей, состоящей в том, чтобы справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбуждения (массой раздражения) и не допустить его до такого застоя, который вызывает неудовольствие» (там же, с. 164).

Принцип удовольствия, хотя и является верховным, господствующим в психическом аппарате, но все же не без известных ограничений. Эти ограничения он встречает с двух сторон: со стороны самих внутренних раздражений и со стороны реальных условий, с которыми связано их устранение. Внутренние раздражения по природе своей отличаются от внешних тем, что соответствуют не мгновенно толкающей силе, а непрерывно действующей. Таким образом, устранение или уменьшение их не может осуществляться, согласно идеальному требованию принципа удовольствия, то есть немедленным отводом раздражения по моторному пути.

С другой стороны, внешний мир, при помощи которого только возможно устранение этих раздражений, не всегда к услугам принципа удовольствия.

Под влиянием этих двух обстоятельств психический аппарат должен был, во-первых, быть готовым долгие переносить внутренние раздражения, во-вторых, учитывать соотношение условий внешнего мира и стремиться к их изменению.

Перед аппаратом возникают потому задачи познания внешнего мира и воздействия на него.

«Таким образом был введен новый принцип душевной деятельности». «Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия» (Фрейд). Основные функции психического аппарата — рецепторная и моторная — стали теперь служить выдвинутым принципом реальности задачам.

«Возросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанных с ним сознания, которое, помимо до тех пор исключительно интересовавших психику качеств — удовольствия и неудовольствия — научилось воспринимать и качества, определяемые органами чувств» (Фрейд 3. Основные психологические теории в психоанализе, с. 84).

Были выработаны функции внимания и памяти. Первая служила предварительному обследованию внешнего мира, вторая — должна была сохранять продукты деятельности первой.

Моторное проявление, осуществлявшее устранение раздражения через направляемые внутрь тела иннервации, стало теперь — при господстве принципа реальности — служить целесообразному изменению внешнего мира. «Оно превратилось в действие» (Фрейд).

Изменились также и способы проявления моторной энергии. Вместо немедленного отвода по моторному пути, как это свойственно примитивному рефлекторному механизму, стала необходимой задержка этого моторного

проявления, осуществлявшаяся в форме мышления. «По существу, это (мышление Б. Ф.) есть пробное действие, оперирующее с перемещением меньших количеств нагрузки и при меньшей затрате последней» (*Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе*, с. 85).

Моторная функция, следовательно, приобрела свойство, во-первых, изменять путь оттока энергии (вместо изменений внутри организма, она стала производить изменения во внешнем мире, что связано с новыми путями иннервации) и, во-вторых, превращать моторную энергию в другие виды психической деятельности (задержка действия заменилась целесообразной функцией — мышлением).

Таким образом, при господстве принципа реальности — достижение конечной цели психического аппарата стало в зависимость от задач, выдвинутых реальностью. Принцип реальности не противоречит принципу удовольствия; он ограничивает его в отношении способа осуществления, но сам же служит ему. Ведь благодаря принципу реальности вообще возможно осуществление принципа удовольствия, так как новые задачи и функции психического аппарата являются, в сущности, только средствами для конечной цели. При господстве принципа реальности, «Я, — говорит Фрейд, — не подчинено вполне принципу наслаждения, а следует принципу реальности, который в сущности тоже стремится к наслаждению, хотя и уменьшенному и отсроченному, но зато вполне верному, благодаря тому, что принималась при этом во внимание и реальность» (*Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ*, т. II, с. 147).

Оба принципа — удовольствия и реальности, — которыми регулируется деятельность психического аппарата, указывают на двоякого рода целесообразность, которой аппарат подчинен. Первая — биологическая, вторая — внешняя, имеющая в виду первую же. Следовательно, и вся наша деятельность следует этой двойной целесообразности: внутренней и внешней.

Нам необходимо теперь рассмотреть те моменты, которыми эти два вида целесообразности представлены в психике. Начнем с внутренней целесообразности.

2. Основные источники, или цели человеческой деятельности

Психический аппарат приходит в движение под влиянием поступающих в него изнутри и извне возбуждений, которые вызывают целесообразные моторные проявления (или их видоизменения).

«Вся наша психическая деятельность исходит из внутренних (и внешних) раздражений» (*Фрейд З. Толкование сновидений*, с. 384).

Но вся сложность психической деятельности вызывается, главным образом, внутренними раздражениями, которые для своего устранения вынуждают психический аппарат подчиняться принципу реальности. Этот принцип и является настоящим условием развития нашей психики, так как

постепенно выдвигает ряд новых целей. Потому мы остановимся здесь только на этом источнике нашей деятельности, то есть на внутренних раздражениях.

Внутренние раздражения Фрейд называет влечениями. «Под влечением мы понимаем только психическое представление непрерывного внутри соматического источника раздражения, в отличие от «раздражения», вызываемого отдельными возбуждениями, воспринимаемыми извне» (Фрейд 3. Очерки по психологии сексуальности, с. 43).

Влечение есть, следовательно, следствие органического процесса, являющегося раздражением для психики. «Раздражение влечения лучше называть потребностью» (Фрейд). Влечение не совпадает с биологическим явлением в источнике раздражения, а только обозначает его отношение к психике.

Влечения, следовательно, являются научно-вспомогательным понятием, стоящим на границе между психическим и соматическим; «они являются мерилем работы, которая требуется от психики, вследствие ее связи с физическим».

Влечение поэтому характеризуется количественным моментом. «Влечение представляет из себя известную долю активности...» «Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их...»

«Под напряжением влечения понимают его двигательный момент, сумму силы или мерилу требуемой работы, которую он олицетворяет» (Фрейд).

Все влечения, по существу, однородны, как выражение движущей силы.

«Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отличаются различными качествами, и потому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна? Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит от заключающейся в них величины возбуждения, быть может, еще и от некоторых функций, этой количественной стороны» (Фрейд 3. Основные психологические теории в психоанализе, с. 109).

Влечение само по себе не обладает никакими свойствами или признаками. «Самым простым и естественным предположением о природе влечений было бы то, что они сами по себе но обладают никаким качеством...» Только отношение к их соматическим источникам и их целям составляет отличие от друг от друга и придает им специфические свойства» (Фрейд 3. Очерки по психологии сексуальности, с. 43).

«Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении» (Фрейд 3. Основные психологические теории в психоанализе, с. 107).

«Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения» (там же).

Психологическое изучение влечений касается, главным образом, их целей. «Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии». «Иной раз можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источника» (там же, с. 108).

Постоянным признаком данного влечения является отношение к его цели, так как она связана с характером раздражения, обусловленным определенным органическим процессом. Поэтому этот признак и является качественным определением для влечения, как раздражения для психики.

Если действие влечений на психический аппарат однородно, поскольку оно обуславливается количественной стороной, то качественное различие влияний влечений проявляется в различии их отношения к цели и зависит, в конечном счете, от источника раздражения. «То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений» (там же, с. 109).

Принципом разделения влечений, следовательно, должно быть признано отношение влечения к цели.

С этой точки зрения Фрейд предложил разделить влечения на две основных группы: влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Влечения первой группы имеют своей целью сохранение индивида (вида), целью влечений второй группы является сохранение рода.

В пользу разделения на такие группы Фрейд приводит следующие биологические соображения: «Индивид, действительно, ведет двойное существование — как самоцель и как звено в цепи, которой он служит против или, во всяком случае, помимо собственной воли...» «Подразделение на влечения «Я» и сексуальные влечения в таком случае явилось бы только выражением двойной функции индивида» (Фрейд 3. Очерки по психологии сексуальности, с. 122).

Целям этих двух групп влечений в организме должны соответствовать различные органические процессы. «Обе группы представляются нам только названиями источников энергии индивида, и обсуждение вопроса о том, являются ли оба в своей сущности одним и тем же или чем-то существенно различным... не может вестись относительно понятий, а только относительно тех биологических фактов, которые обозначаются этими понятиями» (там же, с. 201).

Таким образом, конечная цель деятельности психического аппарата, выраженная принципом удовольствия, проявляется в целях различных влечений. Теперь необходимо выяснить, каким образом влечения из чисто количественного момента в психике превращаются в явление, имеющее и качественную сторону. Другими словами, возникает вопрос, каким путем конкретно устанавливается отношение влечения к своей цели. Хотя цель влечения заключается в удовлетворении, то есть в устранении раздражения, исходящего из определенного источника, и, следовательно, совпадает с

конечной целью деятельности психического аппарата, однако, различие влечения, как мы видели, заключается в различии их целей, то есть в стремлении к определенному способу устранения данных раздражений. Отношение влечения к цели, следовательно, связано с отношением к способу удовлетворения влечения.

3. Процесс образования желаний

Для удовлетворения влечения, то есть осуществления цели его, необходимо определенное средство или объект. «Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели» (Фрейд).

Но объект влечения становится таковым только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение влечения. Это свойство объект приобретает, когда посредством него, благодаря определенным обстоятельствам, влечение было раз удовлетворено. Тогда ближайшей целью влечения становится получение удовлетворения при помощи данного объекта, обладающего способностью к устранению раздражения.

«Существенной составной частью этого переживания (чувства удовлетворения. — Б. Ф.) является наличность определенного восприятия, воспоминание о котором с этого момента ассоциируется навсегда с воспоминанием об удовлетворении. Как только в следующий раз проявляется эта потребность, так сейчас же благодаря имеющейся ассоциации вызывается психическое движение, которое стремится вызвать воспоминание о первом восприятии, иными словами, воспроизвести ситуацию прежнего удовлетворения. Вот это-то психическое движение мы и называем желанием»¹ (Фрейд 3. Толкование сновидений, с. 403).

Желание, следовательно, есть стремление к определенному раз испытанному удовлетворению. Только путем опыта удовлетворение — влечение приобретает характер стремления к конкретной цели, связанной с определенным объектом. Необходимо выяснить взаимоотношения этих двух понятий. Влечение есть научно-вспомогательное понятие, стоящее на границе между психическим и соматическим; желание есть конкретное психическое явление.

Влечение — необходимое условие желания, как источник стремления вообще — но для своего существования желание требует удовлетворения влечения. Влечение — результат восприятия раздражения (изнутри), желание — следствие воспринятого удовлетворения (извне), то есть устранения этого раздражения. Влечение выражает количественный момент, меру потребной работы для устранения раздражения, желание характеризует и качество данного влечения своим отношением к определенной цели и объекту.

---

¹ Понятия «воспоминание» и «желание» не должны мыслиться здесь, как сознательные, как это может казаться вследствие субъективного значения этих слов. Текст относится к примеру с ребенком.

Для нашей деятельности необходимо наличие не только влечения, но и желания. Первое есть движущая сила, второе есть направление силы на конкретную цель.

Следовательно, чтобы влечение как источник активности могло появиться в виде определенной деятельности, необходимо наличие промежуточного момента в виде направленного на определенный объект желания. Оно является ближайшим мотивом деятельности.

Чтобы выяснить, как возникают различные желания, следует ознакомиться о судьбой желаний в психическом аппарате. Для этого необходимо сначала рассмотреть «структуру» последнего в функциональном отношении.

Психический аппарат не является чем-то однородным целым, а представляет собой сложный механизм, составленный из различных по своим функциям частей. «Мы представляем себе психический аппарат в виде сложного инструмента, составные части которого мы назовем инстанциями или, наглядности ради, системами» (Фрейд З. Толкование сновидений, с. 384).

Деятельность психического аппарата, с этой точки зрения, следует мыслить всегда в связи с функцией определенной инстанции аппарата. Эту точку зрения Фрейд называет «топической».

Проявление нашей психической деятельности следует рассматривать, как результат взаимоотношения функций этих инстанций, что Фрейд называет «динамической» точкой зрения в психологии.

Эти инстанции Фрейд назвал «системами» бессознательного, предсознательного и сознательного. В основе этого разделения лежит не описательная точка зрения, а функциональная. Отличительным свойством их служат специфические особенности психической деятельности этих систем, а не признак сознательности. Сознание не может характеризовать психическое явление, как таковое; психическое может существовать, не будучи вовсе или до некоторого момента осознанным нами. «Психоанализ не может перенести сущность психического в сознание, но должен рассматривать сознание, как качество психического, которое может присоединиться или не присоединиться к другим качествам» (Фрейд З. Я и Оно, изд. «Academia», с. 7). Психическое по природе своей бессознательно и существует независимо от того, приобрело ли оно качество сознательности или нет.

«В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы сами по себе бессознательными и восприятие их сознания сравнить с восприятием органами чувств внешнего мира» (Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, с. 130).

Чтобы подчеркнуть, что признак сознательность не характеризует этих систем, Фрейд предложил обозначать их соответственно буквами «Бсз», «Прсз» и «Сз» («бессознательное», «предсознательное» и «сознательное» — соответственно немецким обозначениям — «Ubw», «Vbw», «Ww») чего мы и будем придерживаться в дальнейшем изложении. Переходим к рассмотрению функций этих систем. «Бессознательное составляет регулярную, неизбежную

фазу в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый психический акт начинается как бессознательный, и может таким и остаться, или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание в зависимости от того, наталкивается ли он на сопротивление или нет» (там же, с. 79). «...Психический акт в общем проходит через две фазы различных состояний, между которыми включено своего рода испытание (цензура). В первой фазе всякий психический акт бессознателен и принадлежит к системе Бсз, если цензура при испытании его отвергает, то ему закрыт переход во вторую фазу, он тогда называется вытесненным и должен оставаться бессознательным. Если же он выдерживает испытание, то он переходит во вторую фазу, входит в состав второй системы, которую мы назовем «Сз» (там же, с. 132). Он принадлежит по своим свойствам сознательно, однако, еще несознателен; он только способен проникнуть в сознание, то есть при известных условиях он может без особого сопротивления стать объектом сознания. Ввиду этого Фрейд выделяет особую систему Прсз, которая имеет те же особенности, что и Сз.

Таким образом, существование «систем» связано с характером развития психического акта.

Чтобы выяснить, чем этот характер обуславливается, необходимо ознакомиться с содержанием Бсз.

Если психическая деятельность исходит из внутренних (и внешних) раздражений, то нетрудно понять, что основным содержанием бессознательного — первой фазы психического акта — являются желания, как конкретные психические проявления влечения.

«Ядро Бсз состоит из психического коррелята влечений, которые стремятся дать выход своей энергии, то есть из желаний» (там же, с. 144). Психический акт из системы Бсз стремится к моторному проявлению, но осуществить отток энергии при помощи двигательных механизмов аппарата системы Бсз не может. «Сама по себе при нормальных условиях система Бсз не могла бы произвести ни одного целесообразного мускульного действия, за исключением организованных уже в рефлексы» (там же, с. 145).

Моторная сфера подчинена системе Бсз. «Оно (Сз, Я. — Б. Ф. господствует над подступами к моторности, то есть к оттоку возбуждений во внешний мир» (Фрейд 3. Я и Оно).

Таким образом, вытеснение создает затруднение для оттока энергии влечения. Осуществление желания, следовательно, связано с переходом психического акта в Прсз, то есть с процессом их осознания. Последний зависит от отношения системы Прсз к характеру направляющихся в нее из Бсз желаний. «Психоанализ не оставляет места никакому сомнению в том, что это недопущение бессознательных мыслей в сознание обусловлено исключительно заключающимися в содержании их тенденциями» (Фрейд 3. Основные психологические теории в психоанализе, с. 79).

Смысл вытеснения состоит в том, чтобы избежать неудовольствия в случае неудовлетворения влечения.

«Опыт показывает нам, что удовлетворение влечения, подлежащего вытеснению, вполне возможно и вызвало бы всегда наслаждение, но оно несовместимо с другими требованиями и планом личности; оно было бы связано, с одной стороны, с наслаждением, с другой — с неприятным чувством. В таком случае необходимой предпосылкой вытеснения является то обстоятельство, что мотив неудовольствия приобретает большую силу, чем наслаждение от удовлетворения» (там же, с. 91).

Теперь необходимо выяснить, какое значение имеет вытеснение для влечения, то есть какова судьба влечения после вытеснения. «Несмотря на вытеснение, влечение может находиться в самых различных состояниях, быть бездеятельным, т.о. располагать очень небольшим количеством психической энергии, или обладать ею в различной степени и благодаря тому быть способным на активность» (там же, с. 98).

Нас должна здесь интересовать участь влечений во втором случае. Сохраняя свою активность, влечение, следовательно, стремится найти соответствующее себе выражение, выход, короче, оно продолжает стремиться к удовлетворению.

Вытеснение, таким образом, не устраняет задачи удовлетворить влечение, а следовательно и стремления как-нибудь проникнуть в Сз.

«Доступ в сознание оказывается для них (влечений. — Б. Ф.) совершенно свободным, если они, благодаря искажению или вследствие большого числа заключенных между ними соединяющих звеньев, достаточно отделились от основного психического представления, первично связанного с влечением» (там же, с. 93).

Смысл этого искажения заключается в том, чтобы связь искаженного со своим источником, с первоначальным вытесненным влечением, но была заметна для цензуры, чтобы последняя в искаженном не узнала бы неприемлемой тенденции.

Сущность искажения сводится к тому, что изменяется психическое представление (представление) влечения.

Дело в том, что влечения, как мы читали, есть лишь мерило активности. В сознании же мы воспринимаем влечения соответственно качественной и количественной его сторон в виде двоякого рода психических коррелятов: представления и аффекта.

«Влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение, но и в бессознательном, влечение может быть отражено не иначе, как при помощи представления» (там же, с. 135).

Наряду с представлением, как качественным моментом, необходимо иметь в виду еще и другое, что воплощает влечение и что также может подвергнуться вытеснению. «За этим другим элементом психического коррелята влечения утвердилось название аффекта; последний соответствует влечению, поскольку оно отделилось от представления» (там же, с. 97).

Таким образом, говоря о вытеснении влечения и о судьбе его после вытеснения, мы в данном случае имеем в виду не самое влечение, а его

отражение бессознательным представлением, не затрагивая количественной стороны, — то есть активной силы, психический коррелят которой выражается аффектом. Возвращаемся к вопросу о судьбе влечения после вытеснения. Одним из путей, посредством которого сохранившее свою активность влечение находит в себе удовлетворение или доступ к системе Прсз, является, как мы видим, искажение, которое ведет к замене первичного представления влечения другим. «Если мы ограничимся в нашем наблюдении только последствиями вытеснения в части психического коррелята влечения, состоящей из представления, то узнаем, что обычно вытеснение ведет к возникновению заменяющего образования» (там же, с. 98).

Эти заменяющие образования должны быть так изменены, «искажены», чтобы быть приемлемыми для системы Прсз, то есть чтобы не встретить отпора со стороны вытесняющей инстанции, «цензуры». Работа этого искажения совершается в системе Бсз по законам («механизмам»), свойственным ей¹, и только результат этой работы становится для нас сознательным. Возникновение заменяющего образования делает возможным возвращение вытесненного, так как противодействие, оказываемое со стороны Прсз, чтобы не допустить обратного вторжения влечения, теперь прекращается.

Чем менее приемлемо для сознания влечение, тем строже «цензура» и тем сильнее противодействие, оказываемое ею влечению после вытеснения.

При таких условиях, чтобы вернуться в сознание, влечение должно подвергнуться более значительному искажению, приближающему тенденцию влечения к требованиям цензуры. Может случиться, что заменяющее образование будет обладать тенденцией, совпадающей с тенденцией вытесняющей инстанции, то есть будет носить характер, диаметрально противоположный вытесненной тенденции. Тогда заменяющее образование поддерживает своей активностью противодействие первичному влечению. Сила влечения направлена теперь на осуществление не первоначальной тенденции, а как раз противоположной, то есть обусловившей вытеснение². Следовательно, заменяющее образование, проникнув в Сз, служит теперь цели противодействия проникновению первичного влечения в Сз. Этот вид «заменяющих образований» Фрейд называет реактивными образованиями. «Вытеснение часто совершается так, что противоположное вытесняемой мысли чрезмерно усиливается. Я называю это реактивным усилением, а мысль, которая в сознании чрезмерно сильно держится и подобно предрассудку непреодолима, реактивной мысли. С избытком интенсивности реактивная мысль удерживает неприемлемую в

---

¹ Значительная часть этих механизмов выяснена Фрейдом, особенно в отношении образования такого продукта Бсз, как сновидения.

² Примером такого реактивного процесса может служить вытеснение в бессознательное агрессивности и возвращение ее в сознание в форме крайней кротости и смирения, принимаемой личностью за первичное явление.

вытесненном состоянии» (*Freud S. Sammlung kleiner Schriften zur Neuroselehre, II. Folge, S. 47*).

Реактивные образования проявляются особенно интенсивно и не допускают никаких возражений. Сознанием реактивные тенденции воспринимаются, как первично возникшие в «Я» (Сз).

Значение «искажения» и «заменяющих образований» заключается в том, что благодаря им создается доступ к Прсз вытесненным влечениям, которые в противном случае были бы осуждены на постоянную борьбу с Сз.

«Мы можем себе представить, что вытесненное производит непрерывное давление в направлении сознания в противовес которому необходимо создать такое же постоянное давление в противоположном направлении. Сохранение вытеснения предполагает, поэтому, постоянное напряжение сил и прекращение, с экономической точки зрения, означает экономию сил» (*Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, с. 95*).

Таким образом, «искажение», устраняя «вытеснение» и создавая условие для проявления активности влечения, подчинено цели удовлетворения последнего. При этом бессознательные стремления должны подчиниться тенденциям Сз.

Стало быть, как «вытеснение», так и «искажение», преследуют один и тот же мотив — предупреждение неудовольствия; первое — в случае проникновения влечения в Сз, второе — в случае неудовлетворения влечения. Следовательно, оба служат, в конечном счете, принципу удовольствия.

Возникновение же обоих механизмов обусловлено необходимостью для психического аппарата подчиняться принципу реальности, который противостоит влечениям в виде тенденций цензуры (об этом ниже).

Итак, процесс образования определенных стремлений сводится к обработке представлений влечений путем ограничения, либо резкого изменения их тенденций, в результате чего возникают такие «заменяющие образования», которым доступ в сознание легко может быть открыт. Ближайшими мотивами нашей деятельности являются, следовательно, не только первичные влечения, но и заменяющие их тенденции. Первичное влечение сохраняет при этом свое значение источника активности.

Таким образом, значительная часть наших стремлений является результатом борьбы тенденций в психическом аппарате, отражаемой психической динамикой.

4. Процесс образования рациональных мотивировок

Источники или мотивы, значительной части наших стремлений, как мы видели, исходят из системы Бсз. Но бессознательные влечения становятся доступными нашему сознанию в форме определенных психических продуктов Бсз, «отпрысков» его, по выражению Фрейда. Рассматриваемые со

стороны сознания, они кажутся последнему либо непосредственно присущими Сз, либо результатом деятельности этой системы. Происходит это оттого, что сознанию не дана возможность замечать связь отпрысков Бсз с их действительным источником, особенно в тех случаях, когда имело место сильное вытеснение с последовавшим резким искажением влечения, то есть при реактивном образовании. Ведь условием доступа в Сз является такое искажение, которое не давало бы возможности Сз обнаружить в заменяющем образовании признаков его происхождения из вытесненных, а следовательно, неприемлемых влечений. Отсюда и свойство Сз считать заменяющее образование влечений за тенденции, первично возникшие в самой системе Сз. Таким образом, для сознания действительные источники определенных стремлений остаются скрытыми, вследствие чего объяснение их происхождения, даваемое сознанием, не может быть признано фактическим.

«...Явления, воспринимаемые нами в нашем понимании, должны отступить на задний план, перед стремлениями, которые мы только еще предполагаем» (*Фрейд* 3. Лекции по введению в психоанализ, т. I, с. 72).

Если вспомнить, что реактивные образования обладают тенденциями, противоположными первичным, то ясно, насколько ошибочно в этом случае суждение Сз об их источнике. «Ведь тот факт, что в сознательной душевной жизни господствуют определенные тенденции, вовсе не может служить доказательством того, что в психической жизни не имеется и бессознательных тенденций противоположного характера» (там же, с. 150). Возникновение таких замещающих образований с противоположными тенденциями, как мы читали, обусловлено господствующей в системе Сз сильной тенденцией, требующей, чтобы первичное влечение оставалось вытесненным. «Возможно даже, что именно преобладание какого-нибудь душевного движения и создает условие для того, чтобы противоположное ему стало бессознательным» (там же, с. 151).

Таким образом, разобщенность систем Бсз и Сз, обусловленная «цензурой» по отношению к определенным тенденциям, является условием неправильного суждения Сз о происхождении воспринимаемых им в себе стремлений.

Благодаря свойству Сз приписывать себе роль источника в происхождении ряда наших стремлений создается новый способ проникновения в Сз вытесненных стремлений. Кроме механизма искажения, изменяющего характер тенденции влечения. Бсз пользуется так называемым механизмом рационализирования. Сущность рационализирования заключается в том, что сознание старается придавать неприемлемым сначала стремлениям значение тенденций, направленных на осуществление высоких стремлений, господствующих в сознании. Другими словами, Сз старается рассматривать эти влечения не как конечные цели, каковыми данные стремления являются в действительности, а как производные от других, вполне приемлемых целей, коим они должны служить. Таким образом, при рационализировании конечная цель влечения не только не отрицается, но и

оправдывается более высокими мотивами, исходящими из Сз, благодаря чему соответствующее влечение получает доступ в сознание.

Смысл механизма рационализирования состоит в том, что при этом связь, стремления с истинным его источником, первичным влечением, остается незамеченной сознанием, которое принимает за источник его те мотивы, которые господствуют в Сз. В этом отношении рационализирование имеет общее с искажением, которое также стремится придавать вытесненному стремлению характер приемлемой для Сз тенденции. Но разница заключается в том, что при искажении конечная цель должна быть заменена другой, при рационализировании — конечная цель сохраняется благодаря той новой оценке, которую ей теперь дает сознание. С точки зрения последнего, результат искажения и рационализирования сказывается в том, что продукт искажения рассматривается Сз, как первично данное стремление; при рационализировании же Сз рассматривает стремление, как продукт рассудочной (логической) деятельности сознания, как вывод из других первичных целеустремлений, господствующих в Сз.

Итак, рационализирование осуществляет задачу устранения вытеснения, придавая стремлению смысл сознательной целесообразности; при искажении же видоизмененная тенденция признается Сз без дальнейших мотивировок приемлемой. Рационализирование призвано оправдать тенденцию, «искажение» же должно представить ее оправданной. Исканение призвано изменить первичную тенденцию, рационализирование — служить прикрытием тенденции перед цензурой. Но самое характерное для механизма рационализирования заключается в том, что оно совершается функцией системы Сз — мышлением — в то время как процесс искажения совершается в системе Бсз. Это, однако, не означает, что рационализирование не зависит от Бсз. Уже то обстоятельство, что оно имеет своей задачей путем новой мотивировки сделать определенную тенденцию, исходящую из Бсз: приемлемой для Сз, указывает, что рационализирование служит целям Бсз. Значение последнего при рационализировании состоит, следовательно, в том, что оно определяет логический вывод.

Таким образом, и рационализирование есть результат борьбы тенденций обеих систем, который, однако, не приводит к ограничению тенденции Бсз, а наоборот, служит даже поддержкой ее. Вопреки связи механизма рационализирования с системой Бсз, продукты рационализирования принимаются сознанием за истинное основание соответствующих стремлений.

Как и в случае реактивных образований, при механизме рационализирования сознание не замечает, что являющиеся мотивом рационализирования «высокие» стремления имеют своим первичным источником очень «низкие» цели¹. Сознание рассматривает явления в

---

¹ Это не значит, что они преследуют низкие цели, а только возникли из неприемлемых для сознания целей.

обратном порядке: продукты (соображения) рационализирования считает источником, а целью логические выводы из них.

Таким образом, не зная истинного источника стремления, сознание принимает следствие (вытеснения) за причину, так как полагает, что высокая цель, выдвигаемая рационализированием, является настоящей. Но как раз только при этом условии создается доступ тенденции в Сз.

Механизмом рационализирования объясняется образование одной сложной психической деятельности, именно «рассудочной системы». Такая «система» характеризуется тем, что все мысли данной «системы» имеют в виду доказать определенное положение (вывод). При этом скрытая цель, которая лежит в основе «системы», не выражена прямо. Характерно для такой «системы» то, что эта цель не осознана самим субъектом. Этим «система» приближается, по своему значению, к рационализированию, которое является, собственно, «системой» в миниатюре. Поэтому к «системе» относится все, сказанное о происхождении и смысле рационализирования. Сущностью рассудочной «системы», следовательно, является то обстоятельство, что то, что имеется в виду доказать рассуждениями, не совпадает с тем, что преследуется бессознательно творцом «системы».

Сз же опять-таки принимает вывод «системы» за исходный пункт или движущий мотив рационализирования. Фрейд дает следующее определение «системы», относящееся, правда, к бредовой «системе» при болезненном состоянии, называемом паранойей. «Лучшим признаком образования системы является то, что любой ее результат допускает, по меньшей мере, две мотивировки: одну, исходящую из предпосылок системы, то есть возможно и бредовую (то есть рассудочную. — *Б. Ф.*), и другую — скрытую (то есть бессознательную. — *Б. Ф.*), которую мы должны признать как собственно действительную, реальную (*Фрейд* 3. Тотем и Табу, с. 106).

Таким образом, продукты мышления могут иметь свои корни в бессознательном и ошибочно приниматься сознанием за непосредственный результат работы одного только Сз.

Роль сознания, в действительности, ограничивается, как мы видим, участием функции логического мышления, источником же и направляющим моментом является тенденция, исходящая из систем Бсз.

Таким образом, не только наша активная деятельность, но и мыслительная работа определяются нашими желаниями, часто происходящими из системы Бсз. Мышление, следовательно, не может быть понятно вне связи с общими тенденциями психики.

5. Значение бессознательного для сознания

Нам необходимо теперь резюмировать, на основании сказанного, роль системы Бсз для нашего сознательного поведения и мышления. Деятельность Бсз является как бы подготовительной стадией работы психического

аппарата. Система Сз является, с одной стороны, препятствием к осуществлению бессознательных влечений, а с другой — и условием этого, поскольку оно господствует в известной степени над моторной деятельностью.

Но взаимоотношения систем Бсз и Сз далеко не ограничиваются одним только антагонизмом, выражающимся в «вытеснении», так как нельзя все содержание Бсз целиком противопоставить, по своим тенденциям, содержанию Сз. Тенденции обеих систем могут иногда совпадать, и тогда они действуют совместно. Если создается такая ситуация, при которой бессознательное стремление представляет из себя тенденцию, совпадающую с таковой же, господствующей в Сз, то не только бывает открыт ему доступ в сознание, но последнее идет навстречу, оказывая полную поддержку в осуществлении этого стремления. Сз принимает подобные стремления за усиленные тенденции, непосредственно происходящие из Сз. Деятельность, направленная на осуществление таких стремлений, подкрепленных бессознательным, отличается особой интенсивностью и непреодолимостью. «Усиленные стремления проявляются все-таки иначе, чем нормальные: они создают способность к исключительной по совершенству деятельности и проявляют такую же сопротивляемость против возражений, как навязчивые симптомы» (*Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе*, с. 51).

Между системой Бсз и Сз существует также отношение взаимного влияния. «Бсз... всегда влияет на Прсз и со своей стороны даже подвергается влиянию Прсз» (там же, с. 147).

Далее, Бсз является одним из источников содержания Сз; оно обуславливает значительное количество наших сознательных стремлений.

Поэтому то, что мы называем мотивами наших поступков, большей частью следует искать в Бсз. «За явными мотивами наших действий стоят несомненно тайные причины, в которых мы не сознаемся, а за ними еще более тайные, о которых мы даже не знаем». «Большая часть наших повседневных поступков есть проявление скрытых, нами неосознанных мотивов» (*Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse*)¹.

Но не только побудительные стимулы зависят от Бсз, но и ряд запрещающих мотивов также имеют связь с Бсз, особенно в случае реактивного запрещения.

«Вследствие имевшего место вытеснения, связанного с забыванием-амнезией, мотивировка ставшего сознательным запрещения остается неизвестной» (*Фрейд З. Тотем и Табу*, с. 44).

Таким образом, не только неприемлемые, то есть вытесненные влечения находятся в Бсз, но и вытесняющая тенденция может быть не осознана нами.

---

¹ Цитаты из этой работы Фрейда мной приводятся по русскому переводу (рукописному), сделанному д-ром. Р. А. Авербух, любезно предоставившей его в мое распоряжение.

«В действительности, не только психически вытесненное остается чуждым сознанию, но также и часть господствующих в нашем Я душевных движений, то есть самое сильное, — функциональная противоположность вытесненного» (Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, с. 149).

Следовательно, с бессознательным связаны не только низкие, неприемлемые тенденции, но и противоположные им. Система Бсз приобретает, таким образом, значение не только для органических влечений, но и для «идеальных». «Не только самое глубокое, но и самое высокое в Я может быть бессознательным» (Фрейд З. Я и Оно).

6. Роль сексуальных влечений в психике

До сих пор мы говорили о влечениях вообще и о механике психического аппарата. Собственно говоря, сказанное является лишь абстрагированием от конкретной психической деятельности, связанной, преимущественно, с сексуальными влечениями, так как теория Фрейда занимается изучением последних.

Выяснение взглядов Фрейда на возникновение некоторых сложных психических феноменов возможно в связи с рассмотрением роли сексуальных влечений в психике человека. Предварительно сделаем несколько общих замечаний о сексуальных влечениях вообще.

Прежде всего, необходимо отметить, что в группу сексуальных влечений входят ряд влечений, имеющих значение средства к достижению конечной цели — продолжению рода; их цели — предварительные.

Фрейд называет эти компоненты сексуального инстинкта «частичными» сексуальными влечениями.

Далее, сексуальные влечения отличаются рядом важных особенностей. «Сексуальные влечения вообще представляются нам более пластичными, гибкими и более способными к перемещению». «Это способное перемещаться либидо работает в интересах принципа удовольствия, содействуя уменьшению перегрузки, и облегчает разряд. При этом нельзя отрицать известного безразличия того, по какому пути пойдет разряд, если только он вообще происходит» (там же, с. 44–45).

Эта способность сексуальных влечений совершать отток своей энергии по различным путям сказывается на отношении их к объектам влечения.

Объектом влечения может стать все то, что способно удовлетворить влечение, то есть устранить раздражение.

«Это (то есть объект. — Б. Ф.) — самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, и присоединяемый к нему благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение».

Эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль» (Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе, с. 108).

Другой особенностью сексуальных влечений является отношение их к цели (влечение).

Достижение конечной цели сексуальных влечений связано с достижением предварительных целей или с удовлетворением частичных влечений. Цели этих влечений могут становиться одна вместо другой, а иногда — по крайней мере, временно — стать на место конечной.

«...К одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга» (там же, с. 107).

Возможна задержка в осуществлении конечной цели вследствие удовлетворения частичного влечения. «Опыт позволяет говорить о влечениях с задержкой в достижении цели при таких процессах, при которых допускается часть удовлетворения влечения, а затем поступает задержка или отклонение от цели» (там же, с. 108).

Наконец, при известных условиях, влечения могут отклоняться от своей цели и направляться на цели, непосредственно не связанные с целью влечения. При этом, конечно, происходит изменение качества влечения, десексуализирование его. С «экономической», или количественной, точки зрения удовлетворение влечения и в этом случае будет иметь место, ибо отток энергии влечения все же происходит.

Этот процесс Фрейд называет сублимированием. Он становится понятным, если вспомнить природу влечения. Оно представляет только величину раздражения, мерило работы, требуемой от психического аппарата. С этой точки зрения, все влечения однородны. Качество же, как мы видели, определяется отношением влечения к цели. Но вы только что отметили, что сексуальные влечения способны менять свои цели и объекты, в чем, собственно, и заключается сублимирование. Процесс сублимирования нетрудно представить себе, если принять во внимание значение психической динамики.

При помощи последней, под влиянием принципа реальности, первичные влечения могут менять свои тенденции, вплоть до превращения их в противоположные. Таким образом, уже реактивное образование представляет процесс сублимирования.

«Особым видом сублимирования является подавление, посредством реактивного образования» (Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности, с. 112).

«Он (процесс сублимирования. — Б. Ф.) состоит в том, что сексуальное побуждение отказывается¹ от своей цели, состоящей в получении наслаждения от удовлетворения частичного влечения или удовлетворения влечения к продолжению рода, и ставит себе другую цель, имеющую только генетическую связь с той, от которой пришлось отказаться, но само по себе

---

¹ Особым вопросом является, как и когда это происходит.

уже не сексуальную, а заслуживающую названия социальной» (там же, с. 135).

Сущность сублимирования заключается в изменении цели влечения, то есть в качественной модификации последнего.

«Сублимирование — процесс, происходящий с объектом либидо, и состоит в том, что влечение переходит на иную цель, далекую от сексуального удовлетворения; суть при этом заключается в отвлечении от сексуального» (там же, с. 136).

Значение процесса сублимирования состоит в том, что при этом снабжается активностью, то есть двигательными импульсами, деятельность, направленная на достижение несексуальных целей.

Таким образом, сублимирование указывает на один из путей, посредством которого сексуальные источники могут питать своей энергией влечения, имеющие другое происхождение.

«Сублимирование, впрочем, представляет из себя только частный случай присоединения сексуальных побуждений к иным, не сексуальным» (там же, с. 136).

Способность к сублимированию имеет значение для культуры, так как благодаря ему последняя черпает запасы активности человека.

«Он (сексуальный инстинкт. — *Б. Ф.*) отдает в распоряжение культуры необыкновенно большую силу вследствие особенной своеобразной способности его замешать свою непосредственную цель без существенной потери в интенсивности. Эта способность замешать первоначально сексуальную цель¹ другой не сексуальной, но родственной психической, называется способностью к сублимированию» (*Фрейд З.* «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность, «Психотерапия», 1912, № 1).

С психологической точки зрения значение сублимирования состоит в том, что оно объясняет механизм происхождения многих из тех проявлений человека, которые оцениваются нами как социальные или этические.

Первично служившие сексуальным целям частичные влечения, отклонившись от последних, могут проявляться как самостоятельные и лишённые материальных целей.

«...Мы приходим к взгляду, что все чувства и отношения, оцениваемые в жизни как симпатия, дружба, доверие и т.п., генетически связаны с сексуальными и развились² из чисто сексуальных вождений, благодаря ослаблению сексуальной цели, хотя и представляются нашему внутреннему сознательному восприятию абсолютно чистыми и лишёнными чувственности» (*Фрейд З.* О динамике перенесения. В сб. «Методика и техника психоанализа», с. 99).

В данном случае мы имеем дело с задержкой на предварительных целях.

---

¹ Имеется в виду цель частичных сексуальных влечений.

² Представляется задачей особого рассмотрения, как именно это происходит.

Фрейд указывает условия образования нежных чувств из первоначально чувственных стремлений.

«Нас не удивит, если мы услышим, что задержанные сексуальные стремления возникают из непосредственных сексуальных, когда на пути к достижению сексуальных целей стоят какие-нибудь внутренние или внешние препятствия» (*S. Freud, Massenpsychologie und Ich-Analyse*). Таким образом, эмоциональные привязанности людей обязаны своим происхождением частичным сексуальным влечениям, отклонившимся от конечной цели или задержавшимся на пути к ней. Другими словами, сублимирование отдельных компонентов сексуального поведения обуславливает то, что принято в жизни называть любовью не в узко-половом смысле слова.

«Ядро того, что мы называем любовью, образует то, что вообще называют любовью и что воспевают поэты, то есть половая любовь с целью полового соединения. Однако, мы не исключаем отсюда и всего того, что вообще совмещается в понятии любви, с одной стороны, себялюбие, эгоизм, с другой — любовь к родителям и детям, дружба и человеколюбие, а также привязанность к реальным предметам и абстрактным идеям» (там же).

Процесс сублимирования в виде «реактивного» вытеснения определенных частичных сексуальных влечений обуславливает возникновение многих заповедей морали.

У некоторых невротиков этот процесс — вследствие определенных причин — ведет к усиленной моральности.

«...В характере невротиков, страдающих навязчивостью, нередко проявляется черта преувеличенной совестливости, как симптом реакции против притаившегося в бессознательном искушения» (*Фрейд З. Тотем и табу, с. 80*).

Эти нравственные тенденции, являющиеся, по существу, запрещениями, имеют для личности обязательный, принудительный характер, благодаря их связи с Боз.

«Запрещение (в невротической навязчивости. — *Б. Ф.*) обязано своей силой, своим навязчивым характером, именно его отношению к своей бессознательной противоположности, к незаглушенному в скрытом состоянии наслаждению» (там же, с. 44).

Вытеснение жестоких или эгоистических стремлений вызывает реактивно противоположные или резко усиленные, компенсированные.

«Если невротизм оказывается... нежно альтруистическим, то он этим только компенсирует лежащую в основе его противоположную направленность жестокого эгоизма» (там же, с. 84).

Механизм образования отдельных моральных принципов позволяет понять существенную особенность морального явления вообще, заключающуюся в том, что оно не нуждается во внешней санкции, а кажется субъекту вытекающим из сознания необходимости данного поступка или недопустимости другого без дальнейшей мотивировки. Единственным мотивом и стимулом субъект считает свое сознание необходимости, называемое совестью.

«Совесьть представляет собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас желаний, но ударение ставится на том, что эта недопустимость не нуждается ни в каких доказательствах, что она сама по себе несомненна». «Обоснование тут кажется излишним; всякий, имеющий совесть, должен почувствовать справедливость осуждения, упрек за совершенный поступок» (*там же*, с. 80).

Происхождение основного атрибута совести — немотивированного сознания необходимости — объясняется тем, что противоположноетребованию совести стремление вытеснено и поддерживается в бессознательном состоянии, а потому сознательное требование воспринимается как первично данная сознанию тенденция.

Сублимирование частичных сексуальных влечений, таким образом, участвует в образовании так называемых социальных эмоций.

«Мы назовем душевные движения, которые определяются тем, что принимают во внимание другое лицо, но не выбирают его сексуальным объектом, социальными» (*там же*, с. 84).

Сексуальные влечения, отклонившись от своей непосредственной цели, присоединяются к другим. «...Сами социальные влечения развились в особые комплексы благодаря слиянию эгоистических и эротических (сублимированных. — *Б. Ф.*) компонентов» (*там же*, с. 84).

Таким образом, частичные сексуальные влечения, подвергшись реактивному вытеснению или сублимированию, вообще участвуют в возникновении культурных образований. «Наша культура в общем построена на подавлении страстей. Каждый человек поступился частью своего достояния, своей власти, агрессивных и мстительных наклонностей своей личности; из этих вкладов выросли материальные и идеальные блага культуры» (*Фрейд З.* «Культурная» сексуальная мораль и т.д. «Психотерапия». 1912. № 1).

Явление сублимирования объясняет нам способ («механизм») превращения влечений, преследующих удовлетворение потребностей субъекта, в стремления, имеющие в виду интересы другого лица или общества. Процесс возникновения бескорыстных стремлений из первоначально эгоистических путем реактивного вытеснения позволяет понять, почему сознанию свойственно рассматривать эти стремления как первичные, непосредственно данные Сз: благодаря вытеснению, поддерживаемому теперь реактивным образованием, первоначальная тенденция не может связаться с системой Сз.

7. Роль реальности для психики

Мы рассмотрели источники нашей деятельности и способы возникновения стремлений и их мотивировок, то есть влечения и их значение в психике.

Выше было указано, что влечения, или внутренние раздражения, потому играют огромную роль в развитии психического аппарата и нашей деятельности, что объектом их удовлетворения является внешний мир. Зависимость их от реальных условий вызвала подчинение деятельности психического аппарата принципу реальности. В психическом аппарате этим принципом представлена внешняя целесообразность нашей деятельности. Под влиянием этого принципа, как мы читали, не только возникли новые психические функции, но все функции аппарата должны были руководиться внешней целесообразностью. Нам необходимо теперь выяснить, какими именно моментами последняя представлена в нашей психике. Другими словами, мы должны выяснить влияние внешней целесообразности в процессе образования конкретных целей нашей деятельности и форм ее проявления.

Реальный мир является условием не только удовлетворения влечений, но, как мы видели, также и предварительного формирования их в конкретные целеустремления.

Эту задачу принцип реальности осуществляет психической «динамикой», путем испытания («цензурой») влечений на пути их из Бсз в Сз. Вытеснение и искажение, обуславливающие окончательный вид представлений влечений, хотя имеют целью удовлетворение неприемлемых для сознания тенденций, то есть в конечном счете следуют принципу удовольствия, однако, находятся под влиянием принципа реальности, репрезентируемого функцией системы Сз — цензурой. Что представляет собой цензура? «Под цензурой мы не представляем себе какой-либо особенной силы, а воспользовались этим словом для обозначения вытесняющих тенденций» (Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности, с. 140). Эти тенденции исходят из особого образования в психике, которое Фрейд называет «идеал Я».

«Побуждением к образованию идеала Я послужило влияние критики родителей... а к родителям со временем примкнули воспитатели, учителя и весь необозримый сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение)» (там же, с. 138).

Следовательно, тенденции, которыми руководится цензура при вытеснении, отражают требования внешнего мира, поскольку они выражаются в господствующих социальных правилах и нормах. Таким образом, цензура олицетворяет препятствие в виде внешних запретов, воспринимаемых личностью, как внутренние. Процесс вытеснения становится поэтому возможным только тогда, когда восприятие личностью внешних требований уже совершилось.

Возникает вопрос, каким образом внешние запреты превращаются во внутренние препятствия? Другими словами, как образуется критикующая инстанция — идеал Я? Этот процесс Фрейд объясняет механизмом идентификации, то есть стремлением субъекта (ребенка или взрослого) отождествить себя с объектами, от которых исходят ограничения. Процесс идентификации происходит через превращение объекта в свой идеал Я, Ре-

результатом идентификации, то есть образования идеала Я, является «водворение» внутрь личности требований объекта. Тогда внешние требования становятся своими, как бы исходящими первично от самого субъекта — из своего идеала Я.

Таким путем возникает у отдельного человека и совесть, то есть сознание необходимости подчиняться определенным правилам.

«Институт совести сначала был в сущности воплощением родительской критики, в дальнейшем критики общества — процесс, который повторяется в тех случаях, когда под влиянием сначала внешнего запрета или препятствия развивается склонность к вытеснению» (там же, с. 138).

Совесть заменяет санкцию внешней необходимости (боязнь наказания, осуждения) внутренней.

Таким образом, цензура (идеал Я и совесть) у отдельного человека отражает внешние запреты, а процесс вытеснения олицетворяет собой столкновение влечений внутри психического аппарата с этими внешними запрещениями, ставшими внутренними.

Нам необходимо, однако, выяснить условия первоначального происхождения в обществе именно этих последних. Фрейд указывает, что «внутренние задержки в древние периоды человеческого развития произошли от реальных внешних препятствий» (*Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ*, т. II, с. 140). Вытеснение возникло вследствие необходимости подавлять под влиянием реальных внешних условий эгоистические стремления. Заменяющим образованием их становились реальные требования социального порядка. Таким образом, и искажение некогда соответствовало подчинению реальным требованиям, а у отдельного человека характер искажения, определяющего окончательный вид влечения, в настоящее время обусловлен также требованиями реальности в лице тенденций цензуры. Таким образом, и те стремления, которые воспринимаются нашим сознанием после возвращения вытесненного (искаженного), в действительности отражают тенденции вытесняющей инстанции, то есть опять-таки воспринятое извне.

В таком случае может возникнуть недоразумение по поводу того, что, с одной стороны, условием образования моральных стремлений является реактивное вытеснение влечений, как мы показали в предыдущей главе, а с другой — они представляют собой воспринятые извне требования среды. Дело все в том, что там мы говорили о механизме возникновения в обществе нравственных тенденций под влиянием реальных препятствий. Здесь же мы говорили о механизме, образования их у отдельного человека под влиянием социальных требований, то есть создавшихся уже вытеснений. По этому поводу Фрейд пишет:

«Тут скрывается тот только смысл, что культура покоится на результатах вытеснения прежних поколений и что каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая те же самые вытеснения» (*Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе*, с. 64).

То, что было когда-то внешним препятствием, то стало социальным требованием, которое воспринимается развивающимся индивидом и воплощается в «цензуре» и совести.

Реальность имеет значение для развития психики человека. С одной стороны, оно обуславливает возникновение новых свойств, которые, под влиянием тех же условий, в ряде поколений могут наследоваться. С другой стороны, она у отдельного индивида вызывает к жизни некогда человеческим родом приобретенное.

«По существу, унаследованное вновь приобретается в процессе индивидуального развития, вероятно, потому, что те же самые обстоятельства, которые некогда вызвали необходимость приобретения новых свойств, продолжают еще существовать и действовать на каждого в отдельности. Я сказал бы, что в свое время они оказали творческое влияние, теперь они вызывают к жизни уже созданное» (*Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. II, с. 144*).

Но и в настоящее время реальность продолжает оказывать «творческое» влияние на психику. «Не подлежит никакому сомнению, что ход предуказанного развития может быть у каждого в отдельности нарушен, изменен непосредственным влиянием извне» (там же.).

Приобретение новых предрасположений происходит под влиянием однородных переживаний многих поколений. «Конституциональные предрасположения несомненно представляют собой следы влияния переживаний далеких предков, и когда-то они были благоприобретенными; без такого благоприобретения нет наследственности. И можно ли допустить, что таким благоприобретениям, имеющим своим последствием передачу по наследству, наступил конец как раз у рассматриваемого поколения?» (там же, с. 151).

Таким образом, реальность является, в конечном счете, решающим условием развития психики.

Наряду с этим решающим фактором необходимо иметь в виду также и законы биологического развития человека. «Признание жизненной необходимости как двигателя развития не должно, впрочем, побудить нас отрицать значение «внутренних тенденций развития», если можно доказать их влияние (там же, т. II, с. 145).

Если мы сделаем беглый обзор роли реальности для психики, то увидим, что как характер деятельности, так и развитие психики обусловлены, в конечном счете, реальностью. Разделение психического аппарата на системы Бсз и Сз вызвано необходимостью подавить такие стремления, осуществление которых встречает препятствия со стороны реальности. Вытеснение есть внутренний механизм, заменяющий и предупреждающий борьбу стремлений о внешними препятствиями. Антагонизм между Бсз и Сз репрезентирует вражду внутренних тенденций с внешними условиями. Психический аппарат в целом есть арена, на которой происходят столкновения внутреннего с внешним.

Но сами внутренние побуждения — влечения — возникли в зависимости от реальности и конкретизируются ею; в таком случае психическая динамика представляет, в конечном итоге, отражение борьбы самих внешних условий между собой, из которых одни соответствуют более древним периодам жизни человека, следовательно, и развития психики, а другие — соответствуют более поздним. И, может быть, сама борьба оттого и происходит, что старое, закрепленное не хочет уступить и покориться новым условиям реальности!

В итоге, психический аппарат отражает в себе внешний мир не только в смысле восприятия органами чувств определенных впечатлений, но также фактов («динамики») и условий реальности, претворяемые в определенные психические «механизмы» или действующие «институции». Реальность, следовательно, не только обуславливает развитие психики в определенном направлении, но сама как бы переносится в психический аппарат, оседая в нем в форме определенных тенденций. Психика не только отражает, но, следовательно, определенным образом и «переваривает», если можно так выразиться, в себе реальность, так что психику можно назвать внутренней реальностью в противовес внешней.

Резюмируем: как назначение и структуры, так предварительная и окончательная — внутренняя и моторная — работа психического аппарата обуславливались и обуславливаются, в конечном итоге, реальностью. Другими словами, то, что в психике есть уже сложившегося, консервативного, то некогда было обусловлено реальностью так же, как в настоящее время действующая (динамическая) сторона психики обуславливается внешними обстоятельствами.

Психика сохранила в себе отпечаток всей истории своего развития от примитивного рефлекторного механизма до сложнейшего нервного аппарата, регулирующего целесообразно всю нашу деятельность, направленную в последней инстанции на осуществление жизненных потребностей человека.

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФРЕЙДА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Для оценки значения учения Фрейда с точки зрения исторического материализма рассмотрим сначала основные социально-психологические положения последнего в свете изложенных нами воззрений Фрейда.

Соответственно плану и концепции предыдущей части статьи, мы здесь остановимся только на двух главных вопросах: во-первых, об источниках и целях нашей деятельности (и мышления), и во-вторых, о роли психики в ряду условий образования конкретного их проявления. Начнем с первого.

«Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории, в последнем счете, является производство и воспроизводство непосредственной жизни. Оно, в свою очередь, двоякого рода. С одной стороны, это производство средств, необходимых для жизни,

предметов пропитания, одежды, жилища и требующихся для этого орудий. С другой — создание самих людей — продолжение рода» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Предисловие). Энгельс, следовательно, признает два основных мотива человеческой деятельности: поддержание индивидуальной жизни и продолжение рода. По учению Фрейда, источником деятельности человека являются влечения двух видов: влечения Я, имеющее своей целью сохранение вида, и сексуальные, цель которых сохранение рода.

Человеческая деятельность направлена на достижение не только этих основных целей, но на осуществление также и таких, которые не имеют непосредственно отношения к ним. Эти цели находятся, однако, в полной зависимости от основных мотивов деятельности и, собственно, служат средством для их осуществления. Конечным мотивам принадлежит, следовательно, не исключительная роль, а только решающая нами.

«Если кто-нибудь это положение (вышеприведенное нами. — Б. Ф.) извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» (Энгельс Ф. Из письма 21 сентября 1890г.).

Сложность и многосторонность человеческой деятельности обуславливается, кроме указанных основных мотивов, наличием еще производных, промежуточных целей. Основные мотивы деятельности остаются неизменными, — промежуточные же цели зависят от внешних условий и влияют только на конкретные проявления ее. Будучи связанными с деятельностью, направленной на осуществление конечных целей, эти промежуточные цели служат условием образования форм деятельности. Таким образом, содержание человеческой деятельности, или истории, обуславливается стремлением к осуществлению многочисленных целей, а не только непосредственно связанных с насущными жизненными потребностями; последние являются лишь источником или конечным мотивом деятельности вообще.

Такую же роль источника деятельности Фрейд приписывает, как мы это могли видеть, первичным влечениям. Все другие стремления суть либо производные от них путем того или иного «механизма» — сублимирования или реактивного вытеснения — либо промежуточные, образовавшиеся под влиянием принципа реальности.

Перейдем ко второму вопросу — о роли психики среди условий образования нашей конкретной деятельности. У Маркса и Энгельса этому термину (психике) должно, очевидно, соответствовать «сознание»¹. Следует напомнить, что термин «сознание» у Маркса и Энгельса употребляется не в том смысле, в каком им пользуется психология вообще или, в частности, учение Фрейда. Творцы исторического материализма понимали под

---

¹ Термин «сознание», употребляемый нами в смысле Маркса — Энгельса, будем брать в кавычки.

«сознанием» не психическое свойство или качество, а содержание сознательной психики, то есть представления, стремления, убеждения.

Как известно, Маркс и Энгельс рассматривали «сознание» как явление обусловленное, подчиненное, в конечном счете, основным мотивам нашей деятельности. «Сознание» есть только другая сторона последней, одно из средств к осуществлению основных мотивов жизни. Оно имеет свою ближайшую цель, определяемую, опять-таки, внешними условиями. «Психология¹ общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею», — пишет Плеханов. «Целесообразная психология так же полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели органы полезны для организма» («К развитию монистического взгляда на историю»). Выражая точку зрения Маркса по этому поводу. Плеханов там же пишет: «У него (Маркса. — Б. Ф.) экономия общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей, их борьбы за существование...» «Борьба за существование создает их экономию, на ее же почве возрастает и их психология».

Сопоставим теперь точку зрения марксизма на роль психики со взглядами Фрейда. В основу воззрений последнего на психику положен, во-первых, принцип биологической целесообразности, который гласит: «Нервная система представляет собою аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до него раздражения». Это ость формулировка принципа удовольствия. Кроме этой биологической целесообразности, Фрейд указывает еще на другой принцип, которым регулируется деятельность психического аппарата. Это — принцип реальности. По существу и этот принцип имеет значение целесообразного момента, только обусловленного не внутриорганическими требованиями, а соотношением условий внешнего мира. Таким образом, деятельность нашего психического аппарата, по Фрейду, руководится принципом двойкой целесообразности, внутренней и внешней, что можно было бы назвать биосоциальной целесообразностью. Что по существу представляет собой «сознание»? «Сознание — это отраженное бытие. Отвлеченные, туманные представления в мозгу человека являются неизбежными продуктами возгонки его материального жизненного процесса» (из работы Маркса «Немецкая идеология» — цит. по Адоратскому.)

Что следует понимать под отражением, указывает Энгельс в «Людвиге Фейербахе».

«Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову; даже за еду и питье человек принимается под влиянием отразившихся в его голове ощущений голода и жажды, а перестает ость и пить, потому что в его голове отражается ощущение сытости». Следовательно, одни побуждения человека представляют собой отражение в психике («голове») ощущений физических потребностей организма.

---

¹ Понятие «психология» здесь употребляется в смысле явления, а не научной дисциплины.

По Фрейду, влечения организма — источники нашей деятельности — являются психическим представителем внутренних раздражений. Восприятие их Сз происходит двояким образом: либо непосредственно, беспрепятственно, либо посредством, то есть преодолением «цензуры» помощью искажения.

«Впечатления, производимые на человека внешним миром, выражаются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, волевых движений, словом, в виде «идеальных стремлений», — продолжает Энгельс (там же). Побуждения, являющиеся отражением влияний внешнего мира, Энгельс называет «идеальными стремлениями». Очевидно, под ними следует разуметь такие стремления, которые не имеют непосредственного отношения к удовлетворению основных потребностей человека, а потому выводятся ошибочно из «идей». «Идеальные стремления» — являются продуктом внешних условий, так как они (условия) выдвигают ряд новых целей, ошибочно принимаемых сознанием за самостоятельные. При постоянстве основных мотивов деятельности изменение этих «идеальных» стремлений «сознание» приписывает себе, игнорируя факт собственной зависимости от внешних условий.

«Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями существования людей, с их общественным бытием, изменяются и их представления, взгляды, понятия, одним словом, их сознание?» (*К. Маркс*, «Нищета философии»). Но как это происходит?

По учению Фрейда, зависимость наших стремлений от внешних условий бывает двоякая: непосредственная и посредственная.

В первом случае возникновение стремлений является результатом подчинения психики принципу реальности, выдвигающему ряд новых задач в зависимости от условий внешнего мира. Процесс образования стремлений тут происходит таким путем, что под влиянием внешней целесообразности возникают новые предварительные цели, которые служат основным влечениям и потому пользуются активностью последних. Это — промежуточные или частичные влечения. Они будут казаться сознанию первичными, когда конечная цель их отодвигается под влиянием реальных условий или вытесняется в Бсз. Кажущаяся самостоятельность стремлений в последнем случае объясняется тем, что связь сознания с первоначальным влечением нарушена.

Кроме того, реальные препятствия к достижению целей становятся психическими задержками, а внешние требования превращаются во внутренние побуждения, образуя психические силы, называемые институтами совести и идеала Я. Источник силы этих психических моментов, отражающий силу реальности, остается для сознания скрытым, так как сами вытесняющие тенденции стали бессознательными.

Во втором случае возникновение производных стремлений под влиянием внешних обстоятельств связано с вытеснением под влиянием воспринятых личностью требований среды, отражающих реальные соотношения внешнего мира. Возвращение в сознание вытесненного в форме

«заменяющего» образования, искаженного под влиянием тенденций «цензур», отражающей внешние требования, является условием образования стремлений для личности.

Эти образования фактически не создают новых стремлений, а только представляют имевшиеся уже в лице цензуры. Зависимость их от внешних обстоятельств, следовательно, посредственна.

Условием, благодаря которому эти стремления кажутся сознанию непосредственно данными изнутри, является вытеснение, преграждающее доступ в Сз первоначальному влечению.

«Идеальная» мотивировка сознанием этих стремлений основана на том, что и вытесняющая тенденция (цензура) рассматривается сознанием первично внутренне данной.

Итак, по учению Фрейда, «идеальными» становятся, во-первых, стремления к предварительным целям («частичные влечения») при «вытеснении» конечных целей, которым они служат средством, вследствие чего они и кажутся первично самостоятельными, независимыми стремлениями, или при отклонении их на другие цели (сублимирование в случае сексуальных влечений), благодаря чему генетическая связь этих стремлений о первичных влечениях не сознается, во-вторых, реактивные образования, заменяющие первоначальные желания требованиями внешнего мира, ставшими внутренними. Таким способом возникают в психике «общественного» человека «идеальные» стремления, которые становятся господствующими в обществе в определенную эпоху.

Системой неправильных отражений мотивов или источников человеческой деятельности является «идеология»¹. Энгельс дает точное определение и вместе с тем исчерпывающее объяснение возникновению «идеологии», с психологической точки зрения. «Идеология — это мыслительный процесс, который проделывает так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Человек создает себе, следовательно, представление о ложных или призрачных побудительных силах. Так как это процесс мысли, то человек и выводит как содержание, так и формулу его из чистого мышления своих предшественников. Этот человек имеет дело исключительно с материалом мыслительным, без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого. Такой подход к делу ему кажется само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие основано, в последнем счете, на мышлении, потому что совершается посредством мышления» (из письма Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893 г.). Здесь Энгельс ясно указывает, отчего проис-

---

¹ Мы употребляем термин «идеология» в том смысле, в каком их обычно употребляют Маркс и Энгельс, а потому будем брать его в кавычки. По этому поводу см. статью Разумовского об идеологии в «Вестн. Соц. Акад.» за 1923 г., № 4.

ходит ошибочный характер суждения «идеолога». Так как всякая деятельность совершается посредством мышления, ибо все, что побуждает человека к деятельности, проходит через его голову, то мышление принимается за источник побуждения. Ошибка «идеологии» заключается в том, что она допускает независимость мышления («сознания») от других явлений, которых потому и не исследует. Все дело здесь в том, что истинные движущие силы, побудительные мотивы остаются для «идеолога» скрытыми¹.

Сущность «идеологии» заключается, следовательно, в том, что она стремится выводить определенную человеческую деятельность или побуждения к ней первично из работы или содержания мышления, считая последнее, в свою очередь, не обусловленным извне процессом.

С точки зрения учения Фрейда способ происхождения «идеологии» объясняется механизмом рационализирования, которым обусловлен процесс образования «рассудочных систем» вообще. При описании этого явления мы уже указывали, что целью его является прикрытие истинных мотивов стремления более высокими, «идеальными», исходящими первично якобы из Сз. То обстоятельство, что действительные источники стремления остаются для личности незамеченными, объясняется связью этого процесса с системой Бсз. Условием образования «системы», или рационализирования, является необходимость избежать осуждения определенной тенденции со стороны Сз, почему возникает необходимость оправдать их².

Механизм рационализирования объясняет нам способ образования в обществе определенной «идеологии» через посредство творящего ее человека — «идеолога». Прежде всего требуется, чтобы «идеолог» не признавал истинного источника побуждений, которые он старается выводить из «сознания». «Что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собой, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что иначе всякой идеологии пришел бы конец» (*Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах). Далее, необходимо, чтобы то побуждение, которое «идеология» старается мотивировать, носило характер неприемлемого для общества или части общества. Другими словами, предпосылкой «идеологии» является возможность конфликта в случае истинной мотивировки побуждения.

Таким образом, условием возникновения «идеологии» является противоречие между стремлениями отдельных групп общества. Во избежание столкновения этих стремлений «идеология» старается замаскировать это противоречие. «Идеолог», создавая «идеологию», отражает эти условия в своей психике. Истинные мотивы побуждения являются у него вытисненными, так как его мирозерцание является

---

¹ См. у Разумовского: «Основная черта идеологов — субъективная искренность, бессознательное для самого себя выражение представлений и интересов какого-либо класса» («Вестник Соц. Академии» 1923 г., № 4. С. 251).

² См. у Разумовского: «Другими словами, идеологические формы духовной жизни, различные виды идеологии обязаны своим существованием противоречиям: противоречия ведут к тому, что выдвигаются различные принципы, во имя которых люди борются» (там же, с. 241).

продуктом вытеснения, имевшего место у предшественников его, тенденции которых он воспринял (воспитание, среда)¹. Таким образом, «идеолог» проделывает процесс рационализации как бы для себя, т.о. бессознательно создает «идеальные» мотивировки для своей «цензуры», так как определенные побуждения, которые служат поводом к созданию «идеологии», встречают у него сопротивление со стороны вытесняющих тенденций, представляющих собой те же внешние, но воспринятые им и рассматриваемые теперь как исходящие из его внутреннего «идеала Я». «Идеология» его потому и отражает реальные внешние условия, что сам «идеолог» продукт их же условий, прошлых и настоящих².

Таким образом, в способе образования «идеологии» мы можем усматривать одну из форм отражения в общественном «сознании» при посредстве «механизма» рационализации (то есть одного из способов бессознательной мотивировки), борьбы определенных противоречий в обществе.

В связи с вопросом об истинных мотивах нашей деятельности и условиях образования наших стремлений стоит вопрос о детерминизме. Сущность проблемы «о свободе и необходимости» Энгельс выясняет в «Анти-Дюринге»:

«Гегель был первым, правильно определившим отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода есть понимание необходимости». «Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она непонятна». «Свобода воли означает не что иное, как способность человека решать вопросы со знанием дела». «Не в воображаемой независимости от законов природы состоит свобода, но в познании этих законов и в созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей». «Свобода, следовательно, заключается в господстве над самим собой».

Здесь, следовательно, свобода и необходимость не противопоставляются одна другой. «Необходимость» (психологически) не исключает «Свободы». Дело только в осознанности или неосознанности ее. «Необходимость» становится для нас «свободой», когда она нами осознана, но этим она вовсе не отрицается.

Постараемся осветить это положение с точки зрения учения Фрейда. Мнимая «свобода» наших действий, то есть кажущаяся их произвольность, обусловлена тем, что корни мотивов наших поступков находятся в бессознательном и недоступны сознанию. Сознательное поведение и мышление, большей частью, связаны с бессознательными влечениями, как мы уже читали выше.

Таким образом, способом происхождения представления о «свободе воли» является известная разобщенность системы Сз от Бсз.

Чем больше связь наших поступков с системой Бсз, тем они являются непреодолимее. Особенно это замечается в случае «реактивных»

---

¹ «Что все идеологи имеют один общий корень — психологию данной эпохи — это понять нетрудно» (Плеханов).

² «Во всех идеологических областях традиция является большой консервативной силой» (Энгельс).

образований. Одно и то же, по своему характеру, стремление проявляется иначе в зависимости от того, как оно возникло: путем ли непосредственного восприятия извне или путем реактивного вытеснения. В последнем случае оно приобретает даже навязчивый характер.

С другой стороны, если содержание бессознательных влечений посредством известных психологических приемов сделать доступным сознанию, то устраняется или уменьшается характер их «слепой» «необходимости».

Личностью приобретается теперь «свобода», которая является таковой в этом случае не в смысле ошибочного суждения Сз о себе, как об источнике наших желаний, но, действительно, дает ей возможность руководить своими поступками. (Это опять-таки не значит, что этим устраняется «необходимость», то есть что это руководство ничем не обусловлено, но устраняется «слепой» характер подчиненности. Личность сознает целесообразность поступка и ею руководится.)

«Вы поймете, — говорит Фрейд, касаясь психоаналитической терапии, — что перевод... бессознательного в душевной жизни больных в сознание должно иметь следствием... уничтожение гнета, под которым находится их душевная жизнь, потому что сознательная (а не свободная. — *Б. Ф.*) воля простирается только на сознательные психические процессы, а всякая психическая навязчивость обусловлена бессознательным» (*Фрейд З. Методика и техника психоанализа*, с. 26).

Система Сз обладает функцией контроля. «Мы создали себе представление о связанной организации душевных процессов в одной личности и обозначаем его, как Я этой личности... Это та душевная инстанция, которая контролирует все частные (частичные. — *Б. Ф.*) процессы» (*Фрейд З. Я и Оно*, с. 12).

«Мы владеем всеми нашими движениями только благодаря тому, что обращаем на них наши высшие, связанные с сознанием душевные акты» (*Фрейд З. Методика и техника психоанализа*, с. 26).

Итак, гегелевское «понимание» необходимости, с точки зрения учения Фрейда, соответствует осознанию бессознательного («необходимости»). Тогда человек чувствует или сознает свою «свободу» (в указанном выше смысле умения сознательно распоряжаться собой). Другими словами, сознание своей «свободы» есть лишь осознание «необходимости». Наконец, вопрос о происхождении наших желаний и их роли. «Прежде чем стать причиной, воля является следствием. И задача социологии, как науки, заключается в том, чтобы понять, как следствие, ту волю общественного человека, которая направляется на поддержание или на создание данной системы общественных отношений» (*Плеханов Г. В. От обороны к нападению*, с. 201) («В Защиту эконом. материализма»).

В истории действуют люди, ставящие себе определенные цели и руководимые определенными желаниями.

Но «желание совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные себе людьми, приходят во взаимные столкновения и

противоречия или оказываются недостижимыми частью по своему существу, частью по недостатку средств» (*Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах).

Первоначальные желания под влиянием различных условий — противодействия желаний других или невозможности осуществить — превращаются, в конце концов, в такие побуждения, которые претворяются в деятельность. Эти побуждения представляют компромисс или равнодействующую борющихся желаний.

«История происходит так, что конечный результат всегда вытекает из конфликтов многих отдельных волей, из которых каждая опять-таки становится таковой благодаря влиянию большого количества особых условий существования» (*Энгельс Ф.* Письмо от 21 сентября 1890 г.).

По учению Фрейда, процесс образования конечного желания совершается в психике посредством функций систем Бз и Сз, взаимоотношения которых отражают реальное столкновение тенденций. Результатом этой борьбы тенденций является окончательное побуждение к деятельности.

Первоначальные желания являются лишь источником окончательных побуждений. Условием же, определяющим их окончательное направление, являются внешние моменты. «Искать тех причин, которые ясно или не ясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже фантастической форме, отражаются как сознательные побуждения в головах масс и ее вожаков — так называемых великих людей, значит — выступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще» (*Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах).

Вопрос о детерминирующих моментах нашей деятельности сводится, следовательно, к вопросу о тех условиях, которые определяют окончательные побуждения.

Это — «вопрос о том, каковы же те силы, которые дали воле людей то или иное направление, каковы же то исторические причины, которые отразились в головах деятелей в виде данных побуждений» (там же).

Образование желаний у «общественного» человека под влиянием внешних сил, с точки зрения учения Фрейда, происходит при помощи механизмов вытеснения и замещения. Столкновение различных желаний, отражающих реальные соотношения сил, в психике человека — «вожака» — ведет к вытеснению одних — в зависимости от реальной силы противоположных — и возникновению в сознании «заменяющих» побуждений, принявших иной раз — при посредстве механизма рационализации — ту или другую «идеологическую» форму.

Итак, как первоначальные желания (не основные мотивы деятельности), так и окончательные, результирующие желания определяются, в конечном счете, внешней необходимостью. Учение Фрейда, таким образом, показывает нам, как это психологически происходит.

С другой стороны, желания же создают внешние обстоятельства. Роль первоначальных желаний при этом сказывается, прежде всего, в том, что они участвуют в образовании окончательного побуждения.

«Но из того, что отдельные желания (из которых каждое стремится к тому, к чему побуждает его устройство) тела и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства или же его личные или вообще социальные условия) не достигают того, к чему они стремятся, а соединяются в нечто среднее, в общую равнодействующую, — из всего этого еще нельзя заключить, что отдельные желания можно приравнять к нулю. Наоборот, каждое желание вносит свою часть в равнодействующую и постольку содержится в ней» (*Энгельс Ф.* Письмо от 21 сентября 1890 г.).

Всякое действие, направленное к созданию тех или иных условий, сначала существует как стремление. «Для того, чтобы войти в жизнь... подсказываемые экономикой политические учреждения должны предварительно пройти через головы людей в виде известных понятий. И вот почему человечество никогда не может перейти от одной поворотной точки зрения своего экономического движения до другой, не пережив предварительно целого переворота в своих понятиях» (*Плеханов Г. В.* От обороны к нападению, с. 213.).

По учению Фрейда, требования реальных условий, воспринимаемые психикой, превращаются в побуждения путем переработки при помощи психической «динамики» (см. главу «Роль реальности для психики»).

Итак, характер желаний является следствием, продуктом, в конечном счете внешних обстоятельств, но в то же время сами желания являются условием создания последних. «Задача материализма в области истории — как понимал эту задачу Маркс — заключалась, стало быть, именно в том, чтобы объяснить, каким образом «обстоятельства» могут изменяться теми людьми, которые сами создаются обстоятельствами» (*Плеханов Г. В.* Основные вопросы марксизма).

Таким образом, положение исторического материализма, что «сознание» есть отраженное бытие в свете воззрений Фрейда, получает следующее психологическое объяснение.

Деятельность нашей психики репрезентирует определенным образом сами соотношения условий внешнего мира. Психические «механизмы» и «институты» являются не чем иным, как воплощением реальных факторов, а «динамика» психики, борьба тенденций, есть процесс, при посредстве которого, под влиянием внешних условий, ставших внутренними, создается направление деятельности человека. Наконец, психика, в своем неправильном («идеологическом») отражении реальности, соответствует реальному стремлению групп общества замаскировать действительные противоречия.

Психика является не только отражением «бытия», но и продуктом его. «Маркс объясняет историческое развитие человечества не природой человека, а свойствами тех общественных отношений между людьми, которые возникают при воздействии общественного человека на внешнюю природу» (*Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю). Приведем точку зрения Фрейда по этому поводу: «Мы знаем силу, которая вынудила человечество пойти по пути... развития и продолжает

оказывать свое давление в том же направлении; эта сила — все та же несостоятельность реальности, или если называть ее настоящим именем — жизненная необходимость» (Фрейд 3. Лекции по введению в психоанализ, т. II, с. 144).

Резюмируем: исторический материализм рассматривает общественное «сознание», как продукт и отражение хода истории, то есть борьбы различных «желаний» (интересов) в обществе¹. Учение Фрейда дает объяснение тому, как совершается процесс образования желаний и отражения их борьбы в «головах» людей, под влиянием внешних обстоятельств.

III. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ФРЕЙДА

Чтобы выяснить значение психологических воззрений Фрейда как метода изучения человеческой деятельности, с точки зрения теории исторического материализма, необходимо ответить на вопрос, во-первых, о том, почему это сопоставление вообще возможно, и, во-вторых, в каком именно отношении.

Сопоставление двух учений предполагает наличие общих сторон или соизмеримых моментов. Между тем, с первого взгляда может показаться, что ни по предмету, ни по задаче исследования эти учения — Маркса-Энгельса и Фрейда — не имеют между собой ничего общего. В самом деле, исторический материализм ставит себе задачей изучение развития общественных явлений, учение Фрейда — психоанализ — имеет в виду развитие отдельной личности.

Однако, если рассматривать их с более обобщающей точки зрения, то можно обнаружить все же общие обоим учениям моменты.

Предметом исторического материализма, как и психологических воззрений Фрейда, является, по существу, деятельность человека в обществе.

Далее, сущность целей обоих учений, вообще говоря, сводится к выяснению условий, определяющих эту деятельность.

В таком случае, наша задача — не столько сопоставить, сколько противопоставить эти учения, как методы. Для этого необходим определенный критерий. Почему же критерием в данном случае взят исторический материализм?

Во-первых, потому, что в основу последнего положены принципы, имеющие общегносеологическое и общеметодологическое значение. Во-вторых, и это главное, потому, что исторический материализм является более объемлющей, более общей теорией о человеческой деятельности. «Мы имеем полное право сказать, что материалистическое объяснение истории дает необходимые пролегомены для всякого учения о человеческом обществе,

---

¹ См. вышеприведенное письмо Энгельса от 21 сентября 1890 г

которое захочет настроиться как наука» (*Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма*).

Теперь следует указать, в каком отношении мы намерены противопоставить оба метода. Для этого необходимо сначала рассмотреть сущность и границы каждого метода в отдельности. «Объектом материалистического объяснения истории является не общечеловеческое, не то общее, что присуще людям во все времена, а то исторически отличное, что разделяет людей различных эпох. Но, с другой стороны, ее объектом являются лишь те черты, которые объединяют людей данной эпохи, данной нации, данного класса, а не те, которые выделяют отдельную личность из всей совокупности других личностей, среди которых она живет и действует» (*К. Каутский, Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории*).

Задачей исторического материализма как метода является выяснение источников и целей деятельности «общественного» человека и связанных с ней общественных явлений.

«Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение целей общественного человека (общественную «телеологию»), как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого, в последнем счете, ходом экономического развития» (*Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма*).

Выясняя происхождение мотивов, непосредственно не связанных с основной потребностью жизни, исторический материализм стремится выяснить их зависимость, в конечном счете, от этой потребности. «Исторический материализм нисколько не отрицает действия идейных сил. Он только подвергает их основательному исследованию, он только выясняет, откуда эти идеи черпают свою силу» (*Меринг, Об историческом материализме*).

Но исторический материализм, признавая экономический фактор решающим в конечном счете, нисколько не отрицает других факторов или моментов, определяющих характер мотивов нашей деятельности или содержания нашего мышления. «Материалистическое понимание истории вовсе не претендует на то, чтобы объяснить и без остатка свести к экономическим условиям, например, тот факт, что Цезарь не имел детей и усыновил Октавиана, что Антоний влюбился в Клеопатру, а Лепид был импотентом» (*К. Каутский, Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории*).

В отношении психологических явлений исторический материализм исследует зависимость хода духовного развития общества от других общественных явлений.

«Исторический материализм отыскивает только закон духовного развития, и он находит корни этого закона в том, что сделало человека человеком, а именно в производстве и воспроизводстве непосредственной жизни» (*Меринг, Об историческом материализме*).

Исторический материализм старается выяснить происхождение содержания человеческого «сознания», то есть взглядов, убеждений, представлений, а не этих явлений, как таковых вообще. В цитированной статье «В защиту экономического материализма» Плеханов разграничивает вопрос о происхождении способности к мышлению вообще от вопроса об образовании содержания нашего мышления, которым занимается исторический материализм. «Вы возразите мне, что происхождение «психического фактора» объясняется физической организацией человека. Но я отвечаю, что речь идет не о происхождении человеческой способности к мышлению, а о происхождении человеческих понятий, о происхождении данных, совершенно определенных взглядов на собственность, на отношение между мужчиной и женщиной, на взаимное отношение членов семьи и общества, на отношения людей к первоначальным языческим божествам. Этих взглядов ни в каком случае нельзя считать продуктом биологической эволюции».

В применении к исследованию проявлений духовного творчества исторический материализм старается найти связь его содержания с общественными условиями. Каутский приводит следующий пример: «Я полагаю, что если материалистическое понимание истории может объяснить нам хотя бы только идейное содержание, общее у Шекспира или Гёте, с их современниками, то и этим, однако, не следует пренебрегать» (*К. Каутский, Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории*).

Точно так же в отношении «идеологических» явлений, обусловленных, в конечном счете, экономическим моментом, нельзя все условия их образования без остатка свести к последнему.

«Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, — религии, философии и т.д., то у них имеется доисторическое содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей». «Хотя экономическая потребность была главной пружиной, двигающей вперед познания природы... все же было бы педантизмом искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин» (*Энгельс Ф. Письмо к Шмидту от 27 октября 1890г.*).

Всякое «идеологическое» явление делается человеком, который, . как продукт биологической организации и влияния среды, несомненно привносит свое в образование данной формы. Следовательно, изучение способа происхождения (а не только источника) «идеологического явления» связано с изучением и «идеолога», его личности.

«Выбор того круга проблем, которому личность себя посвящает, выбор точки зрения, с которой она подходит к их разрешению, направление, которым она его ищет, и, наконец, сила, с которой она защищает свою точку зрения, не могут быть без остатка сведены к одним только экономическим условиям; наряду с последними здесь выступают и индивидуальные особенности, развившиеся благодаря своеобразию природных способностей и той среды, в которой находилась данная личность» (*Каутский К. Что хочет и что может дать материалистическое понимание истории*).

Однако необходимо подчеркнуть, что исторический материализм, имея в виду, главным образом, выяснение источников «идеологических» явлений, то есть конечных мотивов, лежащих в основе их, не изучает ближе способа их образования, то есть механизма «отражения» их в «голове».

В письме к Мерингу (от 14 июля 1893 г.) Энгельс говорит: «Мы все на первых порах считали и должны были считать особенно важным выведение политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных этими представлениями действий из основных экономических фактов. При этом мы из-за содержания не обратили достаточного внимания на формальную сторону: на род и способ, каким указанные представления и пр. создаются».

Переходим теперь к рассмотрению сущности и задач психоаналитического метода Фрейда.

«Психоанализ, как наука, характеризует не разрабатываемый им предмет, а техника, при помощи которой он работает. Не насилуя его сущности, психоанализ можно применять с таким же успехом к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах. *Цель у него только одна — открыть бессознательное в душевной жизни*» (курсив наш. — Б. Ф.) (Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. II, с. 117).

Психоанализ, следовательно, имеет целью обнаружить проявление бессознательных тенденций в мотивах деятельности и продуктах духовного творчества человека.

Смысл обнаружения бессознательного заключается в том, чтобы установить действительные источники или мотивы исследуемых проявлений человека. Бессознательное, как мы знаем, репрезентируется, главным образом, в форме искаженных представлений или стремлений («заменяющих образований»). Вследствие этого сознательные мотивы не совпадают в таких случаях со своим источником, то есть с первоначальными влечениями. Открыть бессознательное, значит, во-первых, отыскать первичные влечения, лежащие в основе данных стремлений, и, во-вторых, выяснить те психические «механизмы», при помощи которых последние образовались.

Другими словами, психоанализ стремится вскрыть ту психическую динамику, в результате которой сформировалось данное психическое проявление (идея, мотив).

«Наша задача не только описывать и классифицировать явления, но и понять их как результат борьбы душевных сил, как выражение направляющих к определенной цели стремлений, действующих или совместно, или друг против друга. Мы стремились к динамическому пониманию душевных явлений» (Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ, т. I, с. 72).

Психоанализом, как известно, лучше изучено связанное с сексуальными влечениями содержание бессознательного, а потому понятно, что целью его является исследование, преимущественно, роли этих влечений в жизни человека и общества. Это не значит, что он игнорирует другие тенденции (ибо, как мы уже видели, борющиеся тенденции относятся к

сексуальным влечениям и к влечениям Я), но ставит своей главной задачей обнаружение участия сексуальных влечений в различных проявлениях человека. «Психоанализ никогда не забывал, что существуют и несексуальные влечения, он построен на резком разделении сексуальных влечений и влечений Я... У него нет и никакого разумного мотива для того, чтобы оспаривать существование и значение влечений Я, в то время как сам изучает в болезни и в жизни роль сексуальных влечений» (там же, с. 141).

Больше того, Фрейд указывает, что сексуальный момент находится в зависимости от основного мотива человеческого общества. Таким образом, понимание направления развития сексуальных влечений и связанных с ним последствий невозможно без того, чтобы не иметь в виду конечный, решающий фактор. «Основной мотив человеческого общества, в конечном результате, оказывается экономическим; так как у него не хватает достаточно жизненных средств, чтобы содержать своих членов без помощи их труда, то оно должно ограничить число своих членов и энергию их отклонить от сексуальных переживаний в сторону труда» (там же, т. II, с. 101). Задача психоаналитического исследования ограничивается обнаружением влияния сексуальных источников в деятельности и творчестве человека, то есть выяснением, каким образом участие сексуальных влечений, при определенных условиях, вызвало данные проявления психической деятельности. При этом не мыслится, что они могли возникнуть без участия других факторов; психоанализ же изучает значение только сексуальных источников. Разбирая в своей работе «Тотем и табу» роль сексуальности в образовании религии, Фрейд указывает (с. 110): «Если он (психоанализ. — Б. Ф.) по необходимости, собственно говоря, из обязательной для него односторонности, настаивает на признании только одного источника (сексуального. — Б. Ф.) этого института (религии. — Б. Ф.), то он так же мало настаивает на исключительности этого источника, как и на том, что ему принадлежит первое место среди совокупности действующих моментов».

В таком же смысле Фрейд высказывается, когда говорит о роли «эдипова комплекса» в развитии определенных сторон нравственности, подчеркивая, «что данные здесь объяснения не означают, что мной забыта сложная природа разбираемых феноменов, но что я хочу только прибавить новый момент (сексуальный. — Б. Ф.) к известным уже или еще не открытым источникам религии, нравственности и общества, момент, вытекающий из требований, подсказанных психоаналитическими взглядами».

Следовательно, психоанализ старается изучить роль и другого фактора, кроме решающего, в возникновении явлений общественной психологии. «Он (психоанализ. — Б. Ф.) никогда не предъявлял претензий на то, чтобы дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека, но требовал только, чтобы применяли его положения для дополнения и корректуры нашего знания, приобретенного любым иным путем» (Фрейд З. Очерки истории психоанализа, в сб. «Основные психологические теории в психоанализе», с. 57).

Таким образом, благодаря изучению сексуальных явлений человека, психоанализ отыскивает влияние этого момента наряду с другими (которых он ближе не изучает), а открывая содержание бессознательного в психике, он выясняет способы происхождения определенных психологических явлений. Попытаюсь теперь противопоставить оба метода.

Исторический материализм исходит при изучении общественных явлений из стремлений человека к удовлетворению основных потребностей жизни, беря их уже созданными; психоанализ же исследует способ образования этих стремлений. Исторический материализм ставит себе целью выяснение развития общественных условий, которые определяют деятельность человека; психоанализ же, исходя из созданных социальных условий, выясняет способ их влияния на возникновение определенной деятельности. Исторический материализм исследует влияние производственных отношений как основы на все другие сферы человеческой деятельности в обществе; психоанализ только учитывает или имеет в виду их роль. Исторический материализм ограничивается выяснением влияния социальных условий на происхождение содержания психологического явления, психоанализ же старается изучить способ («механизм») образования форм его.

В свою очередь психоанализ, исходя из данных общественных условий, имеет основной своей целью изучение развития под их влиянием отдельной личности; исторический материализм — при своем исследовании общества берет личность уже развившейся. Психоанализ исследует сексуальные отношения людей как один из источников деятельности; исторический материализм изучает формы их, поскольку они являются следствием других социальных условий. Психоанализ изучает деятельность психического аппарата как средство образования человеческих представлений (в широком смысле слова); исторический материализм берет результаты этой деятельности уже готовыми.

Постараемся выяснить теперь взаимоотношения обоих методов. Психологической предпосылкой обоих учений является положение, что источником нашей деятельности являются жизненные потребности — конечные двигатели развития общества и человека. Исходной точкой зрения их является желание как результат потребности. Отсюда начинается линия расхождения путей и задач обоих методов.

Исторический материализм психологически отправляется от желаний человека как источника деятельности к изучению развития из них сложных явлений общественной жизни, психоанализ — к исследованию процесса возникновения самого желания. Оба метода встречаются вновь в вопросе о взаимодействии между внешними обстоятельствами и желаниями. Исторический материализм здесь исследует роль общественных условий в возникновении содержания или целей новых стремлений из основного мотива деятельности, психоанализ в состоянии выяснить способ образования этих стремлений.

Таким образом, психоанализ методологически продолжает в психологическом направлении исторический материализм. Учение Фрейда начинает свое исследование там, где останавливается исторический материализм в изучении человеческой деятельности. Исторический материализм доходит в своем исследовании до того пункта, где обнаруживается влияние социально-экономического момента. Продолжая, можно психоаналитическим методом выяснить, каким образом возникает отражение его в психике и обуславливает образование данных психических феноменов. Исторический материализм имеет в виду решающий, в конечном счете, фактор; психоанализ исследует роль и сексуального фактора — правда, также подчиненного, в конечном счете, экономическому, но являющегося одним из конечных мотивов истории — «воспроизведением жизни». Это служит также продолжением или дополнением в деле выяснения цепи условий возникновения человеческой деятельности.

Итак, исторический материализм, отправляясь от стремления человека к удовлетворению потребностей, выясняет социальные (в данном случае социально-психологические) следствия их, психоанализ же стремится к выяснению психического механизма образования этих следствий.

Исторический материализм связывает психологию человека с социологией, психоанализ — с биологией. Выражаясь точнее, исторический материализм показывает, как социальное создает психологическое, психоанализ же показывает, каким образом биологическое под влиянием социального превращается в психологическое.

*Психология и марксизм.
Л., 1925, с. 113–159*

Психотерапия и психоанализ

М. И. Аствацатуров

ПСИХОАНАЛИЗ

Введение в психотерапию психоаналитического метода имеет в своей основе тот взгляд, что фактором психогенных симптомов являются *бессознательные механизмы психики* и, так как всякое лечение должно быть направлено против основной причины болезненного расстройства, то при психотерапии нужно стремиться к тому, чтобы выяснить бессознательные механизмы возникновения данного психогенного симптома и затем найти средство к устранению этого симптома.

Действительно, если в возникновении функциональных симптомов сущность дела сводится к бессознательным элементам психики, то оба рассмотренные до сих пор основные метода психотерапии — внушение и убеждение — должны быть признаны несовершенными. Против внушения можно возразить, что оно лишь устраняет болезненные представления, совершенно не касаясь того механизма, которым эти представления обусловлены. Против метода лечения убеждением можно было бы, в свою очередь, возразить, что он претендует на логику больного; между тем все логические доводы могут действовать только на сознательную сферу больного и оставляют совершенно без внимания бессознательную область, в которой, между тем, и коренится сущность заболевания.

Взгляд о роли бессознательных элементов как причины психогенных симптомов представляется не новым. Уже давно была известна роль тяжелых психических переживаний в возникновении истерических симптомов; указанием на это служили случаи появления истерии после испуга, огорчения, обиды и т.п. Механизм происхождения истерических симптомов в таких случаях объяснялся некоторыми таким образом, что эти симптомы представляют собой результат нарушения связи, установившейся между возникшей под влиянием душевного потрясения эмоцией и каким-либо представлением. Исходя из этого, некоторые клиницисты пытались выработать такой метод психотерапии, при помощи которого можно было бы искусственно разобщить установившуюся связь между представлением и эмоцией и связать последнюю с каким-либо новым представлением в таком сочетании, которое не являло бы собой болезненного симптома. Такой метод психотерапии может быть обозначен термином *психосинтеза*. Этот метод не приобрел сколько-нибудь широкого практического распространения, ибо лежащая в его основе теоретическая предпосылка оказалась трудно осуществимой на практике, а те попытки, которые в этом направлении делались, представлялись мало убедительными.

Систематическое проведение метода психотерапии, основанного на выяснении и устранении бессознательных механизмов, обуславливающих

психогенные симптомы, представляет собой так называемый психоанализ, предложенный венским профессором Фрейдом и разработанный им и его последователями.

Психоаналитический метод в той форме, в какой он сейчас существует, не пользуется среди врачей широким распространением. Не отрицая некоторых интересных сторон учения Фрейда, подавляющее большинство специалистов, и среди них самые авторитетные, полагают, что практически как метод лечения психоанализ принял уродливую форму и что, несмотря на некоторые ценные идеи в учении Фрейда, психоанализ в той форме, в какой он применяется составляющими обособленную группу фанатическими последователями Фрейда, представляется совершенно неприемлемым для научной медицины.

Мы постараемся привести здесь совершенно беспристрастный обзор данного учения, привлечшего и привлекающего внимание и неврачебных кругов.

В общем учение Фрейда основывается на утверждении, что как при нормальных условиях, так и при функциональных заболеваниях нервной системы проявления душевной деятельности субъекта находятся под постоянным влиянием так называемых подсознательных факторов. На ряду с сознательными психическими проявлениями в психике данного индивидуума таятся не сознаваемые им обрывки испытанных *им* ранее переживаний. Это положение можно было бы формулировать и таким образом, что психика человека хранит гораздо большее число впечатлений, чем то, которое доступно непосредственному воспоминанию. Эта точка зрения была установлена Фрейдом на основании его анализа истерических симптомов. Последние, по мнению Фрейда, представляют собой не что иное, как проявление упомянутых сейчас подсознательных элементов; симптомы эти находятся в непосредственной причинной зависимости от переживаний, испытанных некогда данным больным и оставивших следы в подсознательной сфере его психики.

Механизм происхождения истерических симптомов заключается, по Фрейд, в следующем. Всякое переживание, сопровождающееся резкой эмоцией, то есть вызывающее реакцию со стороны душевного чувства, должно проявиться во вне или, как выражается Фрейд, должно быть «отреагировано». Если это оказывается по тем или иным причинам невозможным, если субъект не может оказать нормальную реакцию на свои влечения, желания, чувствования и, в особенности, если он должен их подавлять, то в таком случае указанные душевные переживания разряжаются в форме ненормальной реакции, то есть в форме истерического симптома. Сущность дела при этом заключается в следующем. Когда субъект стремится устранить из своего сознания известные представления, связанные с резким аффективным переживанием, то полного устранения не происходит; при этом вытесняется из сознания лишь представление о данном переживании; соответствующий ему аффект переходит в подсознательную сферу и затем

может, связавшись с каким-либо другим представлением, проявиться в форме истерического симптома.

Поясним сказанное примером. Женщина чувствует физическое отвращение к мужу, но по каким-либо житейским или моральным соображениям подавляет в себе это чувство отвращения, старается «примириться» со своим положением, «гонит от себя мысль» об этом. При такого рода «подавлении мысли» чувство отвращения может, отцепившись от представления о муже, перейти в состояние таящегося в подсознательной сфере аффекта. Такой отцепившийся от соответствующего ему представления аффект имеет постоянную тенденцию связаться с каким-либо другим представлением; так, в рассматриваемом нами примере чувство отвращения может бессознательно связаться с едой и, таким образом, может развиться истерическая рвота. Такого рода перенос аффекта с одного представления на другое Фрейд обозначает термином «конверсия». Конечно, при такого рода конверсии происхождение физического симптома остается для самого больного совершенно неизвестным в нашем примере рвота и больная, и врачам кажется беспричинной; на самом же деле она имеет свою причину в скрытых в подсознательной сфере аффектах, отцепившихся от соответствующих им представлений и стремящихся присоединиться к новому представлению. Такие следы от пережитых ранее представлений, таящиеся в подсознательной сфере, по предложению Юнга, одного из убежденных последователей учения Фрейда, обозначаются термином «комплекс».

Итак, в схематической форме основное положение учения Фрейда может быть сформулировано следующим образом: при вытеснении из сознания представлений, имеющих резкую аффективную окраску, аффект может отцепиться от соответствующего ему представления и перейти в подсознательную сферу. Такого рода отцепившийся аффект имеет склонность проявиться в форме ненормального рефлекса, то есть может присоединиться к другому представлению и, таким образом, проявиться в форме истерического симптома.

Фрейд нашел, что если при таких симптомах. восстанавливается механизм происхождения их, то симптомы эти сами собой исчезают. Другими словами, для излечения истерического симптома нужно лишь установить механизм происхождения этого симптома и разъяснить его больному. Возвращаясь к нашему примеру, если больной, страдающей истерической рвотой вследствие конверсии отвращения к мужу в отвращение к еде, разъяснить механизм происхождения ее симптома, то этот последний сам собою исчезает, ибо при этом аффект как бы снова возвращается к представлению, от которого он когда-то отторгнулся.

Тот метод, при помощи которого выясняется способ происхождения такого рода истерических симптомов, и был обозначен Фрейдом термином *психоанализ*. Итак, под психоанализом разумеется прием, при помощи которого стремятся установить подсознательные элементы психики, проявляющиеся в форме ненормальных реакций. А лечение при психоанализе состоит в том, что в памяти больного восстанавливается то

представление, которое было им когда-то подавлено, вытеснено из сознания, и, таким образом, отторгнутый от него аффект снова с ним связывается, что ведет к исчезновению болезненного симптома.

Прежде чем излагать приемы психоанализа, следует отметить следующее. В начале своих исследований Фрейд придерживался того взгляда, что всякое аффективное переживание, всякая психическая «травма» (повреждение) может послужить источником образования комплексов и истерических симптомов. Уже тогда им отмечалось, что среди различных психических травм одно из главных мест принадлежит факторам *полового характера*. Половые влечения и представления имеют всегда резкую аффективную окраску; вместе с тем половые влечения чаще всего подавляются. Под влиянием житейских и моральных условий человеку постоянно приходится подавлять свои половые желания; между тем, половая сфера является обильным источником различного рода фантастических образов и представлений, сопровождающихся резкой аффективной окраской. Фрейд отмечал, что женщина в этом отношении находится в особо неблагоприятных условиях. Житейская традиция и система воспитания направлены к тому, чтобы путем развития в женщине повышенной стыдливости подавлять, скрывать проявляющиеся в ней нормально половые влечения. Постоянно подавляясь, эти половые влечения, согласно взглядам Фрейда, всегда имеющиеся налицо и возникающие уже в младенческом возрасте, приводят к образованию комплексов и могут претвориться в истерический симптом. Вот почему, будто бы, истерия чаще наблюдается у женщин, чем у мужчин.

В дальнейшем развитии своего учения Фрейд стал приписывать «половым травмам» (то есть переживаниям в связи с подавлением половых влечений) все большее и большее значение для образования комплексов и, в конце концов, дошел до утверждения, что половые комплексы являются единственным и исключительным фактором нервности.

Так как Фрейд придает подсознательным элементам психики громадную, если не единственную, роль во всех нормальных и болезненных психических переживаниях, а этим подсознательным элементам он приписывает исключительно половой характер, то отсюда для него делается несомненным вывод, что половые переживания являются единственным и универсальным фактором психики во всех ее нормальных и болезненных проявлениях. Все проявления жизнедеятельности человека, начиная с движений новорожденного младенца, стремления его к груди матери и кончая художественным творчеством и произведениями гения, — все это в глазах Фрейда и его последователей диктуется и определяется половыми влечениями. Любовь детей к родителям, любовь родителей к детям, самые обыденные проявления повседневной жизни, творчество поэта, произведения искусства, мифы, легенды и т.д. и т.д.; во всем этом, в качестве основного двигательного фактора, можно будто бы доказать наличность проявления в той или иной форме элементов полового инстинкта. Подавление и осуществление половых инстинктов составляют, по мнению Фрейда, основу всех проявлений психической деятельности.

Раз половые элементы имеют такое важное значение для нормальной психической деятельности, то кажется понятным, с точки зрения Фрейда, приписать им такую же роль в возникновении психогенных симптомов, то есть совокупности тех болезненных проявлений, которыми характеризуются функциональные заболевания нервной системы (истерия, неврастения, психастения), — состояния, которые обыкновенно обозначают термином «нервность». Фрейд не отрицает, что в возникновении симптомов нервности некоторую роль играют и другие факторы (отравление, истощение нервной системы, врожденная слабость организма), но ближайшим и непосредственным фактором, определяющим тот или иной психогенный симптом, является действующий из подсознательной сферы комплекс, именно комплекс полового характера. Поэтому лечение таких болезненных проявлений должно состоять в том, чтобы установить те подсознательные факторы, которыми обуславливается данный симптом, и восстановить связь комплекса подсознательной сферы с соответствующим ему симптомом. А так как из элементов подсознательной сферы наибольшее, если не единственное, значение имеют половые элементы, то сущность лечения по Фрейду может быть формулирована еще точнее как *обнаружение скрытых в подсознательной сфере психических элементов, являющихся остатками подавленных когда-то половых влечений и неудовлетворенных желаний полового характера.*

Метод, при помощи которого Фрейд и его последователи считают возможным проникнуть в подсознательную сферу, и обозначается термином «психоанализ».

Из определения комплексов как остатков вытесненных из сознания представлений явствует, что они не доступны активному воспоминанию самого субъекта. Больной, страдающий каким-либо психогенным симптомом, и не подозревает, что в основе его лежит половой элемент. То переживание, которое создало в подсознательной сфере комплекс, давно забыто. Однако, согласно утверждению Фрейда и его последователей, существует ряд таких условий, при которых создаются благоприятные моменты для обнаружения скрытых подсознательных элементов психики. Этими моментами и пользуется психоанализ.

Так как подсознательная сфера представляет собою совокупность вытесненных и вытесняемых из сознания представлений, то при полной ясности сознания проявление комплексов затруднено. Напротив, когда имеется налицо та или иная форма понижения деятельности сознания, то создаются благоприятные условия для обнаружения комплексов, то есть автоматических состояний возбуждения, скрытых в подсознательной сфере.

Таким образом, между сознательной и подсознательной сферой существует как бы антагонизм и понижение деятельности сознания способствует обнаружению подсознательных элементов психики.

Вначале Фрейд в качестве метода психоанализа пользовался состоянием неглубокого гипноза, когда имеется лишь некоторая сонливость и когда внимание субъекта не вполне утрачено. Фрейд считал, что во время

этого легкого гипнотического состояния при некотором подавлении сознания могут вспоминаться такие переживания, которые были когда-то вытеснены в подсознательную сферу.

Этот метод психоанализа составляет лишь отдельный, начальный эпизод в учении Фрейда, в настоящее время он совершенно оставлен, и мы, поэтому, не будем останавливаться на подробном его изложении.

Из числа других условий, способствующих проявлению подсознательных психических элементов, Фрейд приписывает важное значение состоянию сна. Так как во сне происходит подавление деятельности сознания, то те отрывочные образы, которые возникают при этом состоянии, представляют собой не что иное, как обрывки того психического материала, который в бодрственном состоянии, под влиянием подавляющей деятельности сознания, таится в подсознательной сфере. *Сновидения* и являются такими автоматически возникающими представлениями, имеющими своим источником подсознательную сферу. Поэтому они могут служить предметом психоанализа.

Следует признать, что учение о механизме образования сновидений составляет наиболее ценную часть всей системы Фрейда. И, если бы не чрезмерное увлечение в смысле приписывания исключительного значения «половым комплексам», учение Фрейда о сновидениях могло бы быть признано заслуживающим еще большего внимания.

Вопреки существующему суеверию о том, что сновидения могут служить указанием на будущее, с научной точки зрения сновидения всегда рассматривались не как предзнаменование будущего, а как проявление образов из прошлых переживаний, И Фрейду удалось подчеркнуть некоторые важные моменты механизма образования сновидений.

Сновидные образы представляют собой явление, причину которого следует искать в предшествующих переживаниях. Сновидение не представляет собой чего-либо бессмысленного; оно определяется психическим прошлым данного индивидуума. Во сне, благодаря угасанию деятельности сознания, оживляются комплексы, то есть представления о тех влечениях, желаниях, которые, как неосуществимые и несоответствующие действительности, были когда-то вытеснены в подсознательную сферу. Бессвязность, бессмысленность сновидений лишь кажущаяся. На самом деле фантастические образы сновидений представляют собой не что иное, как *символическое выражение затаенных желаний*.

То обстоятельство, что сновидения воспроизводят скрытые в подсознательной сфере желания в символической форме, объясняется по Фрейду следующим образом. Прежде всего следует отметить, что иногда скрытые желания воспроизводятся в сновидении и в образе непосредственного осуществления этого желания; это бывает в тех случаях, когда данное желание или влечение не перешло в область подсознательного, или когда оно, вообще говоря, не вытесняется субъектом из сознания. Всякому из собственного опыта известны такие сновидения, которые непосредственно воспроизводят желания субъекта.

В других случаях сновидения хоть и оказываются символизированными, но эта символизация представляется простой, легко доступной истолкованию. В качестве иллюстрации такой формы сновидения приведем следующий пример сновидения, описанный одним из последователей Фрейда, Блейлером. Профессор Блейлер, психиатр, сильно угнетен по поводу случая самоубийства душевнобольного в заведуемом им психиатрическом заведении. Через некоторое время после того, как он уже почти пережил неприятность этого впечатления, он видит во сне, что в другом лечебном заведении, которым он когда-то заведовал, имело место самоубийство больного. Это сновидение, конечно, воспроизводит в несколько символизированной форме желание Блейлера, оно сопровождается приятным чувством: несчастный случай имел место не в том заведении, которым он сейчас заведует; а в том, которым он заведовал несколько лет тому назад, ему высказываются одобрения, что за многолетнее *его* заведование этой больницей в ней не было никаких несчастных случаев, что они начались только после его ухода и т.п. Зависимость между содержанием сновидения и лежащим в его основе желанием довольно очевидна. В своем сновидении проф. Блейлер находит осуществление желания освободиться от ответственности за самоубийство доверенного его попечению больного.

Во многих случаях, однако, сновидения воспроизводят скрытые желания в совершенно символизированной форме. Этот факт символического воспроизведения подсознательных желаний в сновидениях объясняется, по Фрейду, следующим образом. Мы уже видели, что при вытеснении из сознания определенных представлений соответствующие им аффекты переходят в подсознательную среду и таятся там в состоянии возбуждения, стремясь проявиться во вне, то есть присоединиться к какому-либо другому представлению. Этот процесс подавления известных представлений Фрейд обозначает термином «цензура». Цензура приводит к расщеплению между представлением и аффектом и к антагонизму между сознательной и подсознательной сферой. Чем совершеннее процесс вытеснения, тем значительнее степень разъединения между представлением и аффектом, тем меньше возможности для присоединения, таящегося в подсознательной сфере аффекта к соответствующему ему представлению. Поэтому давно и совершенно подавленные желания, даже при подавлении сознания, как это имеет место во сне, воспроизводятся в сновидениях не в тех образах, с которыми они когда-то были связаны, а в форме сновидных образов, имеющих лишь символическую связь с бывшими когда-то представлениями. Таким образом, по Фрейду, в каждом сновидении следует различать две стороны или два содержания: *явное* и *скрытое*. Под явным содержанием разумеется совокупность сновидных образов, непосредственно переживаемых в сновидении; скрытое же содержание соответствует тем элементам подсознательной сферы, которые символически воплощаются в этих образах. «Скрытое» содержание представляет собою как бы идею сновидения, в то время как «явное» содержание есть лишь внешняя форма для воплощения этой идеи.

Из числа других причин, способствующих тому, что скрытые в подсознательной сфере желания не воплощаются непосредственно в сновидные образы, следует отметить еще следующее. Сновидение состоит почти исключительно из зрительных образов; поэтому весь материал подсознательной сферы, который подлежит проявлению в сновидении, должен быть воплощен в форму зрительных образов. Это обстоятельство также составляет важную причину символического характера сновидений: желания выражаются в них не непосредственно, а воплощаясь в зрительные образы. Какая-нибудь абстрактная идея проявляется в сновидении в форме конкретного образа, именно в форме зрительного образа. Это обстоятельство также способствует тому, что скрытые в подсознательной сфере желания проявляются в сновидениях в искаженном, замаскированном виде, то есть образы сновидений символически изображают скрытые в них мысли. Так, например, по Фрейду сновидение, содержанием которого является смерть какого-либо лица, представляет собой всегда желание субъекта, видящего сон. Но это вовсе не значит, что субъект в таком случае желал именно *смерти* данного лица; иногда в сновидное представление о смерти воплощается лишь желание освободиться от этого лица или мысль о препятствии, которое оказывается данным лицом каким-либо намерениям субъекта, испытывающего сновидение. В таких случаях дело идет очень часто о смерти искренно любимого существа (например, собственных детей), смерть которого видящему сон субъекту вовсе не желательна. Сновидный образ смерти в данном случае является лишь искаженным, как бы аллегорическим воплощением в чувственную форму скрытой мысли о том, что умершее в сновидении лицо является препятствием к осуществлению каких-либо стремлений видящего сон субъекта. Подавленное желание освободиться от этого препятствия находит для себя символическое воплощение в смерти.

Далее Фрейд полагает, что иногда один какой-либо образ сновидения может воплощать в себе несколько скрытых желаний. Иногда, например, какое-либо событие, переживаемое в сновидении, оказывается составленным из образов весьма различных как по времени, так и по месту своего возникновения. Такое *уплотнение* или усложнение образов сновидения имеет весьма важное значение как причина неясности, бессвязности «явного» содержания, а это еще более затрудняет обнаружение скрытого. Образы сновидений кажутся субъекту, видящему сон, абсурдными, а сами сновидения рассматриваются как бессвязные, бессмысленные, лишенные логической последовательности.

Все сказанное выше затрудняет обнаружение скрытого содержания сновидения по явному. Это затруднение еще более увеличивается отношением самого субъекта к содержанию сновидения. Так как видящему сон доступно только явное содержание сновидения, а скрытое остается ему неизвестным, то он приписывает всю важность испытываемого в сновидении переживания явным образам. Субъект при запоминании сновидения руководится исключительно смыслом явного содержания; между тем явные

сновидные образы являются лишь символами скрытых; поэтому то, что важно для явного содержания, может быть совсем не важно для скрытого и наоборот. Кроме того, очень часто субъект «перерабатывает» свои сновидения; он стремится придать им известную рациональность, осмысленность: он старается исправить бессвязность сновидения, устраняя из него то, что ему кажется несущественным или нарушающим логическую последовательность, и дополняя картину сновидения, дабы придать ей целостность и законченность.

Далее, следует иметь в виду, что символически осуществляемые в сновидении желания очень часто не существуют в данный момент для видящего сон субъекта; соответствующие им представления были когда-то в сознании, а потом забыты, то есть вытеснены в подсознательную сферу; в сновидных образах могут символизироваться впечатления, совершенно недоступные воспроизведению при помощи активного воспоминания. Вследствие этого «скрытое» содержание сновидения всегда остается непонятным для субъекта, видящего сон; Ему доступно лишь «явное» содержание, но оно истолковывается им совершенно неправильно и в большей или меньшей степени искажается. Все приведенные сейчас факты затрудняют анализ сновидений в смысле выяснения скрытого их содержания, то есть выяснения лежащих в их основе подсознательных элементов психики. Тем не менее Фрейд и его последователи полагают, что, при известном навыке в области анализа подсознательной сферы, выяснение скрытого содержания сновидений всегда возможно.

Не отрицая того, что в учении Фрейда о сновидении есть интересные мысли, мы не *можем*, однако, не отметить, что практически «толкование сновидений» по Фрейду превратилось в совершенно произвольное и необъективное объяснение каждого сновидения как проявления половых влечений.

Наряду со сновидениями материалом для психоанализа, по Фрейду, могут служить и различные проявления нормальной психической жизни. Фрейд утверждает, что в целом ряде самых обычных действий и слов могут проявляться влияния подсознательной сферы; представления, вытесняемые из сознания, влияют различным образом на сознательные проявления психики, и это влияние их может быть обнаружено путем психоанализа. Для этого нет надобности прибегать к каким-либо искусственным приемам. Достаточно наблюдать и беседовать с субъектом. Из его рассказов о различных происшествиях и случаях жизни, иногда на первый взгляд совершенно незначительных, Фрейд и его последователи делают весьма важные выводы о подсознательных половых элементах. Так, по Фрейду, невозможность или затруднение в припоминании какого-либо слова объясняется всегда тем, что это слово имеет ассоциативную связь с каким-либо вытесненным из сознания представлением. Наиболее простым примером этого может служить случай, описываемый Фрейдом и имевший место с ним самим: он не мог вспомнить названия одной местности. Когда он

его вспомнил, то оказалось, что оно имеет звуковое сходство с фамилией одного врача, его конкурента.

Если предложить субъекту ассоциировать от забытого слова (после того, как он его вспомнил) различные слова, то можно таким образом доискаться того представления, которое послужило причиной запоминания слова. Этот прием Фрейд обозначает термином *свободного течения ассоциаций*. Итак, метод этот состоит в том, что субъекту предлагают называть без всякого напряжения внимания первые попавшиеся слова, которые приходят ему в голову в связи со словом, которого он не мог вспомнить. Так как при этом свободном течении ассоциаций внимание больного не напряжено, он как бы автоматически, бесцельно, не руководясь логической связью, называет первые попавшиеся слова, то при этом, вследствие бездеятельности сознания, создаются условия для проявления подсознательных элементов психики и среди тех слов, которые произносятся исследуемым, всегда оказывается слово, соответствующее комплексу, и, таким образом, обнаруживается скрытый в подсознательной сфере фактор, приведший к забыванию слова.

Едва ли нужно указывать, насколько произвольным является такой «анализ» и к каким фантастическим выводам может он привести «анализирующего», в особенности, если принять во внимание, что в основе психоаналитического метода лежит предубеждение об универсальной и исключительной роли скрытых половых представлений.

Помимо запоминания слов, элементы подсознательной сферы играют важную роль, например, при обмолвках. При пониженном внимании, при умственном утомлении, при аффекте человек говорит иногда не то слово, которое он имел в виду сказать. Фрейд утверждает, что такие обмолвки представляют собой отражения элементов подсознательной сферы, то есть что «некстати» произнесенное слово имеет ассоциативную связь с вытесненным из сознания представлением.

Этим же влиянием подсознательной сферы Фрейд объясняет некоторые ошибки письма (описки) и чтения (неправильно прочитываемое слово). Аналогично забывчивости слов Фрейд объясняет многие другие проявления забывчивости. Так, например, забывчивость по отношению к исполнению своих намерений в большинстве случаев имеет в своей основе бессознательные мотивы для неисполнения этих намерений.

Целый ряд действий и поступков, которые обыкновенно рассматриваются как случайные, невольные, имеют, по мнению Фрейда, на самом деле глубокий смысл: они оказываются мотивированными из подсознательной сферы. Они стимулируются элементами подсознательной сферы и являются очень часто их символическим выражением.

Как уже указывалось выше, Фрейд и его последователи идут еще далее: они утверждают, что влияние подсознательных элементов на психику сказывается и может быть легко обнаружено в поэтическом творчестве, искусстве, мифах, народных сказках, суевериях. Во всех этих проявлениях

психики может быть обнаружен тот материал, который был некогда вытеснен из сознания, но не вполне утратил способность проявляться вовне. Из многих примеров укажем на один: миф об Эдипе, убившем своего отца и женившемся на своей матери, по толкованию Фрейда, представляет собой не что иное, как воплощение в легенду подавленного полового влечения детей к родителям. Такое влечение будто бы представляет собой не только чрезвычайно распространенное, но и универсальное явление. Оно лишь никогда сознательно не ощущается, но таится в подсознательной сфере. Такой комплекс скрытого полового влечения к родителям Фрейд обозначает «эдиповским комплексом». Едва ли стоит останавливаться на критике этого утверждения. Едва ли есть надобность указывать, что в мифе об Эдипе сказание о его женитьбе на матери есть желание изобразить самое ужасное из несчастий, которое может постигнуть человека, а не скрытое половое влечение, как это утверждает Фрейд и его последователи.

Если, по мнению Фрейда, подсознательная сфера так резко отражается на проявлениях нормальной психической жизни, то в еще большей мере она сказывается при болезненных явлениях. Так, в различных проявлениях душевной болезни, например, в бреде, галлюцинациях и т.п., мы имеем дело с выявлением скрытых в подсознательной сфере влечений и желаний.

То же самое относится к симптомам так называемой нервности: состояния неопределенного страха, тревоги, угнетенное настроение духа, истерические припадки судорог, различные иные истерические симптомы, как параличи, спазматические сведения конечностей (контрактуры), рвота и т.п. — все это имеет своим источником подсознательную сферу и прежде всего скрытые в ней половые влечения. Отсюда применение психоанализа в качестве метода психотерапевтического лечения. Как уже было указано выше, Фрейд утверждает, что если обнаружить комплекс, лежащий в основании данного симптома, то есть установить то вытесненное из сознания представление, которое, неведомо для самого больного, воплощается в симптоме, и если разъяснить больному механизм происхождения этого симптома, то есть как бы напомнить ему о забытом им влечении, — то симптом сам собою исчезает.

Как мы уже указывали выше, Фрейд и его последователи утверждают, что психоанализ имеет преимущество перед всеми другими методами психотерапии, потому что при нем выясняется и устраняется самый механизм образования симптома. Так ли это действительно? Следует прежде всего заметить, что при психоанализе в той форме, как он применяется практически, никакого анализа, собственно говоря, не производится. Как по отношению к толкованию различных нормальных психических проявлений, так и по отношению к болезненным симптомам психоаналитический метод исходит из догматической предпосылки, что главным фактором этих проявлений служат скрытые в подсознательной сфере *половые* влечения. Таким образом, уже самый «анализ» исходит из предубеждения, что данный симптом обуславливается вытесненными из сознания половыми представлениями. Это положение, рассматривающееся школой Фрейда как

аксиома, на самом деле ничем не доказано. Те доказательства, которые приводят в пользу этого основного положения, являются совершенно неубедительными. Утверждение о том, что в основе психогенных симптомов лежат подавленные половые влечения, не есть, строго говоря, *вывод* из анализа, а есть в одно и то же время и вывод, и предпосылка к нему. При психоанализе исходят из того положения, что подавленное половое влечение уже имеется, и задача «анализа» лишь найти его. И поэтому анализ ведется уже с самого начала тенденциозно, не объективно. Анализа в сущности никакого нет, имеется лишь предвзятая тенденция, и достаточно самого отдаленного, ни для кого неубедительного «намёка» для того, чтобы наличность полового комплекса считалась выясненной и доказанной.

Для иллюстрации приведем следующий, с точки зрения Фрейда, типичный пример мнимой плодотворности психоанализа. Дело идет о мальчике пяти лет, страдающем навязчивой боязнью лошадей. Отец мальчика, врач, последователь Фрейда, сразу решает, что дело идет о подсознательных половых влечениях, именно, что в основе этого состояния должно быть половое влечение к матери (!). Дальнейшее лечение состоит в «анализе», то есть в беседах с этим мальчиком, во время которых ему между прочим задаются вопросы о том, как он представляет себе половые части матери. После нескольких месяцев такого «анализа», установив, что впервые страх лошади появился у мальчика, когда он увидел падение лошади, мальчика спрашивают, не подумал ли он при виде этой падающей лошади об отце. Мальчик отвечает: «Возможно. Да. Это может быть». Этого ответа достаточно для того, чтоб сделать вывод, что у мальчика имеется эдиповский комплекс, то есть что он имеет половое влечение к матери и чувство ревности к отцу.

Конечно, такой вывод ни для кого не убедителен кроме тех, кто фанатически предубежден относительно универсальной роли половых инстинктов во всех психогенных проявлениях.

Но пусть читатель не думает, что мы намеренно выбрали этот случай или утрировали приемы психоанализа. Напротив, приведенный нами случай далеко не самый чудовищный; к тому же он самим Фрейдом считается весьма убедительным и доказательным в пользу психоаналитического метода.

По поводу этого психоанализа 5-летнего мальчика, с которым отец ведет разговоры о половых органах матери, можно лишь повторить слова одного известного берлинского невропатолога: «Я бы обратился, — говорит он, — за содействием полиции для изъятия этого ребенка из растлевающего его душу влияния родителей».

Мы ограничиваемся этим, по заявлению Фрейда, образцовым примером психоанализа и лишь укажем, что он действительно является типичным для той произвольности и необоснованности, которыми характеризуются психоаналитические выводы. К этому же сводится и анализ сновидений. Фрейд и его последователи установили целый ряд сновидных образов, символизирующих будто бы различные половые представления.

Если даже допустить, что это соотношение между определенными образами сновидений и половыми представлениями действительно существует, то из данного сновидения можно было бы заключить о существовании известного комплекса; но это вовсе не доказывает, что этот именно комплекс и обуславливает симптом заболевания.

Такова методика психоанализа. Что касается лежащего в основе положения о первенствующей и исключительной роли половых представлений, то в этом отношении следует отметить следующее. Роль половой сферы в развитии функциональных болезней нервной системы никогда не отрицалась; на сознание этой связи между половой сферой и истерией указывает, между прочим, название данного заболевания. Слово «истерия» имеет общий этимологический корень с греческим обозначением матки. Нельзя не признать известной заслуги Фрейда в том, что он особенно подчеркнул роль половых факторов в возникновении психогенных симптомов. Возможно, что эта роль оценивалась в прежнее время недостаточно. Но Фрейд не только подчеркнул эту роль, но приписал ей исключительное, единственное значение и довел, таким образом, эту точку зрения до абсурда.

Психоанализ в той форме, как он применяется на практике, представляет собой прием, совершенно лишенный признаков научности; он является какой-то фанатической односторонностью, в которой и основные положения, и выводы характеризуются одним общим признаком — предвзятостью. Фрейд со своими последователями составляет отдельную касту. Подавляющее число невропатологов, и притом самых авторитетных, точки зрения Фрейда не разделяют. Последователи фрейдовского учения составляют особую касту с отдельными журналами и отдельными съездами. Отрицательное отношение большинства невропатологов к фрейдовскому учению обуславливается прежде всего тем, что, как это было высказано выше, в основе его лежит положение, правильность которого не только не доказана, но подлежит большому сомнению. Утверждение о том, что психогенные симптомы *всегда* обуславливаются половыми представлениями, лишено всякого основания.

Единственным доводом, говорящим на первый взгляд за психоанализ, является то, что им часто достигается излечение от того или другого болезненного симптома. Но это обстоятельство отнюдь не может решить вопроса о целесообразности данного метода, а тем более не может служить доказательством правильности лежащей в его основе теоретической предпосылки. Мы уже указывали выше на особенности природы психогенных симптомов, на то, что они могут поддаваться различного рода внушениям; всякого рода прямое или косвенное внушение во многих случаях оказывается действительным против этих симптомов. И не подлежит никакому сомнению, что случаи излечения под влиянием психоанализа представляют собой не что иное, результат внушения. Врач, убежденный в плодотворности психоаналитического метода, «обнаружив» мнимый комплекс, будто бы в основе болезни, заражает и больного верой в возможность

излечения. Он внушает больному это излечение. Другими словами, случаи излечения под влиянием психоанализа объясняются вовсе не тем, что при этом действительно обнаруживается вытесненное из сознания представление и вызывается его воссоединение с соответствующим аффектом; дело просто сводится к тому, что больному вселяется вера в возможность излечения.

Само собой разумеется, что если известный врачебный прием помогает от болезненного симптома, то им следовало бы пользоваться независимо от того, правильны ли те теоретические предпосылки, которые положены в его основу. И с этой точки зрения можно было бы думать, что психоанализ представляет собой, хотя бы практически, целесообразный прием и что им не следовало бы пренебрегать. Однако, мы уже знаем, что для внушения больному веры в возможность излечения существуют другие, более простые, более быстрые и более *безвредные* приемы, чем психоанализ. Что психоанализ может во многих случаях принести вред — не подлежит никакому сомнению. Достаточно напомнить о приведенном выше «анализе страха» у 5-летнего мальчика. Со своими постоянными углублениями в область половых представлений психоанализ фиксирует внимание больных на этой сфере. И так как дело во многих случаях идет о субъектах с болезненно повышенной фантазией, то могущие возникнуть из этого последствия очевидны сами собой. Кроме того, те «открытия», к которым приводит иногда психоанализ, сами по себе могут оказывать вредное влияние на и без того неуравновешенную психику больных. Можно себе представить, какое впечатление должно произвести на женщину заявление, что она не любит своего мужа и страдает половым влечением к своему отцу, заявление, основывающееся лишь на том, что она видела во сне человека с бородой и на вопрос врача о сходстве этого человека с ее отцом признала возможность некоторого сходства.

Кроме того, вредная сторона психоанализа заключается в том, что он, исходя из ошибочного утверждения об универсальной и исключительной роли половых комплексов, игнорирует все другие факторы функциональных заболеваний нервной системы.

Сам Фрейд и его последователи объясняют свой неуспех среди врачей нежеланием послед» них углубляться в интимные стороны половых представлений больного. Это объяснение совершенно не соответствует действительности. Врач в интересах больного не должен останавливаться ни перед собственной брезгливостью, ни перед стыдливостью больного. И в деятельности бывают такие условия, когда приходится жертвовать и тем, и другим, но только в том случае, когда этого требует здоровье больного. Между тем опыт показывает, что психоанализ не есть единственный и лучший метод психотерапии. Достигаемые им результаты уступают результатам, получаемым при других методах психотерапии, совершенно свободных от отрицательных сторон психоанализа.

В одной из своих работ Фрейд называет несогласных с ним врачей профанами и невеждами. Думаем, однако, что если такие мировые известности, как Бабинский, Дежерин, Оппенгейм, Крепелин и др., относятся резко

отрицательно к фрейдовскому учению, то причина этого лежит не в их невежестве, а в отрицательных сторонах этого учения.

Те широкие обобщения, которые сделаны Фрейдом из его учения о подсознательных элементах психики, перенесение им своих взглядов в область психологии, изящной литературы, живописи, скульптуры, народных сказаний, наконец, в область педагогики и криминалистики, привели к тому, что фрейдовским учением заинтересовались и неврачебные круги.

Так как, однако, исходным моментом и основой всего учения Фрейда является его применение при лечении психогенных симптомов, то из оценки фрейдовского учения с врачебной точки зрения может быть сделан вывод и относительно роли этого учения для указанных выше областей,

Нельзя отрицать, что Фрейд своим учением дал толчок к более внимательному изучению подсознательной сферы и подчеркнул роль подсознательных половых влечений. Мы еще раз повторяем, что учение Фрейда о сновидениях, как символизированных образах подсознательной сферы, представляет собой чрезвычайно интересную и важную главу психологии подсознательной области.

Равным образом, нельзя отрицать того, что прежде, быть может, несколько недооценивалось влияние подсознательной сферы на поэтическое творчество. Однако, утверждение о том, что все поэтическое творчество есть проявление подсознательных половых влечений, представляет обратную ошибку: переоценку одного фактора. Утверждение же, что психология Гамлета есть лишь воплощение подсознательных половых представлений Шекспира, кажется нам по меньшей мере заблуждением. Что касается применения психоанализа в педагогике, то нам кажется, что настойчивые поиски половых комплексов, выливающиеся практически в беседы с детьми на сексуальные темы, едва ли могут остаться безвредными для детской психики. Из произведений Фрейда и его последователей трудно составить себе ясное представление о том, какие полезные для воспитания выводы можно было бы сделать из обнаружения скрытых половых влечений, не говоря уже об отрицательных сторонах и субъективности методики этого «обнаружения».

Наконец, попытки перенесения психоанализа в область криминологии, попытки устанавливать на основании психоанализа преступление являются чрезвычайно рискованными и едва ли могут приобрести серьезное значение. Резюмируя приведенные данные относительно психоанализа, нельзя не выразить сожаления, что учение Фрейда, заключающее в себе некоторые новые и интересные мысли, вылилось, в конце концов, в фанатически одностороннюю доктрину, которая не встречает и не может встречать сочувствия в виду недостаточной обоснованности ее методики, чрезвычайной произвольности и субъективности выводов. То, на что претендуют сторонники — возможность при помощи этого метода выяснить механизм возникновения психогенных симптомов, — на деле не имеет места. Практически психоанализ сводится к стремлению *во что бы то ни стало*

найти какой-нибудь обязательно половой комплекс для объяснения психогенного симптома.

Таким образом, наиболее целесообразными методами воздействия на психику больного, которыми располагает в настоящее время научная медицина, является внушение без гипноза и убеждение. Между внушением и убеждением существуют незаметные переходы; они обнимают собою все формы психического воздействия на больного со стороны врача, начиная с невольного и бессознательного пробуждения в больном надежды на выздоровление и кончая систематическим, планомерным созданием в больном сознательного отношения к своей болезни и воспитания его воли.

Психотерапия представляет довольно трудную задачу. Если в некоторых нередких случаях достаточно однократной беседы с больным или применения какого-либо косвенного внушения, то во многих случаях восстановление душевного равновесия больного требует многих месяцев. Для такой психотерапии со стороны врача требуется большая выдержка, уверенность в себе, умение овладеть доверием больного, а главное — вдумчивое отношение к каждому случаю. Психотерапия не должна принимать характера шаблонного метода; даже совершенно тождественные симптомы требуют различных способов отношения к больному в зависимости от его общей психической организации, степени его интеллектуального развития, его внушаемости и доверия к врачу. При применении психотерапии должны приниматься во внимание все факторы, содействовавшие развитию болезни, а так как эти факторы в большинстве случаев многочисленны и разнообразны, то всякий метод лечения, имеющий в виду лишь одну причину и игнорирующий все остальное, должен быть признан нецелесообразным. Вот почему психотерапию убеждением приходится нередко сочетать с изоляцией, полным отдыхом, известным режимом, а иногда и с лекарственными средствами и разными физическими методами лечения.

В заключение мы еще раз должны подчеркнуть, что психотерапии подлежат лишь определенные формы болезней нервной системы. Это — так называемые функциональные болезни. Психотерапия может иметь своим объектом лишь психогенные симптомы. Применение психотерапии при так называемых органических болезнях нервной системы, когда имеются материальные нарушения целостности нервной ткани, оказывается безрезультатным. Это обстоятельство заслуживает упоминания, так как в публике существует неправильное представление о «нервной болезни», проявляющееся в том, что понятие о нервной болезни смешивается иногда с понятием о психогенном заболевании. Не всякая нервная болезнь есть психогенная болезнь и, поэтому, не всякая нервная болезнь поддается психотерапии.

Психотерапия есть метод, имеющий целью восстановить нарушение душевного равновесия. Если нервное заболевание зависит от каких-либо вещественных нарушений целостности нервной ткани (воспаления,

кровоизлияния, опухоль, ранение и т.п.), то в таких случаях психотерапия неприменима.

*Аствацатуров М.И.
Психотерапия и психоанализ.
Л., 1926. — 62 с.*

Метапсихология Фрейда

Б. Э. Быховский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анализ метапсихологических воззрений Фрейда еще раз подтверждает, что приятие психоанализа вовсе не требует разрыва с обычными среди марксистов взглядами. Диалектически-материалистическое обоснование психоанализа не только возможно, но и необходимо. Психологическая и психопатологическая теория Фрейда, будучи выражена в рациональной форме, относится к реактологии как часть к целому. Она не противоречит реактологии, а обогащает ее.

Декабрь 1925г.   Б. Б.

Мистификация, которой диалектика подвергается в руках Гегеля, нисколько не мешает тому, что он впервые изобразил всеобъемлющим и сознательным образом ее всеобщие формы движения. Она стоит у него на голове. Нужно перевернуть ее, чтобы найти рациональное ядро в мистической оболочке.

К. Маркс

Cuius est regio, eius religio. У нас в СССР нынче становится в ученном мире признаком хорошего тона подделка своих воззрений «под марксизм». Более поверхностные авторы ограничиваются марксистобразным предисловием и революционной заключительной тирадой: недурно поместить и пару цитат, взятых напрокат в Бухарина. Более серьезные ученые пользуются более совершенными методами для придания научного образа и подобия идеалистически-теологическим воззрениям. Задача марксистов нашей страны — смыть с горьких идеалистических пилюль «материалистическую» позолоту, не поддаваться якобы научной терминологии, а докапываться до сокровенной сути излагаемых воззрений.

Иное дело на Западе. Европейские ученые издавна стараются прикрыть властно диктуемые ходом научных исследований материалистические выводы, завуалировать их тщательнее — *ad majorem capitalismi gloriam* — мистически-спиритуалистической оболочкой. Даже наиболее материалистические буржуазные ученые всегда считали своим долгом отмежеваться от материализма, пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, чтобы выразить свое возмущение по адресу этого «безнравственного» мировоззрения.

В обоих случаях таятся свои опасности для марксиста-ученого. В первом — опасность попасть в расставленную идеализмом ловушку и, самому того не замечая, воспринять идеалистические воззрения. Так было, например, со сторонниками учения проф. Берга о номогенезе, с полным основанием названного телеогенезом. Во втором случае опасность иная — из-за словесной шелухи просмотреть ценные, реальные, а следовательно, материалистические завоевания науки. В обоих случаях необходим критицизм, трезвый и глубокий марксистский анализ.

К работам Фрейда, и в особенности к его «метапсихологическим» работам, это замечание сугубо относится. Рациональные зерна его учения покрыты не словесной идеалистической шелухой, а настоящей броней мистицизма. В моей работе о «методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда»¹ я указывал на ярко выраженный субъективизм фрейдовской терминологии и постарался доказать, что, *несмотря* на это, субъективизм является затемняющей суть дело оболочкой, и, когда ближе знакомишься с психоанализом, не только убеждаешься в его согласуемости с реактологией, но и начинаешь сомневаться в его субъективизме. В самом деле, можно ли примириться с термином «бессознательное», краеугольным понятием всего учения Фрейда? Нет, этот термин явно неудовлетворителен, так как основан на негативном определении, как «не относящийся к сознанию», что, во-первых, ничего не говорит о природе самого бессознательного, во-вторых, понятие «сознательное» само нуждается в научном определении и обосновании, так как мы не знаем, что делает психические явления сознательными, и, возможно, будет понятно лишь посредством анализа «бессознательного». Но соответствует ли этой пустой субъективной терминологии также и субъективное понимание бессознательного? Нет, так как психоанализ — учение о бессознательном о чем-то происходящем *вне пределов* субъективного Я. Бессознательное реально воздействует на реакции организма, часто руководя ими. Бессознательное не может быть изучено через сознание, субъективно. Это и служит причиной того, что Фрейд изучает *объективные проявления* бессознательного (симптом, ошибка и т.д.), ищет условия минимального участия сознания (сон, детский возраст). Все это безусловно приемлемо для реактологии. Фрейд и сам сознает неудовлетворительность своей терминологии и в написанной в 1920 г. Метапсихологической работе «Jenseits des Lustprinzips» заявляет: «Мы принуждены оперировать с научными терминами, то есть специфическим образным языком психологии (правильнее: «психологии глубин» — Tiefenpsychologie). Иначе мы не могли б вообще описать соответствующие процессы, не могли бы их даже постигнуть. Недостатки нашего описания. Вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменить физиологическими или химическими терминами»². Для Фрейда его

---

¹ Под знаменем марксизма». № 11–12. 1923.

² По ту сторону принципа удовольствия». М., 1925, с. 105–106.

субъективистские понятия коррелятивны материальным физиологическим процессам и замещают их. Постараюсь в дальнейшем изложении преодолеть мистификацию фрейдовской терминологии.

I

Одной из составных частей фрейдовской метапсихологии является учение о двух принципах психической деятельности: принципе удовольствия и принципе реальности, взаимоотношения которых в психике индивидуума являются определяющими, обуславливающими для сложных механизмов, изучаемых психоанализом. Принцип реальности является вторичным образованием в развитии человеческой психики. Но в психической жизни нормального зрелого индивидуума он является господствующим, подчиняющим и регулирующим второй, более ранний принцип — принцип удовольствия. «Замена принципа удовольствия принципом реальности со всеми вытекающими отсюда психическими последствиями... в действительности осуществляется не сразу и не одновременно по всей линии»¹. «В психологии, основанной на психоанализе, мы привыкли считать исходным моментом бессознательные душевные процессы. Мы рассматриваем их как более старые, первичные, как остатки такой стадии развития, в которой они являлись единственной нормой душевных переживаний. Высшую тенденцию, которой подчиняются эти первичные процессы, легко заметить. Она называется принципом удовольствия — неудовольствия... Эти душевные процессы имеют стремление доставить себе удовольствие. От переживаний, могущих вызвать неудовольствие, психическая деятельность отвращается»². Заметим, что носителем принципа удовольствия является система бессознательных психических процессов, которую Фрейд обозначает символом *Ubw* (*Unbewusst*). «Мы описываем обстоятельства так, как они проявляются у зрелого человека, у которого система *Ubw*, строго говоря, функционирует только как предварительная ступень высшей организации (принципа реальности. — *Б. Б.*). Из нашего описания не следует делать вывода о том, какое содержание имеет эта система, и каково ее отношение в период индивидуального развития, и какое значение она имеет у животного; это должно составить предмет самостоятельного исследования»³. «Таким образом, принцип удовольствия, являющийся регулятором (точнее, индикатором) в системе *Ubw*, господствует в психической жизни животных и на ранних ступенях онтогенетической эволюции человека, позднее он вытесняется принципом реальности, оставаясь лишь подчиненным, рудиментарным принципом».

Для лучшего уяснения принципа удовольствия нужно воспользоваться отдельными замечаниями Фрейда о тех формах психической деятельности,

---

¹ Фрейд З., *Положение о двух принципах психической деятельности*. Рус. пер. в сб. «Основные психологические теории в психоанализе». М., 1923. С. 86.

² Там же, с. 83.

³ Фрейд З., *Бессознательное*. Рус. пер. в цит. сборн., с. 146.

когда его функционирование еще не подавляется принципом реальности. «Грудной ребенок, пользующийся материнским уходом, приблизительно осуществляет именно такую психическую схему. Господство принципа удовольствия может окончиться, собственно говоря, только с полным отделением от родителей»¹. Для взрослого же человека «содержание *Ubw* можно сравнить с психическими аборигенами. Если у человека имеются *унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных*, то это составляет ядро бессознательного»² (курсив мой. — Б. Б.). Такой способ выражения является общепринятым в современной психологии, и определение принципа удовольствия (господствующего в системе бессознательного), как унаследованных психических образований, аналогичных инстинктам животных, является вполне явным и определенным. Допустим, что рассматриваемый принцип есть в самом деле не что иное, как врожденные реакции, инстинкты, в таком случае вышеприведенные замечания Фрейда о том, что эта система реакций является господствующей у грудных детей и животных и постепенно вытесняется с индивидуальным развитием человека, превращаясь в подчиненную, — все это не вызывает никаких сомнений и находится в полном согласии с нашими психологическими воззрениями. Чтобы убедиться в том, что наше предположение произвольно, установим взгляд Фрейда на генезис и характер системы *Ubw*. «Ядро *Ubw* состоит из психического коррелята влечений»³. «Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли этот процесс химический, или он может соответствовать также и развитию других, напр. механических сил. Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет *самый решающий признак влечения*, в душевной жизни мы его узнаем только по его целям»⁴ (курсив мой. — Б. Б.). Здесь необходимо отметить признание Фрейдом соматического характера влечений. «Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то «влечение» покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренности тела и проникающих в душу, мерилom работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим»⁵.

Каково, по Фрейду, происхождение системы бессознательного? Являются ли врожденные влечения априорными формами, имманентными психике, или возможно выяснить и их возникновение? «Ничто не мешает полагать, — справедливо замечает по этому поводу Фрейд, — что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних

---

¹ Положение о двух принципах». С. 33–34, прим.

² «Бессознательное», с. 151.

³ Там же, с. 144.

⁴ Фрейд З., *Влечения и их судьба*. Цит. сб., с. 108.

⁵ Там же, с. 107.

раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе»¹. И по этому вопросу Фрейд стоит на уровне современной эволюционной теории и усматривает влияния внешней среды, как обуславливающие возникновение инстинктов. Классификация основных инстинктов, предлагаемая Фрейдом, также не противоречит обычной теперь классификации. Он возражает против разложения эндогенных влечений на многочисленные влечения к игре, к разрушению, к общительности и т.д. и предлагает различать лишь две основные группы: влечения Я, или самосохранения, и сексуальные влечения. Причем считает это деление условной, вспомогательной конструкцией. «Общепринято различать голод и любовь, как представителей влечений, из которых одни стремятся сохранить индивида, другие продолжить его род. Присоединяясь к этому, столь понятному разделению, мы и в психоанализе отделяем влечения самосохранения или влечения Я от сексуальных влечений...»². Новейшие схемы исходят из того же деления, иногда различая инстинкт самосохранения и инстинкт питания, половой и родительский. Влечения, чувства, в противовес ощущениям и «интеллектуальным» процессам, качественно характеризуются удовольствием и неудовольствием. Такое понимание также широко распространено среди психологов³. Кроме того, термины «удовольствие» и «неудовольствие» обозначают у Фрейда лишь субъективную сторону энергетического характера психических процессов. «Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения — с понижением его»⁴. «Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения»⁵. Вполне приемлемо и различение, устанавливаемое «метапсихологией» между рефлексам и инстинктами: во-первых, по источнику раздражения, во-вторых, по форме действия. Влечения, будучи осадками воздействия внешней среды в процессе филогенетической эволюции, образовавшись, производят раздражения изнутри организма, и от них следует отличать непосредственные раздражения из внешней среды, отреагируемые рефлексам.

Далее, «все существенное для характеристики раздражения (внешнего. — Б. Б.) заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство от источника раздражения. Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничего не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия *мгновенного толчка*, а всегда *постоянной силы*. Так как оно

---

¹ Там же, с. 106.

² Фрейд З., *Трудность на пути психоанализа*. Цит. сб., с. 191–192.

³ См. напр.: Тиченер, *Учебник психологии*. Рус. пер. М., 1914, ч. I, с. 190 и сл. или Н. Ланге в «Итогах науки» (т. VIII, с. 258 и сл.).

⁴ «Влечения и их судьба», с. 107.

⁵ Там же.

действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство»¹. Достижения эндокринологии проливают свет на физиологический и химический характер этой «постоянной силы». Неоспорима, наконец, и теснейшая энергетическая связь инстинктов — влечений с аффектами. Таковы основные черты принципа удовольствия, господствующего в системе *Ubw*, черты, дающие ему строго научную характеристику, вполне совпадающую со свойствами системы врожденных, сложных органических инстинктивных реакций, выражаясь обычной для нас терминологией².

Каков основной недостаток безусловных реакций, делающий их несовершенными и недостаточными? В чем преимущество по сравнению с ними условных, приобретенных реакций, что делает последние высшей, более совершенной формой биологического приспособления? Конечно, этим основным недостатком инстинктов является их консервативность, окостенелость, «слепота», которые превосходятся подвижными эластичными, ориентирующимися в изменениях реальной действительности приобретенными условными реакциями. Процессы *Ubw* также мало принимают во внимание *реальность*. Они подчинены принципу наслаждения, судьба их зависит только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регулирования наслаждения — неудовольствия³. Психический аппарат должен был решиться представить себе реальные соотношения внешнего мира и стремиться к их реальному изменению. Таким образом, был введен новый принцип душевной деятельности. Представлялось уже не то, что приятно, а то, что действительно, даже если оно и неприятно. Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия»⁴. Принцип реальности, таким образом, вырос на основе принципа удовольствия, вследствие неудовлетворительности последнего, для более *целесообразного* приспособления поведения посредством учета реальной действительности. Если элементами системы бессознательного являются влечения, то основные элементы принципа реальности — восприятия. Но принцип реальности по своей биологической природе, «не означает вовсе устранения принципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям удовольствие устраняется только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное»⁵. Эти слова Фрейда прекрасно определяют роль условных реакций в процессе биологического приспособления человека. «Воспитание может быть определено, без дальнейших оговорок, как побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом

---

¹ Там же, с. 105.

² Следует помнить, что явления полиморфной извращенности Фрейд считает эндогенными комплексами, развивающимися по типу инстинктов.

³ «Бессознательное», с. 145.

⁴ «Положение о двух принципах», с. 83.

⁵ Там же, 87.

реальности»¹. При господстве в психической деятельности инстинктов роль воспитания весьма незначительна, как показывают наблюдения зоопсихологов.

Образование условных реакций имеет для психики огромное значение и влечет большие последствия. Фрейд во фрагменте «Положения о двух принципах психической деятельности» показывает, как появление принципа реальности в психической жизни повлекло за собой усовершенствование органов чувств и связанного с ними сознания, выработало функции внимания, памяти и, благодаря тому что стала возможна задержка моторного проявления — мышления, соединяющегося со словесными представлениями. Фрейд не анализирует эти высшие психические функции, он ограничивается установлением их происхождения на основе принципа реальности, то есть условных реакций.

Как мы видели выше, принцип реальности, тождественный с системой Вw (Bewusst), начинает овладевать человеческой психикой, как только ребенок отнимается от материнской груди. Впрочем, Фрейд не считает эти два принципа свойственными только человеческой психике. Он признает их наличие не только в психике первобытного человека, но и более простых существ². К периоду полового созревания этот принцип становится доминирующим, подчинившим себе первичные психические функции на основе принципа наслаждения. «При нормальных условиях система Вw господствует над аффективностью, как и над путями в двигательной области, и повышает значение вытеснения, показывая, что следствием вытеснения может быть не только недопущение в сознание, но и недопущение как развития аффекта, так и мотивировки мускульной деятельности. Иначе говоря, мы можем дать обратное описание факта: пока система Вw сохраняет свое господство над аффективностью и движениями, мы называем психическое состояние индивида нормальным»³. Вот почему изучение системы бессознательного у человека возможно, главным образом, при различного рода психоневрозах, а также на основании сновидений. «Человек каждую ночь сбрасывает с себя все оболочки, которыми он покрывает свою кожу, а также все дополнительные части органов своего тела, поскольку ему удалось пополнить недостатки этого тела, как-то: очки, фальшивые волосы, зубы и т.д. К этому можно еще прибавить, что, идя спать, он совершенно аналогичным образом обнажает свою психику, отказывается от большинства психических завоеваний и, таким образом, с обеих сторон чрезвычайно приближается к тому положению, в каком он был в начале своего жизненного развития»⁴. Исследованиям павловской школы о сне как процессе внутреннего торможения в коре головного мозга приведенное понимание сна ни в коей мере не противоречит.

---

¹ Там же.

² Фрейд. Я и Оно. Рус. пер. Л., 1924, с. 37.

³ «Бессознательное», с. 137.

⁴ Фрейд З., *Метapsихологическое дополнение к учению о сновидениях*. Цит. сб., с. 160.

Таково рациональное ядро фрейдовского учения о двух принципах психической деятельности, оно совпадает с тем кругом представлений, который разрабатывает реактология и рефлексология. Учение Фрейда, вопреки своей ослепляюще-субъективистской форме, находится с ними в близком родстве. Но в то время как *рефлексология занимается изучением образования и механизма условных рефлексов на основе безусловных, психоанализ изучает конфликты, диалектические противоречия, возникающие в цельной человеческой личности между двумя психическими системами: врожденными биологическими реакциями и упрочившимися новообразованиями — приобретенными социогенными реакциями.* Человеческое поведение рассматривается, таким образом, Фрейдом как некое противоречивое в себе единство.

II

В предыдущей главе мы видели, что та сфера психической жизни, где царит принцип удовольствия — неудовольствия, есть сфера консервативных влечений организма. По сю сторону этой сферы расположена область господства принципа реальности. Эта посясторонняя сфера не будет в настоящей главе предметом нашего рассмотрения. Мы, вслед за Фрейдом, займемся более глубоким изучением принципа удовольствия-неудовольствия и тех биопсихических процессов, которые лежат «По ту сторону принципа удовольствия» этого принципа.

Итак, психическая сфера принципа удовольствия консервативна и слепа. Влечения не являются стимулами прогресса, они, напротив, стремятся лишь к восстановлению нарушенного энергетического равновесия в организме, к преодолению излишних раздражений, откуда бы они ни происходили. «Для живого организма такая защита от раздражений является, пожалуй, более важной задачей, чем восприятие раздражения... если бы он не был снабжен защитой от раздражения (Reizschuts), он давно погиб бы от действия этих раздражений»¹. «Такие возбуждения извне, которые достаточно сильны, чтобы проломать защиту от раздражения, мы называем травматическими. Я полагаю, что понятие травмы включает в себя понятие нарушения защиты от раздражения»². Такова функция влечений, которая является не чем иным, как функцией отвечающей потребности организма в восстановлении прежнего состояния. «Влечение с этой точки зрения можно было бы определить как наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния, которое под влиянием внешних препятствий живое существо принуждено было оставить, в некотором роде органической жизни»³.

Под эту характеристику можно подвести все влечения. Влечения не являются подвижными, творческими, они слепо воспроизводятся,

---

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 61.

² Там же, с. 64.

³ Там же, с. 74.

руководствуясь принципом постоянства (Konstanzprinzip). «Они (влечения размножения. — Б. Б.) в том же смысле консервативны, как и другие, так как воспроизводят ранее бывшие состояний живой субстанции, но они еще в большей степени консервативны, так как особенно сопротивляются внешним влияниям, и Далее, еще в более широком смысле, так как они сохраняют самую жизнь на более длительное время»¹. Эти косные влечения носят характер непреодолимой для организма силы. Фрейд в качестве иллюстрации «навязчивых воспроизведений» приводит слепые непреодолимые инстинкты животных, как метание икры, перелеты птиц, наряду с феноменами наследственности и эмбриологическими фактами. «Все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, восстановлению прежних состояний»². Влечения лишь слепо воспроизводят воспринятые и сохраненные вследствие пластичности живой материи, остатки раздражений. Их прогрессивность иллюзорна, консервативные повторения лишь производят «обманчивое впечатление сил, стремящихся к изменению и прогрессу...»³.

Какие же силы являются носителями движения и прогресса, защитой от которых суть влечения? Что нарушает энергетическое равновесие организма? Внутренние и внешние раздражения. Организм стремится освободиться от тех и других. Если влечения консервативны, то «мы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних мешающих и отклоняющих влияний. Ведь в конечном счете именно история развития нашей земли в ее отношении к солнцу есть то, что наложило свой отпечаток на развитие организмов»⁴. Таким образом, прогресс органического мира объясняется Фрейдом не имманентными творческими силами живой материи, чем-либо вроде *vis vitalis*, а нарушающими равновесие воздействиями эволюции внешней среды.

Ряд психологических наблюдений, в особенности над снами лиц, одержимых травматическими неврозами, а также над детскими играми, поставил перед Фрейдом новую проблему. Дело в том, что указанные наблюдения обнаружили навязчивое воспроизведение, отличающееся непреодолимым («демоническим») характером и противоречащее принципу удовольствия, сохранению жизненного равновесия. Пытаясь разобраться в этих наблюдениях, Фрейд конструирует новую метапсихологическую гипотезу о «влечениях к смерти» и к «жизни», которая, таким образом, «покоится во всяком случае также на исследуемом материале, именно на фактах навязчивого воспроизведения»⁵. Гипотеза заключается в том, что имеются двоякого рода органические тенденции: те, которые устраняют прогрессивные раздражения, их можно назвать влечениями к смерти, и те,

---

¹ Там же, с. 79.

² Там же, с. 75.

³ Там же, с. 76.

⁴ Там же.

⁵ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 104.

которые воспроизводят раздражения, чем нарушают органическое равновесие, — эти тенденции Фрейд называет влечениями к жизни.

Фрейд на широких крыльях гипотез отправляется в поиски биологических коррелятов этих двоякого рода влечений. Первое предположение, которое он делает, гласит, что носителями влечений к жизни являются сексуальные влечения, а влечения Я сводятся к влечениям смерти. Мы не будем останавливаться на самых разнообразных аргументах и аналогиях, приводимых в качестве обоснования этого деления. Отметим лишь, что для Фрейда либидо является носителем всей энергии организма, всех его действующих сил, которая многообразно дифференцируется, сублимируется и, следовательно, является нарушителем равновесия, раздражителем *par excellence*. С другой стороны, это разделение влечений обосновывается биологически на анализе естественной смерти организмов, как внутренней необходимости, и копуляции и размножения, как продолжения жизни, как некоего рода бессмертия. Наряду с серьезными аргументами Фрейд пользуется в попытке обосновать это деление и явно неудовлетворительными поверхностными аналогиями. Так, напр., инстинкт самосохранения, очевидно, являющийся влечением к жизни и в то же время влечением Я, объясняется сексуальным влечением, на основании аналогии многоклеточного организма с копуляцией protozoa. Другой пример. «Отсюда сходство состояния, следующего за полным половым удовлетворением, с умиранием, а у низших животных — совпадение акта оплодотворения и смерти. Эти существа умирают во время размножения, поскольку, по успокоении эроса, путем удовлетворения, стремление к смерти получает полную свободу осуществить свои намерения»¹.

Даже если обеими ногами стоять на точке зрения Фрейда, это подразделение не выдерживает прикосновения критики. Сексуальные влечения, как неоднократно отмечалось, не менее консервативны, нежели влечения Я. Во-первых, здесь допускается *ignoratio elenchi*, так как «жизнь» употребляется в двух смыслах: индивидуальном и видовом. Далее, как отмечает и Фрейд, самое размножение, продолжение рода является частичным проявлением роста. «Можно было возразить, что оно (упомянутое понимание сексуальности. — Б. Б.) предполагает существование влечений к жизни, действующих уже в простейшем живом существе, так как иначе копуляция, противодействующая естественному течению жизненных процессов и затрудняющая задачу отмирания, не удержалась бы и не подвергалась бы развитию, а избегалась бы. Если мы не стремимся оставить предположение о влечениях к смерти, нужно прежде всего присоединить их к влечениям к жизни»². Кроме того, стремление к освобождению от раздражений понимается то как влечение к смерти, то как влечение к жизни, как функция самосохранения организма (см. выше о травме). Фрейд,

---

¹ «Я и Оно», с. 47–48.

² «По ту сторону принципа удовольствия», с. 101.

сознавая раздирающие эту конструкцию противоречия, принужден признать ее неудовлетворительной.

При этом необходимо отметить, что к отказу от отождествления влечений к жизни и смерти с влечением Я к либидо Фрейда вынуждает поглощение влечений Я, влечений к самосохранению, сексуальными влечениями. «Теперь перед нами встает неожиданно следующий вопрос: если и влечения к самосохранению имеют либидонозную природу, то может быть, вообще мы не имеем других влечений, кроме либидонозных. По крайней мере, никаких других мы не видим»¹. А раз остались одни либидонозные влечения, то влечения к смерти исчезли. Но Фрейд не хочет успокоиться на юнговском сексуальном монизме. «Мы предполагаем, что в Я действуют еще другие влечения, кроме либидонозных влечений к самосохранению, но мы должны быть в состоянии их выявить... Остается минусом, что анализ давал нам до сих пор возможность изучать только либидонозные влечения. Мы не можем, однако, сделать вывод, что других влечений не существует»². Прежде чем следовать за Фрейдом в поисках мифических «влечений к смерти», остановимся на методологической оценке предыдущих рассуждений, причем в данной статье я не буду касаться «демонического» влечения самого Фрейда к пансексуализму. Необходимо обратить внимание на причудливую интерференцию двух методологических принципов в «Jenseits»: объективно-каузального и субъективно-телеологического. Книга представляет собой какую-то диковинную окрошку из трезвых биологических данных и мистической спекуляции. Точки зрения, понятия, термины — переливаются всеми цветами методологии. Органическая инерция превращается в смерть, жизненным химизмом обусловленная смерть — в непреодолимое влечение к смерти, из *продукта* жизни смерть превращается в *конечную цель жизни* всякой жизни, организм окольными путями стремится к смерти, каждый организм хочет умереть только *по-своему*. В этом калейдоскопе понятий появляется *судьба* одноклеточных; негативное понятие инертности, косности, претерпевает метаморфоз в весьма активную целесообразную силу, хитро стремящуюся к возвращению организма в неорганическое состояние. Словом, все здесь есть, коль нет... ненаучной мистики и безудержного пускация наукообразных мыльных пузырей, ловкой эквилибристики понятиями подвижного острого ума. Мы не отрицаем биполярности жизни и смерти. «Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерти, как существенного момента жизни (Hegel. *Enz.*, S. 152, 153), которая не понимает, что *отрицание* жизни, по существу заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше, — к смерти. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится»³. Коренная ошибка Фрейда в том, что он не сумел остаться на точке зрения объективно-диалектического

---

¹ Там же, с. 95.

² Там же, с. 96.

³ Энгельс Ф., *Диалектика природы*. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II. с. 15–17.

понимания жизни и смерти, а пытается обосновать психологические феномены на основе *телеологического истолкования* (точнее, извращения) диалектического понимания жизни. Если неосознание Фрейдом объективного характера субъективных психических процессов мистифицирует читателя, то попытка субъективировать, психологизировать исключительно — объективные биологические понятия парализует всякую возможность исследования. А в рассматриваемой книге Фрейд так и поступает: он субъективирует биологические основания влечений и смешивает объективные результаты (напр., продление рода) с психическими феноменами (влечения к жизни). В общем, несмотря на научные оазисы, рассуждения ведутся телеологически. Не знаешь, чему удивиться: смелым полетам спекулятивной мысли Фрейда или, если отсечь субъективную телеологию, неоригинальности биологического материала. И совершенно не «нечаянно» Фрейд попадает в конце концов в лоно Шопенгауэра. Вступивши на почву телеологизма, не следует удивляться самым неожиданным результатам.

Логика обязывает. Фрейд утратив носителя влечений к смерти в инстинкте самосохранения, отправляется в дальнейшие поиски, тщась во что бы то ни стало оправдать это деление влечений. Новым носителем влечений к смерти оказывается садизм. «Садизм есть собственно влечение к смерти, которое оттеснено от Я¹. Садизм и является искомым деструктивным влечением к смерти, инстинктом разрушения (мы уже отметили превращение смерти из «абстрактного понятия отрицательного содержания»² в активное разрушительное влечение). Но хорошо влечение к смерти, стремящееся к смерти... другого! А садизм как раз является не с субъективно, а объективно направленной деструкцией. «Если такое предположение допустимо, то было бы исполнено требование привести пример такого — хотя и вытесненного — влечения к смерти. Но определение это лишено всякой наглядности и производит поэтому слишком мистическое впечатление. Мы приходим к необходимости найти выход из этого затруднения во что бы то ни стало»¹. Фрейд разрешает это затруднение тем, что принимает садизм за вторичное производственное влечение, за объективированный, проецированный мазохизм. Мазохистские и либидинозные тенденции — таковы в конце концов носители двух родов влечений. Но мазохизм является компонентом сексуальных влечений, он находится в подчинении нарциссического либидо в виде садизма. «Очевидно, нет данных для проведения столь капитального различия между эротическими влечениями и влечениями к смерти, различия, предполагающего совершенно противоположные физиологические процессы»², — заявляет Фрейд в другой, позднейшей, работе, после анализа амбивалентности любви и ненависти. Фрейд говорит об амбивалентности этих чувств, а не об их противоположности. Он сознает, что постулированный в качестве универсального принципа органической жизни

---

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 97.

² «Я и Оно», с. 60.

мазохизм нигде не обнаруживается, ничем себя не проявляет. «Все снова и снова мы убеждаемся в том, что влечения, которые мы можем проследить, оказываются исходящими от эроса. Не будь высказанных нами в «Jenseits des Lustprinzips» соображений и не будь, кроме того, садистических дополнений к эросу, мы вряд ли могли бы держаться дуалистического воззрения. Но так как мы вынуждены держаться его, то нам приходится создать впечатление, что влечения к смерти большей частью безмолвствуют и что весь шум жизни исходит преимущественно от эроса»³.

«Влечения к смерти» тяготят Фрейда, мертвым грузом давят его, допустив их, он не обнаруживает, признав их существование, он вынужден отказаться от признания их деятельности, для него «было бы облегчением, если бы все построение оказалось ошибочным», психоаналитические исследования влекут его к юнговскому пансексуализму, но он все же не признает краха своих попыток подвести «метапсихологический» фундамент под психоаналитическое здание, хотя и не отрицает, «что третий шаг в учении о влечениях, который я здесь предпринимаю, не может претендовать на ту же достоверность, как первые два, а именно расширение понятия сексуальности и установление нарцизма»⁴. «Надо быть готовым оставить ту дорогу, по которой мы некоторое время шли, если окажется, что она не приводит ни к чему хорошему»⁵. Мы приводим это последнее признание, чтобы показать, что отказ от рассмотренной гипотезы несколько не колеблет психоаналитического учения в целом. Фрейд считает *возможным* отказаться от этого пути и пойти по другому, если это окажется нужным. Для последовательного материалиста очевидна *необходимость* отказаться от этого пути и иного обоснования психоанализа. До чего «надо дойти хромая», оставаясь имманентным телеологом, до этого можно «долететь», став на почву диалектически-материалистической методологии.

Каково рациональное ядро учения Фрейда о влечениях к жизни и смерти? Или в этом учении нет рационального ядра и оно скорее походит на луковицу, где за бесчисленными идеалистическими оболочками тщетны были бы всякие поиски ядра? Мне кажется, что и в этой метапсихологической работе есть зерно истины, которое, будучи пересажено на другую методологическую почву, способно дать плоды. Этим рациональным ядром я считаю, во-первых, стремление Фрейда подвести энергетический базис под свое учение о принципе удовольствия и неудовольствия, и во-вторых, учение об инерции органической материи.

Установив, что субъективными индикаторами органических влечений являются, с одной стороны, удовольствие, с другой — неудовольствие, рейд делает попытку уяснить физиологические, точнее энергетические, основы этих противоположных чувств. Он находит их во внутриорганическом энергетическом равновесии и в нарушении его. «Мы решились поставить удовольствие и неудовольствие в зависимость от количества имеющегося в психике и не связанного как-либо возбуждения. Таким образом, что

неудовольствие соответствует повышению, а удовольствие — понижению этого количества»¹. Здесь следует уточнение приведенного определения и далее: «...если работа психического аппарата направлена к тому, чтобы удерживать количество возбуждения на низком уровне, то все, что содействует нарастанию напряжения, должно быть рассматриваемо, как нарушающее нормальные функции организма, то есть как неудовольствие»². Влечение к смерти есть, таким образом, не что иное, как энергетическая тенденция к разряжению излишнего возбуждения, субъективным выражением которой является принцип удовольствия, влечение же к жизни есть органическая тенденция, способствующая повышению раздражения, и функцией ее является принцип неудовольствия. Причудливая терминология, отождествляющая удовольствие со смертью, не должна нас смущать, ибо значит только то, что «принцип удовольствия выводится из принципа постоянства»³. «То, что мы признали в качестве доминирующей тенденции психической жизни, может быть, всей нервной деятельности, а именно стремление к уменьшению, сохранению в покое, прекращению внутреннего раздражающего напряжения... как это находит себе выражение в принципе удовольствия, является одним из наших самых сильных мотивов для уверенности в существовании влечений к смерти»⁴. «Принцип удовольствия будет тогда тенденцией, находящейся на службе у функции, которой присуще стремление сделать психический аппарат вообще лишенным возбуждений или иметь количество возбуждения в нем постоянными возможно низким»⁵. Затем следует указание, что эта функция — частичное выражение всеобщего стремления органического мира к возвращению в неорганическое состояние. Здесь начинается телеологическая мистика. Приведу, наконец, последнюю цитату, чтобы у читателя не осталось сомнений, что в основе фантастического учения Фрейда лежит серьезное намерение дать биологическое обоснование принципу удовольствия — неудовольствия. «Влечения же к смерти, как кажется, непрерывно производят свою работу. Принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти»⁶. Таков «здравый смысл» учения о двух родах влечений.

Но в этом учении можно заметить и вторую рациональную тенденцию обосновать «амбивалентность» высокоорганизованной материи. Амбивалентность эта заключается, с одной стороны, в чувствительности, пластичности, с другой — в косности материи. Таким образом, рассматриваемые влечения к смерти (косность) и влечения к жизни (пластичность) оказываются шире принципов удовольствия и неудовольствия и не вполне совпадают с ними. Оба они консервативны. Тенденция к навязчивому воспроизведению, будучи выражением косности, далеко выходят за пределы принципа удовольствия. «Если действительно

---

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 36.

² Там же, с. 37–38.

³ Там же, с. 38.

⁴ Там же, с. 99.

⁵ Там же, с. 108.

⁶ Там же, с. 110.

влечения обладают таким общим свойством, что они стремятся восстановить раз пережитое состояние, то мы не должны удивляться, что в психической жизни так много процессов осуществляется независимо от принципа удовольствия»¹. Таким образом, второй вариант фрейдовского учения о влечениях в его рациональной основе представляет собою учение о двух свойствах пластичной органической материи.

Таковы гипотезы Фрейда о том, что лежит «По ту сторону принципа удовольствия» принципа удовольствия, другими словами, каковы биологические носители психической сферы бессознательного.

III

У Фрейда, как мы убеждались неоднократно, язык служит не для уяснения, а для сокрытия мыслей. В подлежащей нашему рассмотрению книжке «Я и Оно», написанной в 1923г., Фрейд делает еще шаг вперед по пути терминологической мистификации. При посредничестве Гроддека у Ницше заимствуется термин «Оно», который ничего другого не означает, кроме известного уже бессознательного. «Оно» противопоставляется Я — синониму сознательного. Я есть только измененная, под прямым влиянием внешнего мира и при посредстве W-Bw, часть Оно, своего рода продолжение дифференциации поверхностного слоя. «Я старается также содействовать влиянию внешнего мира на Оно и осуществлению тенденций этого мира, Оно стремится заменить принцип удовольствия, который безраздельно властвует в Оно, принципом реальности. Восприятие имеет для Я такое же значение, как влечение для Оно. Я олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность к Оно, содержащему страсти»². С этим рассуждением мы уже знакомы, говоря о принципе удовольствия, и в эту проблему, кроме новых слов, Фрейд ничего не привносит. Новым понятием, составляющим центральную идею рассматриваемой работы, является «Сверх-Я» или «идеал-Я», который вводится как существенный элемент психической жизни наряду с Я и Оно (Bw и Ubw).

В последующих строках мы займемся анализом этого понятия. «Идеал-Я» находится в тесной связи с двумя другими сферами психики. Анализируя вытеснение, Фрейд обнаруживает, что *сопротивление* проникновению в Я элементов бессознательного не является сознательным. «Но так как сопротивление, несомненно, исходит из его Я и принадлежит последнему, то мы оказываемся в неожиданном положении. Мы нашли в самом Я нечто такое, что тоже бессознательно и проявляется подобно вытесненному, то есть оказывает сильное действие не переходя в сознание, и для осознания чего требуется особая работа»³. «Сверх-Я тесно связывается с Оно и может быть представителем последнего по отношению к Я. Сверх-Я

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 107.

² «Я и Оно», с. 22.

³ Там же, с. 13.

глубоко погружается в Оно и потому более удалено от сознания, чем Я»¹. «В то время как Я является преимущественно представителем внешнего мира, реальности, Сверх-Я выступает навстречу ему, как адвокат внутреннего мира или Оно»². Таким образом, находясь в некоем контакте с Я (иногда, как мы видели на примере вытеснения, действуя как представитель Я), Сверх-Я в то же время находится в теснейшей связи с Оно, действуя как бессознательное внутреннее влечение. Какого его происхождение? «Мы не ошибемся, если допустим существование полного эдипова комплекса у всех людей, а у невротиков в особенности... Можно сделать грубое допущение, что в результате сексуальной фазы, характеризуемой господством эдипова комплекса, в Я отлагается осадок, состоящий в образовании обоих названных, как-то согласованных друг с другом отождествлений (с отцом и с матерью. — Б. Б.). Это изменение Я удерживает особое положение: оно противостоит прочему содержанию Я в качестве идеального Я или Сверх-Я»³. В рассматриваемой книжке тщательно анализируется Сверх-Я, как производная разнообразных механизмов, обусловленных эдиповым комплексом. Таково происхождение свех-Я и его взаимоотношения с остальными психическими сферами. Каковы же его функции, его роль в поведении индивидуума? «В нашем Я развивается такая инстанция, которая может обособиться от остального я и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее Я — идеалом и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и главную роль при вытеснении»⁴. «Нормальное, сознательное чувство вины (совесть) не содержит никаких трудностей для объяснения, оно основано на конфликте между Я и идеальным Я, является выражением осуждения Я его критической инстанцией»⁵. Таким образом, ряд важных функций, приписывавшихся прежде Я, оказывается принадлежащим не ему, а Сверх-Я и часто осуществляется лишь несмотря на конфликт с Я. Отношения усложняются. Совесть, цензура-деятельность Сверх-Я, а Я — представитель реальности, а не моральности. С этой точки зрения Фрейд очень отчетливо характеризует эти три сферы. «С точки зрения обуздания влечений, морализма можно сказать: «Оно» совершенно аморально, Я старается быть моральным, Сверх-Я может стать гиперморальным, при этом условии таким жестоким, каким бывает только Оно»⁶. «Я является несчастным существом, которое служит трем господам», — образно выражается Фрейд, оно вынуждено согласовать органические влечения индивида (Оно) с объективной реальностью (Я), и при том таким образом, чтобы сделать свои поступки приемлемыми для моральных требований индивида (Сверх-Я).

Наличие в психической жизни человека особой морально-критической инстанции, более или менее властной, часто вступающей в конфликт с

---

¹ «По ту сторону принципа удовольствия», с. 49.

² «Я и Оно», с. 35.

³ Там же, с. 31–32.

⁴ Фрейд З., *Психология масс и анализ человеческого Я*. Рус. пер. М., 1925, с. 53–54.

⁵ «Я и Оно», 52.

⁶ Там же, с. 56.

влечениями индивидуума в форме совести, чувства вины и т.д., есть неоспоримый эмпирический факт. Этот факт необъясним из биологического приспособления к реальному миру, так как часто действует наперекор ему. Он также не совпадает с приведенным выше истолкованием Я, как условно-реактивной психической системы. Необходимо допустить особую психическую инстанцию, осуществляющую вышеуказанные функции, называемую Фрейдом Сверх-Я. Нужно согласиться и с тем, что часто эта нелегко преодолимая сила действует, не будучи осознанной из глубин психики. «Существуют люди, у которых самокритика и совесть, то есть бесспорно высокоценные душевные проявления, оказываются бессознательными и, оставаясь таковыми, обуславливают важнейшие поступки»¹. «Нормальный человек не только гораздо безнравственнее, чем он полагает, но и гораздо нравственнее, чем он об этом знает»². Но соглашаясь с существованием такой специфической функции, можно расходиться с Фрейдом в объяснении ее генезиса и сущности. Постараемся показать, что, если отсечь пансексуалистические элементы фрейдовского объяснения, разбору которых я предполагаю посвятить особую статью, оно (Сверх-Я) совпадает с общепринятым в современной марксистской психологии пониманием совести. Одновременно мы постараемся показать, что приводимые Фрейдом соображения дают повод к иному, помимо пансексуального, развитию его идей и что сексуализма в данном случае не является логически необходимым выводом из анализа так называемого Сверх-Я.

Установив, что образование Сверх-Я есть следствие отождествления с отцом в наиболее ранний период развития личности, Фрейд замечает, что «такое отождествление, по-видимому, не есть следствие или результат привязанности к объекту; оно прямое, непосредственное и более раннее, чем какая-то бы то ни было привязанность к объекту»³.

Сверх-Я, таким образом, является первичным, психическим явлением, подобно прочим инстинктам, но в то же время «Сверх-Я также не может отрицать своего происхождения из услышанного; оно ведь есть часть Я»⁴.

Из последних слов следует, что Сверх-Я приближается к типу условно-реактивных приобретенных психических явлений. Такая двойственная межумочная природа Сверх-Я вполне соответствует нашим марксистским представлениям о нем, так как корнем морали и совести, с нашей точки зрения, является унаследованный «социальный инстинкт», но реальное содержание инстинкт-задаток приобретает в процессе индивидуального развития человека в той или иной социальной среде. Если всякий иной инстинкт есть филогенетическое образование биологического порядка, то социальный инстинкт является осадком родовой эволюции *социального* животного. Филогенетическое происхождение Сверх-Я отмечает и Фрейд.

---

¹ «Я и Оно», с. 24.

² Там же, с. 53–54.

³ Там же, с. 29.

⁴ Там же, с. 54.

«Вследствие истории своего образования идеальное Я имеет теснейшую связь с филогенетическим достоянием, архаическим наследием индивидуума»¹. С другой стороны, нам явно и различие между остальным содержанием Я и Сверх-Я. Сверх-Я есть у Фрейда «результат двух чрезвычайно важных биологических факторов: продолжительной детской беспомощности и зависимости человека и наличия у него эдипова комплекса»². Оставим в стороне эдипов комплекс и попробуем объяснить образование Сверх-Я из установленного выше социального инстинкта и детской беспомощности. «В бреде наблюдения (Beobachtungswahn) становится очевидным распад этой инстанции (Сверх-Я. — Б. Б.), и при этом открывается ее происхождение из влияния авторитетов, прежде всего родителей»³. Содержание Сверх-Я воспринимается в раннем детстве, до эмансипации ребенка, главным образом от родителей и содержит осадки родовых социальных традиций. *Сверх-Я Фрейда есть не что иное, как сексуализированные и персонифицированные социально-бытовые традиции, запечатлевающиеся в психике несамостоятельного еще ребенка и властно сказывающиеся в его дальнейшей «сознательной» жизни.* «Сверх-Я — этот памятник былой слабости и зависимости Я — сохраняет свое господство также над зрелым Я. Как ребенок вынужден был слушаться своих родителей, так и Я подчиняется категорическому императиву своего Сверх-Я»⁴. Если «L'homme est tout education», то «воспитание» следует разделить на два периода: воспитание в узком непосредственном смысле, воспитание ребенка, мозг которого — мягкий воск в руках воспитателей, и позднейшее воспитание, жизненный опыт, оформление «сознательной» личности, проистекающее путем не только обогащения, но и преодоления детского опыта. Конфликт между Я и Сверх-Я есть конфликт между косными, отцами и дедами завещанными моральными традициями и новыми взглядами — продуктом социальных сдвигов и новообразований. Социальная психология дает много примеров того, как прочны и сильны социальные традиции, как непреодолимо прорываются они в поведение человека, противостоя влияниям социальной «реальности». Чрезвычайно интересно замечание Фрейда о том, что Сверх-Я является зерном религии. Не рассматривая здесь вопроса о психологии религиозных верования, мы должны обратить лишь внимание на это замечание, вполне соответствующее взгляду на религию как идеологию традиционализма *par excellence* в противовес другим типам идеологий, которые ближе по своему характеру к принципу реальности, выражаясь языком Фрейда.

Таковы приемлемые и неприемлемые компоненты учения Фрейда о Сверх-Я. Неприемлемыми оказались лишь словесная оболочка и не вытекающая «из природы вещей» сексуальная гипотеза в основании Сверх-Я. Отметим в заключение, что рассмотренное понимание личности

---

¹ Там же, с. 35.

² «Я и Оно», с. 33.

³ «Психология масс», с. 54.

⁴ «Я и Оно», с. 49.

соответствует и взглядам виднейших представителей биологической психологии. Так, например, Серджи устанавливает в психике личности три слоя: унаследованные образования, образования приобретенные под влиянием социальной среды, и, наконец, приобретения индивидуально-психического развития. Тот же мотив варьируется и у других представителей этого научного направления (Ардиго, Инженерос), причем Я и Сверх-Я фигурируют то как традиция и новизна, то как подражание и изобретение¹.

* *

Подведем общие итоги ознакомлению с метапсихологией Фрейда. Объектом изучения все время является цельная человеческая личность во всей ее сложности, притом личность, рассматриваемая как продукт биологической эволюции и в тесной зависимости от общественной среды. Фрейд пытается уяснить не только единство, но и противоречия различных психических механизмов, отсюда столь большое место, уделяемое изучению всевозможных конфликтов внутри цельной личности. В первой главе мы рассмотрели два основных типа психической деятельности на основе принципов удовольствия и реальности, их генезис, единство и противоречивость. Далее мы разобрали неудачную попытку Фрейда поглубже взглянуть по ту сторону инстинктивной жизни и обосновать психоанализ посредством *телеологизации* общепринятых биологических умений об имманентном развитии носителей смерти в живом организме. Наконец, в третьей главе был введен в дополнение к двум прежним принципам представитель социальных традиций, по *форме* своей являющийся промежуточным между сознательным и бессознательным². Везде мы попытались отделить неприемлемые, навеянные Шопенгауэрами и Ницше мистические гипотезы от соответствующих фактам и научной методологии идей. Теперь мы располагаем достаточными данными, чтобы выяснить, что представляет собою фрейдовская метапсихология, и дать ей общую оценку с точки зрения нашего мировоззрения.

Если психоанализ — область эмпирическая данных, то метапсихология — попытка подвести под них принципиальное теоретическое основание. Сам Фрейд следующим образом определяет метапсихологию. «Мы найдем нужным обозначать особым названием точку зрения, являющуюся завершением психоаналитического исследования. Я предлагаю назвать ме-

---

¹ Близко к этому и устанавливаемое К. Каутским деление факторов, в зависимости от которых складывается деятельность личности: «В своей работе о Томасе Море я различаю три фактора, влиявших на его деятельность. Первый и самый важный фактор — это общие условия общественной жизни его времени и его страны... Вторым фактором является та особая общественная среда, в которой развился Мор. Сюда относятся не только особые экономические условия, в которых он жил, но и люди, с которыми он сталкивался... традиции, которые он застал, литература, которая была ему доступна, и т.д. Но и всех этих элементов еще не достаточно для полного уразумения творчества Мора... необходимо, кроме того, обратить еще внимание на его личные особенности» (Каутский К. *Что хочет и может дать материалистическое понимание истории*. В сб. «Историч. Материализм». Под ред. Семковского. Изд. 3. Екатер. — Харьков, 1922.)

² Во избежании лжеистолкования отмечаю, что при анализе Сверх-Я речь идет о *психофизиологическом механизме*. Изучение конкретного *содержания* моральных и т.д. норм, осуществляющихся посредством механизма Сверх-Я, — проблема социологии.

тапсихологическим такое описание психического процесса, при котором нам удастся описать этот процесс в динамическом, топическом и экономическом отношениях»¹. Это значит — метапсихология есть попытка дать функциональное, биогенетическое и энергетическое обоснование психоаналитическим данным. Но эта попытка несовершенна, «неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одолжаться у биологии. Биология есть поистине царство неограниченных возможностей, мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже. Возможно, что как раз такие, что все наше здание гипотез распадется»². «Неопределенность наших построений, которые мы называем метапсихологическими, происходит, конечно, оттого, что мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения в элементах психических систем и не чувствуем себя вправе делать даже какое-либо предположение; в этом отношении мы оперируем, таким образом, с большим X, который мы переносим в каждую новую формулу»³. *Метапсихология есть попытка биологически обосновать психоанализ, дать объективное объяснение процессам субъективно изучаемым психоанализом.*

Следовательно, по своему замыслу, метапсихология должна быть объективным исследованием. «Влечения и их превращения суть конечный пункт, доступный психоаналитическому познанию. С этого момента оно уступает место биологии. Как склонность к вытеснению, так и способность сублимирования мы должны отнести на счет органических основ характера, над которыми уже возводится психическая надстройка»⁴. «Созданное нами научное здание психоанализа в действительности является надстройкой, которая когда-нибудь будет стоять на своем органическом фундаменте: но мы пока не знаем этого фундамента»⁵. «По мере того как мы продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны научиться эмансипироваться от значения симптома «сознательность»⁶. Название избрано Фрейдом весьма удачно, ибо, рассматриваемые с субъективно-психологической точки зрения психоаналитика, биологические явления находятся «По ту сторону принципа удовольствия» субъективного эмпиризма. Если для физиолога психология представляет собою «метафизиологию», то для психолога весьма логичен термин «метапсихология» для учения о биологических основах психических явлений.

Но эта субъективная точка зрения, вместо отказа от разрешения некоторых проблем, до которых не доразвилась еще современная биология, толкает Фрейда на путь мистических гипотез, увлекая его высоко над почвой научных исследований. Вот почему попытка подвести теоретический базис

---

¹ «Бессознательное», с. 140.

² «По ту сторону принципа удовольствия», с. 106.

³ Там же, с. 66.

⁴ Фрейд З., *Леонардо да Винчи*. М., 1912, с. 117.

⁵ Фрейд З., *Лекции по введению в психоанализ*. М., 1922. Т. II, с. 117.

⁶ «Бессознательное», с. 149.

под психоанализ не удастся. Фрейд и сам вынужден все чаще неудовлетворенно оглядываться на свои спекулятивные заключения. Но несовершенные искания Фрейда чреваты многими ценными мыслями и перспективами, которые следует извлечь и взрастить на плодотворной почве диалектического материализма.

Нет ничего легче, чем несколькими цитатами из Фрейда и особенно фрейдистов «доказать» реакционность и метафизичность психоанализа, но что доказывают сумасшедшие пустяки Кольнай или бредовые конструкции Ранка? Что нужно спасти таящиеся в психоанализе зерна истины от некоторых психоаналитиков. Весь наш анализ стремился доказать, что *материализм марксистской реактологии оказывается истиной метапсихологического идеализма.*

*Быховский Б. Э. Метапсихология Фрейда.
Минск, 1926. — 40 с.*

Фрейдизм и его академическая оппозиция.

К критике психоанализа в медицине, педагогике и рефлексологии

И. А. Перепель

«Люди сильны, когда они борются за великую идею; они бессильны, когда они идут против нее!»

З. Фрейд

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящей работы положен доклад автора на 2-м Всероссийском психоневрологическом съезде на ту же тему: «К критике психоанализа в медицине и педагогике».

С первых же слов нельзя умолчать о том, что доклад этот вызвал неприятное удивление некоторых из участников Съезда, шокированных его полемическим тоном. Однако, полемика явилась тогда только вынужденным ответом на нападки критики и отнюдь не носила характера инициативы. Все же, это условие не спасло доклада от довольно бурной реакции со стороны слушателей, среди которых нашлось не мало противников докладчика.

Поэтому и настоящий труд, будучи только значительно расширенным и переработанным докладом, ставит автора в несколько щекотливое положение по отношению к русской оппозиции психоанализа. Субъективизм чувствовался уже на Съезде, когда простая, обыкновенная полемика рассматривалась чуть ли не как личное покушение на оппозиционеров. Подобное положение, конечно, способно отбить всякую охоту к полемике, тем более, что когда затрагиваются авторитеты, то все готовы приписать это явному неуважению к науке. Но научное развитие всегда и неизбежно связано с известным падением авторитетов, которые, способствуя в свое время научному прогрессу, превращаются с определенного момента в оковы для научной мысли. История науки—сплошное тому подтверждение и потому всякая полемика, подобная нижеприведенной, является легальным орудием прогресса и не может ронять чьего бы то ни было достоинства.

Непосвященному, быть может, такая предпосылка к работе покажется странной, но в условиях нашей современности она является столь же вынужденной, как и сама полемика. Остается рассчитывать, что уважаемые критики психоанализа сумеют в оценке данного положения подняться до той высоты объективности, на которую они так настойчиво претендуют. Объективность же автора, хотя и не имеет подобных претензий, тем не менее не подлежит сомнению, по крайней мере со стороны искреннего к ней стремления.

I

В своем предисловии к пятому выпуску «Психологической и психоаналитической библиотеки», проф. Ермаков высказывает, между прочим, взгляд на современное положение психоанализа в России. Он говорит, что время резких, ожесточенных нападков на психоаналитическое учение, по-видимому, уже прошло и что остается только перейти к практическому применению тех его выводов, которые после соответствующей проверки окажутся правильными. Признавая, что по существу данное мнение верно отражает действительное положение вещей, приходится все же оговорить, что всецело согласиться с ним не представляется возможным. Оно грешит, к сожалению, тем излишним оптимизмом, который всегда побуждает преждевременно складывать оружие.

В самое последнее время в области психопатологии появился целый ряд новых работ, из которых многие неизбежно затрагивают вопрос о психоанализе и во что бы то ни стало стремятся разрешить его в отрицательную сторону. Подобное обстоятельство не только не позволяет закрывать глаза на продолжающуюся одностороннюю критику психоанализа, но наоборот, побуждает немедленно же дать ей заслуженный отпор. В противном случае, молчание рискует быть истолкованным критикой, как признак бессилия противника и использовано, как лишнее подтверждение своей собственной правоты.

Из всех работ, находящихся в распоряжении автора, более или менее систематическая критика психоанализа дана в брошюре проф. Аствацатурова: «Психотерапия и психоанализ». Несмотря на то, что эта брошюра явно преследует цели популярного характера, в ее содержании представлен далеко не один только очерк психоанализа, а дано критическое и тенденциозное освещение всего психоаналитического учения в целом, с соответствующими выводами о его научной и практической ценности. Не касаясь общего вопроса об уместности подобного рода критики не в специальной литературе, а в брошюре популярного характера, приходится рассматривать указанную брошюру как научный труд и именно с такой точки зрения подходить к ее содержанию.

Свое изложение проф. Аствацатуров начинает с описания механизма психогенного симптомообразования и ведет это описание таким образом: «Механизм происхождения истерических симптомов заключается, по Фрейду, в следующем. Всякое переживание, сопровождающееся резкой эмоцией, то есть вызывающее реакцию со стороны душевного чувства должно проявиться вовне или, как выражается Фрейд, должно быть отреагировано. Если это оказывается по тем или иным причинам невозможным, если субъект не может оказать нормальную реакцию на свои

влечения, желания, чувствования и, в особенности, если он должен их подавлять, то в таком случае указанные душевные переживания разряжаются в форме ненормальной реакции, то есть в форме истерического симптома» (с. 33).

По поводу заключающейся здесь интерпретации можно заметить, что хотя она в сущности и верна, но тем не менее и небезупречна. Избегая пока собственных суждений, дабы не создавать лишнего повода к скептицизму, обратимся непосредственно к первоисточнику, который быстро рассеет все возникающие сомнения. На с. 65 2-го вып. «Лекций к введению в психоанализ» можно найти такое замечание: «Для нас становится ясным простое условие, необходимое для развития невротических заболеваний. Невроз следует уподобить травматическому заболеванию и возникновение его объяснить невозможностью изжить слишком сильное аффектное переживание. *К этому действительно сводилась первая формула, в которой Брейер и я в 1895 г. определили теоретические результаты наших новых наблюдений. Но... эта формула недостаточно охватывает*» (курсив автора. — И. П.).

Из сопоставления этой выдержки с приведенной ранее интерпретацией проф. Аствацатурова совершенно невольно и сразу же напрашивается мысль, что он, очевидно, не сумел охватить новейших достижений психоанализа, новейшей концепции невроза. Дальнейший разбор его критики, по крайней мере, с несомненностью подтверждает справедливость такого предположения и воочию обнаруживает, что ориентация на уже превзойденные психоаналитические положения составляет самое слабое место всей его претенциозной критики. По-видимому, даже для поверхностного читателя чувствуется уже шаткость подобной позиции, поскольку сразу же напрашивается мысль, что наиболее современные и наиболее законченные аналитические положения почему-то недоступны вниманию уважаемого профессора.

Все это без труда и подтверждается на следующих интерпретациях разбираемой брошюры.

На стр. 37 уважаемый профессор пишет: «В дальнейшем развитии своего учения Фрейд стал приписывать «половым травмам» (то есть переживаниям в связи с подавлением половых влечений) все большее и большее значение для образования комплексов и в конце концов дошел до утверждения, что половые комплексы являются единственным и исключительным фактором нервности».

В действительности, однако, дело обстоит несколько не так, как это изображает проф. Аствацатуров. От исключительной травматической точки зрения психоанализ давно уже ушел вперед и сейчас в качестве отправного момента патологии выдвигается понятие не «половой травмы», а психического конфликта. Это понятие почему-то совершенно не встречается в разбираемой брошюре и абсолютно не понятно, что могло вызвать подобный остракизм. Вся патология невроза трактуется в настоящее время, именно с точки зрения конфликтного состояния и в этом можно было бы

очень легко убедить уважаемого критика. «У (невротических) лиц всегда находятся признаки борьбы противоположных желаний или, как мы привыкли говорить, психического конфликта. Часть личности отстаивает известные желания, другая же противится и отклоняет их. *Не бывает невротиков без такого конфликта*» (курсив автора. — И. П. — Лекции к введению в психоанализ, вып. 2, с. 139). Содержание этой выдержки, по-видимому, не вызывает сомнений, ибо понимание отправных условий этиологии представлено здесь совершенно недвусмысленным образом. С такой же ясностью описывается и сама природа конфликта. На вопрос о сущности патогенного конфликта Фрейд отвечает, что им служит «...конфликт между влечениями Я и влечениями либидо». И только незнанием с этим положением можно объяснить уже совсем притянутую за волосы сентенцию проф. Аствацатурова такого характера: «Нельзя не признать известной заслуги Фрейда в том, что он особенно подчеркнул роль половых факторов в возникновении психогенных симптомов. Возможно, что эта роль оценивалась в прежнее время недостаточно. *Но Фрейд не только подчеркнул эту роль, но и приписал ей исключительное, единственное значение*» (курсив автора. — И. П.) и довел таким образом эту точку зрения до абсурда» (с. 54). Явное извращение (невольное, конечно), допущено здесь в отношении того, что в действительности-то исключительное патогенное значение приписывается конфликту между влечениями либидо и влечениями Я, а вовсе не сексуальности самой по себе. Там, где нет этого противоречия, там сексуальность совершенно безвредна в смысле психогенной симптоматологии и для каждого, следившего за ходом аналитической мысли, это положение не могло бы вызвать сомнений. Равно и односторонность, приписываемая тут психоанализу в столь сильной форме, в значительной степени беспочвенна. Несомненно, что Фрейд выдвинул в своем мировоззрении на первое место значение сексуального фактора. Но прежде всего, он взял самое понятие этого фактора в таких широких пределах, до которых миропонимание глубокоуважаемого профессора еще никогда не поднималось. Кроме же того, он вовсе не отрицал существования других влечений или интересов человечества, а просто по ходу развития своего мышления должен был уделить им меньшее внимание.

В подтверждение, сошлемся, например, на такую выдержку: «*Психоанализ никогда не забывал, что существуют и несексуальные влечения; он построен на резком разграничении сексуальных влечений и влечений Я и еще до того, как стали раздаваться возражения, он не утверждал, что невроты происходят от сексуальности, а что (они) обязаны своим происхождением конфликту между Я и сексуальностью... Неверно также, что психоанализ вовсе не интересовался несексуальной частью личности... И я не могу усмотреть несостоятельности хода нашего мышления и в том случае, если бы мы узнали впоследствии, что в случаях тяжелых психозов влечения Я могут пойти по ложному пути даже первичным образом*»

(курсив автора. — И. П. — Лекции к введению в психоанализ, вып. 2, с. 141 и 217) ².

В этих словах с достаточно убедительностью сквозит признание эволюции влечений Я наряду с эволюцией влечений либидо. Соотношение обоих направлений развития друг с другом имеет колоссально важное значение для нормального поведения и именно в нарушениях этого взаимоотношения коренятся источники психогенных расстройств. Сексуальности же принадлежит только роль первичного фактора во всем, и нормальном, и патологическом, процессе эволюции, как наиболее примитивной функции; но согласно приведенному, Фрейд чисто принципиально допускает, что в известных случаях патогенное значение может первично принадлежать и эволюции влечений Я.

Легко видеть, что указываемая трактовка этиологии невроза совершенно чужда проф. Аствацатурову и трудно даже выразить, до какой степени упрощен его подход к аналитической концепции. Попробуем же представить схему этой концепции с возможной полнотой, дабы заострить необоснованность разбираемой тактики наиболее демонстративным образом.

Кардинальными факторами этиологии невроза являются, по Фрейду, так называемые несостоятельность, фиксация и склонность к конфликтам. Отправным пунктом служит несостоятельность, разделяющаяся на внешнюю и внутреннюю. Под внешней несостоятельностью понимается такая ситуация социальной жизнедеятельности, которая исключает возможность допустимого или привычного для субъекта способа удовлетворения либидо. Такой способ всегда является особенно ценным субъективно, так как каждый придерживается его, исходя, как из этических соображений, так и из ранней инфантильной установки. Поэтому, лишение его действует болезнетворным образом. Однако, сама по себе внешняя несостоятельность еще не является решающим этиогенным условием. Активной и действенной она становится только тогда, когда к ней присоединяется внутренняя несостоятельность. Эта же внутренняя несостоятельность представляет собою несколько более сложное понятие. Она есть следствие тех элементов Я, которые сами являются продуктом патологического развития и в качестве таковых определяют специфические индивидуальные формы невротического поведения. В силу их внутренняя несостоятельность лишает субъекта возможности как либо бороться за устранение условий внешней несостоятельности и искать новых средств к поддержанию, прежнего способа удовлетворения. Комбинация обеих несостоятельств имеет уже определенное значение очага возникающей болезни. И этот очаг быстро получает поддержку со стороны той же роли патологического Я, которая мотивирует внутреннюю несостоятельность. После указанной комбинации на сцену выступает склонность к конфликтам, выражающаяся в отклонении известных форм либидо. Инициатором подобного отклонения является, так называемое, идеальное Я, приобретающее в патологических условиях развития гипертрофированное значение, благодаря средоточию в нем

повышенной инфантильной нравственности. Особенному давлению с его стороны подвергается объектное либидо, в силу чего индивид теряет возможность искания каких либо других форм удовлетворения, вместо утраченного вследствие внешней несостоятельности.

Описываемая ситуация равносильна конфликтному состоянию и непосредственно ведет к возникновению симптоматологии. Субъект лишается должных источников удовлетворения и переживает конфликт, сводящийся к противоречию между влечениями либидо и влечениями Я. Но неотрагированная энергия объектных влечений, остающаяся как избыток, неиспользованный параллельно существующим интроверзионным и нарциссическим либидо (то есть влечениями фантастики и самовлюбленности), продолжает требовать разряда. Гиперфункция же идеального Я, (образующегося в детстве в результате отождествления себя с идеализированными родителями), противопоставляет этому требованию не только этические, но и нарциссические тенденции, стремясь оторвать влечения от объектов и зафиксировать их энергию на себе с целью самоудовлетворения. Поскольку это не удается, то есть поскольку не удается отнять эту энергию объектных влечений, постольку конфликтное состояние продолжает непрерывно нарастать. Оно разрешается только посредством, рано или поздно, неминуемо возникающей регрессии, то есть обратной эволюции сексуальности к прежним детским формам и объектам удовлетворения, оживляемым благодаря иррадиации задержанного возбуждения. В процессе этого обратного развития регрессия опускается до стадии, играющей во время эволюции либидо роль той фиксации, которая задерживает на себе на известный момент все развитие инфантильной сексуальности. Составлявший данную стадию способ удовлетворения подвергается при этом оживлению и снова становится способным давать наслаждение, хотя бы даже и не имея по своей природе объектного характера; раз начавшаяся регрессия автоматически увлекает либидо до следов фиксации, независимо от того, что содержание ее может быть аутоэротическим.

Но создающийся таким образом новый регрессивный способ удовлетворения в форме восстановленного фиксационного влечения оказывается в условиях невротической установки крайне недолговечным. Являясь как бы суррогатом объектных влечений, он привлекает на себя всю тормозящую, вытесняющую энергию гипертрофированного идеального Я в лице утрированной этичности поведения. Тем самым он подвергается вытеснению и его содержание становится достоянием бессознательного. Здесь он, однако, не умирает, а добивается своей цели вынужденными окольными путями, которые проецируются на моторные или секреторные иннервации, посредством тех или иных механизмов символики, сдвига или сгущения. Возникающие отсюда формы удовлетворения, представляют собой замаскированный примиряющий компромисс между содержанием вытесненного фиксационного влечения и содержанием «вытесняющих сил» идеального Я. С внешней же стороны эти искаженные, замаскированные

формы наслаждения являются патологическими реакциями с характером возбуждения или торможения. А составляющаяся ими симптоматология оказывается искусно осуществленной двусмысленностью, одновременно изображающей собою содержания обоих противоречивых компонентов процесса вытеснения. Благодаря именно этому, она одновременно же служит заменяющим символическим способом удовлетворения (или символическим отказом от него) и бессознательным возмездием за подобное исполнение преступного инфантильного желания, вырастающего из фиксации.

Схематизируя означенным образом эту этиологическую концепцию, совершенно невольно приходишь к заключению, что она в своем современном законченном виде осталась неизвестной проф. Аствацатурову. Иначе делается абсолютно непонятным, зачем нужно было ему приписывать этиологию невроза исключительно сексуальным влечениям самим по себе в то время, как очевидно, что она всегда обязана тому, что эти влечения в известных условиях вытесняются. Вытеснение же это черпает свою энергию из других влечений, влечений Я, которые имеют самостоятельное значение и потому, сами могут обладать болезненным характером, лишь исторически связанным с сексуальностью. Следовательно, если Фрейду можно было бы инкриминировать какую либо односторонность, как этого непременно хочет уважаемый критик, то это могло бы быть осуществимо только в форме того, что патогенным почему то оказывается вытеснение именно половых, а не каких либо иных врожденных влечений. Но очевидно, что на это не поднимется рука даже самого беспощадного критика, поскольку данный факт равно не зависит ни от личности Фрейда ни от личности Аствацатурова, а дан самой природой либидо, гонимого от рождения и в тоже время могущего обходиться без постороннего объекта, без среды. Отсюда совершенно понятно, что этиологическая концепция психоанализа осталась чуждой проф. Аствацатурову именно со стороны своей кардинальной сущности. Но если он не понял ее, то, разумеется, он не мог ее и оценить...

То же самое устанавливается и в отношении критики самой психоаналитической техники исследования.

Касаясь, например, анализа сновидений, проф. Аствацатуров говорит: «Не отрицая того, что в учении Фрейда о сновидении есть интересные мысли, мы не можем, однако, не отметить, что практически «толкование» сновидений по Фрейду превратилось в совершенно произвольное и необъективное объяснение каждого сновидения, как проявления половых влечений» (с. 47).

Возражая на эту реплику, можно вполне определенно заявить, что, по мысли проф. Фрейда в сновидении осуществляются отнюдь не одни только половые, а какие угодно желания вообще. Вот его точная формулировка: «сновидение представляет собой особый способ устранения мешающих спать раздражений, путем их галлюцинаторного удовлетворения» (Лекции к введению в психоанализ, вып. 1, с. 141). Здесь нет и намека на принципиальное отстаивание сексуального фактора, как источника всякого сновидения. Что же касается практического «толкования» (Аствацатуров)

сновидений, то вполне понятно, что в условиях клинической практики, в условиях анализа невротического поведения, неизбежно приходится сталкиваться с вытеснением либидо, удовлетворение которого оказывается возможным только в форме искаженных сновидений. Поэтому действительно и наблюдается, что сновидения невротиков обладают скрытым сексуальным содержанием. Однако совершенно очевидно, что это имеет только чисто практический, но никак не принципиальный характер.

По отношению к основному приему психоаналитической методики — методу свободного ассоциирования проф. Аствацатуров высказывается так: «Метод этот состоит в том, что субъекту предлагают называть безо всякого напряжения внимания первые попавшиеся слова, которые приходят ему в голову... Так как при таком свободном течении ассоциаций внимание больного не напряжено и он как бы автоматически, бесцельно, не руководясь логической связью, называет первые попавшиеся слова, то при этом вследствие бездеятельности сознания, создаются условия для проявления подсознательных элементов психики... Едва ли нужно указывать, *насколько произвольным является такой «анализ»* и к каким фантастическим выводам может он привести анализирующего» (курсив автора. — *И. П.*, с. 48).

Читая эти слова, никак нельзя отделаться от странного впечатления, которое производит их резко противоречивое содержание. С одной стороны идет разговор об условиях, благоприятствующих «проявлению подсознательных элементов психики», с другой же стороны — отрицается всякий смысл подобного «анализа». Что же, эти «подсознательные элементы» сказаны только для «красного словца»? Это только не более как красивый оборот речи? Тогда, разумеется, вместо анализа действительно остается только одно пустое место. По существу же однако, бессознательная деятельность есть нечто несомненно большее, чем простой «une façon de parler», хотя бы иногда она и казалась сплошной фантастикой.

По-видимому, проф. Аствацатуров охотно согласится с тем, что ассоциативный процесс вообще отнюдь не имеет характера произвольности, а наоборот — всегда определяется строго закономерными условиями течения. В силу уже одного этого пренебрежение к ассоциативному методу является совершенно необоснованным. Если же принять во внимание, что в условиях аналитической практики течение свободного ассоциирования всегда ограничивается и направляется определенным тематическим заданием, взятым из сновидений или имеющегося симптомокомплекса, то указываемое пренебрежение вырастает тогда до явного субъективизма.

Специфической особенностью свободного ассоциирования является отвлечение внимания от процесса речи, путем сосредоточения его на теме задания. Тем самым ослабляется критика всплывающих образов, а вместе с нею понижается и цензурирующее действие вытесняющих сил идеального Я. Это пускает в ход механизм бессознательных влечений, готовых, согласно динамической природе вытеснения, всегда прорваться в сознание. Вытесненные представления облакаются в словесную форму и воспроизводятся в виде речи «свободных ассоциаций». Здесь то именно и

заключается вся несравненная практическая ценность свободного ассоциирования. Благодаря ей, и только благодаря ей, открывается торная дорога в бессознательное, дающая сырой, объективный материал, лишенный каких либо натяжек со стороны исследователя. Очевидное преимущество подобной методики до такой степени существенно, что оно делает свободное ассоциирование основным орудием психоанализа и вне его психоанализ, собственно, даже и не существует. Следовательно, если проф. Аствацатуров не оценил и не понял этого метода, то он естественно, не мог понять и самого психоанализа.

Все это и подтверждается отношением уважаемого критика к аналитической терапии.

На стр. 51 он пишет: «Фрейд и его последователи утверждают, что психоанализ имеет преимущество перед всеми другими методами психотерапии, потому что при нем выясняется и устраняется самый механизм образования симптома. Так ли это действительно? Следует прежде всего заметить, что при психоанализе, в той форме как он применяется практически, *никакого анализа собственно говоря не производится*. Как по отношению к толкованию различных нормальных психических проявлений, так и по отношению к болезненным симптомам, психоаналитический метод исходит из догматической предпосылки, что главным фактором этих проявлений служат скрытые в подсознательной сфере половые влечения. Таким образом, уже самый «анализ» исходит из предубеждения, что данный симптом обуславливается вытесненными из сознания половыми представлениями. *Это положение, рассматриваемое школой Фрейда как аксиома, на самом деле ничем не доказано*. Те доказательства, которые приводят в пользу этого основного положения, являются совершенно неубедительными. Утверждение о том, что в основе психогенных симптомов лежат подавленные половые влечения, не есть строго говоря вывод из анализа, а есть в одно и то же время и вывод и предпосылка к нему...» (курсив автора. — И. П.). Как можно видеть, вся мнимая убедительность этого отрывка целиком построена на искусной игре понятиями предпосылки и вывода. Всякий вывод, хотя и является конечным пунктом исследования, тем не менее тотчас же превращается в предпосылку, как только предпринимается какое либо дальнейшее исследование, для которого он уже служит опорой. Электронная теория, например, является выводом многочисленных исследований строения материи и она же служит неременной предпосылкой любого нового исследования подобного же характера. Для каждого из таких исследований содержание ее неизбежно является выводом и предпосылкой в одно и то же время. И означенное положение, разумеется, совершенно нормально, поскольку всякая практическая деятельность невольно отправляется от каких либо общих точек зрения, координирующих ее основную сущность. Даже всякому незначительному эксперименту неизменно предшествует самая идея этого эксперимента, которая всегда предвосхищает его выводы. Чего же можно требовать в таких неизбежных и общеобязательных условиях от

психоаналитической практики? Совершенно ясно, что всякий исследователь всегда и неизбежно руководится в своей работе описываемым «предубеждением», если только угодно сохранить эту терминологию, и от такой особенности человеческого мышления не может уйти даже и сам проф. Аствацатуров, не говоря уже о психоаналитиках. Но последние все же прибегают к самоанализу и, кроме того, анализируют друг друга, и таким образом стараются по мере возможности нейтрализовать значение этого неприятного фактора. По-видимому, даже самая суровая критика отметила бы данное обстоятельство, как достоинство; глубокоуважаемый профессор, однако, предпочитает оставаться при своем особом мнении.

Далее, само собой разумеется, утверждение, что этиологическая концепция Фрейда рассматривается в процессе анализа, как аксиома, является совершенно голословным. Аксиома есть понятие совершенно недоступное эволюции. Прямая линия всегда останется кратчайшим расстоянием между двумя точками. Аналитическая же концепция невроза все время эволюционирует в процессе той практической работы, которую проф. Аствацатуров интерпретирует, как продукт догматической предпосылки. Убийственное понятие догмата притянута сюда за волосы, поскольку хорошо известно, что концепция Фрейда в лице катарсиса сначала даже не содержала в себе сексуального этиологического фактора, который именно и вызывает такое беспокойство со стороны проф. Аствацатурова. Опираясь на первоначальный аналитический опыт, она выросла из обнаруженного значения подавленных аффективных переживаний и лишь дальнейшие исследования, используя этот вывод, как предпосылку (однако, отнюдь не догматическую) невольно привели к патогенезу сексуальности¹. Но и достигнув этого пункта, развитие концепции не остановилось, а продолжало идти все далее и далее на основе эволюционного принципа. Не какой либо другой автор, а именно Фрейд постоянно заявлял о готовности изменять свои взгляды, когда на то является необходимость. Если же что либо действительно оказывается в психоанализе постоянным, так это только методика исследования, и сейчас каждый может видеть, что в то время как концепция невроза развивается и растет, методика исследования остается неизменной. Но методика, не предпосылка, и она то именно и обеспечивает объективность анализа и его настоящее лицо, которое проф. Аствацатуров берет под сомнение. Если же рядовое аналитическое исследование подтверждает и стремится подтвердить этиологическую концепцию, так ведь совершенно так же поступает и исследование физическое, которое неизменно подтверждает и стремится подтвердить, скажем, электронную теорию. Независимо от этого, однако, данная концепция является все же только лишь опорным, а никак не отправным пунктом исследования, ибо описанная выше аналитическая методика ассоциирования совершенно пассивна по своей исследовательской природе. Залогом достоверности аналитического

---

¹ Представляет некоторый интерес, что в цитируемой работе нигде не встречается выражение «сексуальный», а везде «половой». Чувствуется как бы тенденция сузить психоаналитическое понимание сексуальности.

исследования служит исключительная цельность и согласованность картины патологии каждого случая, которая действительно объясняет поведение субъекта и потому с полным правом может считаться анализом личности. Если же выводы исследования совпадают у отдельных аналитиков с основной концепцией патологии и тем создают иллюзию предубеждения и предпосылки, то ведь иначе не могло бы быть даже и в том случае, если бы эта концепция заведомо была абсолютной истиной и, следовательно, даже и в таком случае проф. Аствацатуров не был бы лишен поводов к сомнению.

Но что, с другой стороны, проф. Аствацатуров мог бы предложить вместо этой, так безжалостно критикуемой им, концепции? Он мог бы только сослаться на дегенеративные и конституциональные теории своих единомышленников, которые также могут быть заподозрены в пределах своей деятельности и в предубеждении и в отсутствии анализа. Они опираются на эти и теории и исходят из «навязчивого представления» о том, что каждый невротик непременно должен быть продуктом дегенеративной конституции и соответственно с этим упорно ищут в нем признаков тяжелой наследственности. И вот. Следуя тактике проф. Аствацатурова, нужно было бы заклеить подобный образ действий «крайним субъективизмом», «предубеждением», «параноическим мышлением» и прочими страшными названиями, в которых. никогда не может быть недостатка. Но мы не последуем примеру такого «полемиического приема и будем терпимы к нашим принципиальным научным противникам. Мы признаем за ними право на отстаивание определенной точки зрения, хотя бы она и не была способна охватить всего предмета целиком. Но точно такое же право мы сохраним и за психоанализом и в противовес критике проф. Аствацатурова признаем его основную точку зрения удовлетворяющей всем требованиям научного объективизма, доступного для человеческого мышления.

Прекрасным же примером ограниченности этого объективизма вообще могут служить суждения самого же уважаемого критика, посвященные так называемому эдипову комплексу.

Аналитическая концепция невроза опирается на теорию сексуального развития, которая включает в себя понятие особых комплексов детских переживаний. Основным из этих комплексов является комплекс Эдипа, охватывающий детское влечение к матери и ревнивый антагонизм к отцу. Свое название он получил от греческого мифа о царе Эдипе, который убил, не зная того, своего отца и женился на матери. Аналогия, послужившая поводом для заимствования названия, отнюдь не является поверхностной, так как данный миф, как и вся мифология вообще, оказывается продуктом массового коллективного творчества, развивающегося путем бессознательной интуиции. Бессознательное же в пределах индивидуального поведения) всегда, согласно аналитическому опыту, связано с детской психосексуальностью. Поэтому, поскольку коллективное поведение составляет индивидуальным, постольку сама собою навязывается мысль о зависимости бессознательного массового творчества от той же детской сексуальности. С такой точки зрения коллективное творчество, как и

творчество индивидуальное, всегда отображает борьбу сил, разыгрывающуюся бессознательным образом и так или иначе повторяющую детскую ситуацию и фантастическое ее изживание. Миф об Эдипе не только не представляет исключения отсюда, но даже, наоборот, — является слишком откровенным творчеством, в смысле прозрачности обуславливающей его подоплеки. Однако, проф. Аствацатурову подобное толкование данного мифа, по-видимому, не внушает особых симпатий и он его решительно отвергает. Само собою разумеется, он вправе это делать, но только тем самым он берет на себя обязательство подыскать какое либо другое объяснение. И он, действительно, ни одной минуты не колеблясь, решается на этот шаг и с небрежным видом бросает: «в мифе об Эдипе сказание о его женитьбе на матери есть *желание изобразить самое ужасное из несчастий, которое может постигнуть человека* (курсив автора. — И. П.), а не скрытое половое влечение, как это утверждает Фрейд и его последователи» (с. 50).

Читая это предложение проф. Аствацатурова, никак нельзя удержаться от следующего замечания.

Верно или неверно аналитическое толкование, — оно все же исходит из клинического опыта, являясь результатом естественного стремления распространить выводы его за пределы непосредственно наблюдаемых явлений. А от каких же отправных точек исходит объяснение проф. Аствацатурова? Какие опытные, эмпирические данные лежат в его основе? «Самое ужасное из несчастий» есть понятие совершенно личного характера и каждый по своему устанавливает здесь те или иные градации. Кому либо другому может показаться самым ужасным несчастьем сцена по Мопассану, когда некий субъект узнает во взятой проститутке родную сестру. И здесь, конечно, безнадежно было бы спорить. Да и какое отношение вообще к науке имеют эти частные мнения, не опирающиеся ни на какие научные исследования? Где тут, хотя бы самый незначительный намек на какой бы то ни было объективизм? Не странно ли для ученого, дело личного взгляда выдавать за научно обоснованное мнение, да еще выдвигать его, как аргумент, опровергающий доводы противника? Худо ли, хорошо, психоаналитики, ценою исключительного напряжения, перетряхнули снизу доверху всю мифологию человечества, добрались до первобытной культуры и вплотную подошли к вопросу о самом генезисе общественности. Базируя все это на механизмах бессознательного инфантильно-эротического поведения, они привлекли архаическое мышление к объяснению бредовых конструкций невротиков и дали этим могучий толчок к новому, оригинальному направлению в психиатрической клинике. Проф. же Аствацатуров одним взмахом пера отделяется от всей этой колоссальной работы, как от надоедливой мухи, да еще делает это во имя какого-то вымученного объективизма! Вряд ли кто возьмется отстаивать подобную тактику и утверждать, что она ведет к научному прогрессу. По-видимому, — все против нее, но... логика, к сожалению, далеко не всегда умеет бороться с эмоциями...

После всего приведенного уже не может показаться странным, что проф. Аствацатуров относится к психоаналитическому лечению резко отрицательно, толкуя его содержание столь же превратно.

«Не подлежит никакому сомнению, — говорит он, — что случаи излечения под влиянием психоанализа представляют собой не что иное, как результат внушения» (с. 55). С этим решительным заявлением трудно согласиться уже по одному тому, что в таком случае остается непонятным, какие же силы, вообще, вызвало к жизни психоаналитический метод, если весь эффект его сводится только к простому внушению? На почве каких факторов могло создаться столь исключительно-сложное учение, если практические вопросы можно было разрешить не длительным и напряженным курсом психоанализа, а всего лишь несколькими сеансами внушения? Очевидно самые жизненные условия были таковы, что врачебная помощь не могла ограничиться одним элементарным внушением, а на смену ему должен был прийти трудный и ответственный метод психоанализа. По существу же, — он и вырос из него, подобно тому, как из куколки выходит бабочка, сохраняющая с ней быть может только самое отдаленное общее, да и то генетического характера. Соответственно такому положению, известные элементы внушения неизбежно сохраняются в психоанализе, но от этого ведь не остается свободным решительно ни один метод лечения, в чем бы он ни заключался. Кроме того, понятие внушения вообще есть понятие слишком широкое и неопределенное. При желании можно и воздействие убеждением также подвести под его содержание. Сам Фрейд, например, не уклоняется от терминологии «внушение», однако, говорит, что в пределах психоанализа этот феномен не имеет ничего общего с суггестивной терапией. Аналитическая терапия действует в условиях перенесения, восстанавливающего детскую ситуацию пациента по отношению к окружающей среде. Она требует активности, а не пассивности больного; стремится к оживлению патогенного конфликта и к уничтожению сопротивления; добивается излечения путем выяснения возникновения симптоматологии и путем объяснения и доказательства самому больному механизма этого возникновения. Легко видеть, до какой степени все это отдаляет психоанализ от лечения внушением, которое является только не более, как симптоматической терапией, и потому вопреки мнению проф. Аствацатурова можно словами Фрейда сказать, что: «в действительности, между суггестивной и аналитической техникой существует самая большая противоположность¹. Мало того, однако, лишь аналитическая техника делает возможным понимание самой сущности действия техники суггестивной. Внушение оказывается осуществимым только в условиях перенесения, ибо знаменитый «раппорт» гипнотизеров является ни чем иным, как феноменом перенесения.

Отсюда понятно, до какой степени легковесно суждение проф. Аствацатурова об аналитическом лечении и какой оценки заслуживает его

---

¹ Психологическая и психоаналитическая библиотека, вып. 4, стр. 20.

попытка расшифровать высокое лечебное значение психоанализа, которого он при всей своей сдержанности к последнему, уже никак» не может отвергнуть.

II

Но проф. Аствацатуров обнаруживает в своей критике совершенно исключительную настойчивость и не довольствуется разбором одного только врачебного психоанализа; он касается также и педагогической роли психоаналитического учения. С этой целью он прибегает к толкованию известного анализа маленького Ганса, послужившего первым психоаналитическим опытом педагогической исследования. Высказывается он о нем следующим образом: «по поводу этого психоанализа пятилетнего мальчика, с которым отец ведет разговоры, о половых органах матери, можно лишь повторить слова одного известного германского невропатолога: «Я бы обратился, — говорит он, — за содействием полиции для изъятия ребенка из растлевающего его душу влияния родителей» (с. 53).

Не будем касаться того, каким архаизмом звучит подобная цитата из трудов «известного германского невропатолога» в современных условиях, а выставим лишь против ее убийственного содержания только ту мелочь, что отец был вынужден к столь циничным разговорам самим мальчиком, навстречу которому он пошел, ибо и должен был пойти, в целях лечения, а не какой либо праздной болтовни. На с. 9 «Психоанализа детского страха» можно найти такой знаменательный вопрос трехлетнего пациента, обращенный к матери: «Мама у тебя есть *Wiwimacher?*» По-видимому, этот вопрос совершенно обесценивает благородный порыв проф. Аствацатурова защитить детскую нравственность от покушения психоаналитиков, ибо отнимает у него всякую почву. Он показывает, что инициатива безнравственного обмена мнений исходит от самого пациента, в силу его естественного сексуального любопытства. Пресечь эти попытки, значило усугубит его невротическое состояние и, наоборот, углубить их — значило дать выход сдержанной энергии. И если иметь ввиду, что именно таким обменом мнений удалось добиться освобождения ребенка от невроза, мешавшего его правильному развитию, то какими дешевыми покажутся все крикливые слова о «растлевающем влиянии» психоанализа и какой неблагодарной — позиция проф. Аствацатурова, опоздавшего со своей поддержкой архаического германского невропатолога почти на два десятилетия

Но самому проф. Аствацатурову в голову, конечно, не приходит что либо подобное и он продолжает на стр. 59 развивать свои мысли об отношении психоанализа к педагогике: «Из произведения Фрейда и его последователей трудно составить себе ясное представление о том, какие полезные для воспитания выводы можно было бы сделать из обнаружения скрытых половых впечатлений». В этом отношении уважаемому профессору

можно было бы очень легко помочь составить себе ясное представление, если бы однако это не вызвало с его стороны протеста. Не ссылаясь даже на солидные психоаналитические труды по педагогике, оставшиеся ему, по-видимому, неизвестными, достаточно коротко указать на те положения, которые установлены психоанализом совершенно точно. Наряду с эволюцией Я в процессе развития личности идет и эволюция либидо. Между обоими этими главными направлениями онтогенеза существует определенное взаимоотношение; это взаимоотношение, равно как само содержание эволюции, может в известных случаях стать источником уклонений; следовательно, подобные патогенные условия воспитания и должны быть предотвращены правильным педагогическим воздействием, указания к которому должно извлечь из анализа патологических случаев.

Вот каким образом можно было бы рассеять те неясности и сомнения, которые возникли у проф. Аствацатурова при попытке оценить педагогическое значение психоанализа. К сожалению, однако, приходится открыто признать, что эти сомнения уважаемого критика отнюдь не единичны, ибо в пределах педагогики психоанализ встретил еще значительно большее сопротивление, чем в пределах медицины. Если на минуту отвлечься от критики проф. Аствацатурова и остановиться, например, на брошюре проф. Эфрусси: «Успехи психологии в России», то ЗДЕСЬ можно найти такую выдержку, посвященную психоанализу: «Психоаналитический метод Фрейда успел за последние годы проникнуть из психиатрии и психопатологии также и в русскую педологию... Остается только пожелать, чтобы русскими последователями Фрейда была в достаточной мере учтена вся основательность возражений против пользования этим методом в применении к детям и подросткам. Незадолго до войны немецкие психологи выразили в необычайно резкой форме протест против допустимости специфической «установки» последователей школы Фрейда при наблюдениях над детьми и истолковании этих наблюдений. Особенную опасность представляет этот метод в тех случаях, где материал собирается с помощью опроса детей, зачастую весьма детального (курсив автора. — И. П.), имеющего целью выяснить бессознательные сексуальные источники самых обыденных проявлений и поступков. Односторонняя направленность внимания наблюдателя на «сексуальность» ребенка, может стать причиной прямого внушения и извращения психики ребенка, то есть *искусственного доведения до его сознания* (курсив автора. — И. П.) скрытых в глубинах бессознательного переживаний. В общем, при неосторожном пользовании этим методом вероятность влияния на ребенка в смысле ускорения темпа его сексуального развития чересчур велика. Остается пожелать, чтобы меч од психоанализа не получил популярности среди русских педагогов» (с. 12).

Заключительное пожелание, конечно, совершенно излишне — среди русских педагогов психоанализ пользуется самой незначительной популярностью. Что же касается самой сути выдержки, то в ней интересно прежде всего типическое, ярко обнаруженное отношение к феномену детской сексуальности. Для цитируемого автора это не более, как «сексуальность», то

есть мнимое измышление психоаналитиков, навязанное ребенку. Тенденция игнорировать данный феномен представлена здесь во всей своей полноте. А между тем, сексуальные явления доказаны сейчас уже не только у младенцев, а даже у эмбриона, ибо кровь его дает ясную половую реакцию. Но независимо от этого, самые простые рассуждения могут убедить человека, желающего считаться с действительностью, в факте существования детского сексуального любопытства. Зачем, спрашивается существуют всем известные «сказки об аисте»? Не ясно ли, что их вызывает к жизни какая-то потребность? Но что же это за потребность, как не желание удовлетворить естественное любопытство ребенка, заявляющего свои права с самых ранних лет? Исходя из одного этого, уже достаточно, чтобы кавычки в понятии детской сексуальности приобрели такой смысл, на который, по-видимому, совершенно не рассчитывал их автор. Ведь надо же учесть кроме того, что если даже уже в пределах самой педагогики теперь ведется борьба за сексуальное просвещение, то как можно думать, что «психоаналитическое воздействие, предварительно изучая патологию сексуального развития, не сумеет привести личность к таким формам сексуального содержания, которые являются единственно правильными с социальной точки зрения и потому должны всецело соответствовать целям педагогики? Все опасливые рассуждения проф. Эфрусси об ускорении темпа сексуального развития и извращении нормального полового поведения основаны лишь на непонимании и незнании дела и отнюдь не являются выводом из проделанного практического опыта. Неосведомленность «критика в отношении психоаналитической техники могла бы тут поразить читателя, если бы только она не была столь частым явлением. Никакой опрос, даже самый детальный», не свойственен классическому психоанализу, проводящемуся *lege artis*. Основной прием его — свободное ассоциирование, и опрос, на котором проф. Эфрусси базирует свои тяжкие обвинения, в действительности ограничивается лишь элементарными сведениями, необходимыми для первоначальной ориентировки. Если бы дело сводилось к одному только простому разговору, то зачем бы тогда психоанализу понадобились месяцы и годы общения с больным, которое имеет, очевидный даже для критики, специальный исследовательский характер?

По поводу же односторонней направленности психоаналитиков можно попытаться заверить, что она значительно шире, чем то представляется поверхностному наблюдателю и уж во всяком случае не уже таковой у дарвинистов, во всем видящих следствие естественного отбора, или у марксистов, все сводящих к экономическому фактору. Правда, конечно, что «все» здесь лучше было бы взять в кавычки, но тогда тоже самое явится справедливым и по отношению к психоанализу, который настолько лишь сводит все к сексуальности, насколько он является монистическим учением. А самое его право на монистичность не менее очевидно, чем, например, право на нее психиатров и невропатологов, сводящих все к конституции и патологической наследственности.

Что же касается самого анализа, то в действительности никакого «ускорения темпа сексуального развития» не происходит, так как психоанализ не занимается внушением и в пределах исследования держится тактики пассивного наблюдателя. Его дело не ускорять развитие, а поставить его в правильные рамки, считаясь с каждой отдельной фазой эволюции. Соответственно этому, и никакое извращение личности ребенка не может иметь места, ибо основным принципом психоанализа является крайняя медленность и осторожность всего ведения исследования и прежде чем что либо ребенку дать, он ищет что у того есть. Тем самым, уничтожающая ссылка на привлечение внимания к сексуальности оказывается построенной на песке, поскольку на самом деле иллюзорная картина привлечения создается только там, где внимание и без того было привлечено к сексуальности, но было лишь скрыто от взоров поверхностного исследователя. Психоанализ, как и всегда, обнаруживает потайные пружины поведения и неужели эту исключительную возможность ему следует поставить в упрек? В этом отношении замечательна фраза критика об искусственном доведении до сознания ребенка скрытых в глубинах бессознательного переживаний. Трудно не знать, что подобное мероприятие применяется только к больному ребенку, у которого бессознательные влечения играют роль болезненного фактора. Достижимый этим эффект обладает целебным значением, совершенно недоступным какому либо другому воздействию и потому является абсолютно незаменимым. Следовательно, критиковать психоанализ как раз с той стороны, которая составляет его очевидное достоинство и на этом мнимом основании отказываться от его применения — действительно значит ни более ни менее, как не уметь отличить жемчужного зерна от простого.

Но наших почтенных педагогов трудно конечно обескуражить столь неожиданным оборотом дела, так как они всегда могут сказать, что их объектом являются здоровые дети, а не больные, а вот по отношению к здоровым то психоанализ и «ускоряет темп сексуального развития». На самом деле, однако, понятие здоровья и болезни суть понятия растяжимые, и почти всегда корни невротического состояния взрослого субъекта обнаруживаются в детском неврозе, который в свое время прошел незамеченным для окружающих. Таким образом, и в пределах «нормального» детства психоанализ несомненно имеет все права гражданства, не говоря уже о его огромном профилактическом знании в отношении воспитания, на которое было вскользь указано выше. Сейчас можно лишь еще добавить, что одно только внедрение в сознание масс идеи о колоссальной вреде общей спальни родителей с ребенком могло бы дать населению в тысячу раз больше, чем многие и многие трактаты педагогов. Непосредственно же по отношению к отдельному здоровому ребенку психоанализ никогда не может предписать ничего такого, что не могло бы быть санкционировано правильной сексуальной педагогикой. Воспитательные цели психоанализа совершенно ясны и ответственность его в этом отношении до такой степени очевидна, что замалчивать ее никому и

никогда не приходило в голову. Перед человечеством вообще еще никогда не стояло более ответственной проблемы, чем проблема сексуального просвещения. И понятно, что психоаналитики сознают это острее, чем кто бы то ни было, раз именно они взялись за столь сложное дело, а потому сомневаться в их готовности идти в этом отношении, на какие угодно жертвы и тем добиваться максимального успеха, было бы по меньшей мере несправедливо.

Пытаясь теперь сопоставить суждения обоих цитируемых критиков, мы можем без труда констатировать их откровенное желание отмахнуться от всей психоаналитической работы, от всего того богатства мыслей, которое заложено в нее рядом исключительных дарований. *Но* какие же силы толкают обоих авторов на столь скользкий путь по отношению к уже достаточно зарекомендовавшей себя дисциплине? Ответ не замедлит последовать, но предварительно нужно окончательно покончить с критикой проф. Аствацатурова, некоторые замечания которого остаются еще без должного освещения. Поэтому, сначала возвратимся к нему.

В разгаре своих нападок на концепцию Фрейда проф. Аствацатуров неоднократно бросает психоаналитикам упрек в их фанатической приверженности этой концепции. Казалось, должно было бы полагать что в пределах научного мышления вообще не может быть места фанатизму, поскольку он является следствием веры, эмоциональности, а не убеждения. Но тем не менее пойдём навстречу проф. Аствацатурову в его терминологии и возразим ему двояким путем. Прежде всего можно взять на себя смелость напомнить, что помимо школы Фрейда в психоанализе существуют еще, хотя и менее значительные, школы — Адлера, Юнга и Штекеля, чего при действительной фанатической преданности психоаналитиков концепции Фрейда никак не могло бы иметь места. С другой же стороны, сама по себе эта концепция проделала за истекшее двадцатипятилетие солидные изменения и потому отнюдь не представляет собой чего-либо застывшего и раз. на всегда заколоченного в неподвижные рамки. По-видимому, это также является достаточным опровержением фанатизма) поскольку уже дало некоторым искушенным критикам возможность заявлять даже о том, что Фрейд в последних работах будто бы сжег свои корабли. Но еще и независимо от всего приведенного, — о фанатизме и нетерпимости молено было бы скорее говорить в отношении тех единомышленников проф. Аствацатурова, которые ради опровержения своего принципиального и научного противника, готовы были обратиться за содействием полиции...

Подытоживая весь проделанный обзор критических положений проф. Аствацатурова, остается прийти только к одному неизбежному заключению. Уважаемый критик обнаруживает слишком недостаточное знакомство с объектом критики в его современном состоянии. Его несомненный авторитет в органической невропатологии оказывается далеко не на должной высоте, когда он обращается к невропатологии функциональной. Заявляя себя сторонником эволюционной теории в пределах органических поражений нервной системы, он сразу теряет всякий намек на эволюционность, как

только дело касается неврозоз: и вместо нее тщится найти опору в конституциональных воззрениях. Отсюда совершенно естественно, что он должен был в корне разойтись с психоанализом, который поддерживает эволюционную теорию невроза с не меньшей решительностью, чем он сам обнаруживает это по отношению к органическим заболеваниям. Для психоанализа всегда было непонятно, почему в двигательных процессах возможно возвращение к каким-либо древним формам иннервации, а в пределах наиболее тонких особенностей жизнедеятельности невозможна регрессия к архаическому типу поведения. Здесь какая-то недоговоренность, которая невольно наводит на мысль о непоследовательности проф. Аствацатурова.

Что касается самого недостаточного знакомства уважаемого критика с современным развитием психоаналитического учения, то его еще нельзя объяснить одной только этой указываемой непоследовательностью. В данном отношении положение несколько сложнее. Однако, причины его не могут представить какого-либо особого труда для обнаружения. Да простится нам наша страсть к логическому умозаключению, но из своевременно отмеченного пренебрежительного отношения проф. Аствацатурова к свободному ассоциированию совершенно недвусмысленно вытекает, что он практически незнаком с психоаналитической техникой, так как в противном случае положение вещей никогда не допустило бы с его стороны подобного отношения. Приходится думать, что он судит о ней исключительно на основании литературного материала или может быть на основании собственных неудачных и слишком поверхностных попыток. А между тем, для каждого ясно, что критика любого клинического метода неизбежно требует его основательной практической проработки, отсутствие которой никаким чтением компенсировать нельзя.

Но проф. Аствацатуров стремится укрепить свои позиции ссылкой па то, что целый ряд авторитетных психиатров и невропатологов точки зрения Фрейда не признает. К сожалению, — в известных пределах он совершенно прав; но кто же эти психиатры и невропатологи? Это все сторонники старой школы, а ведь известно с каким упорством все старое борется с новизной. Они все очень почтенные люди и оставили неизгладимые следы в истории, но они уже сделали все, что могли сделать и сейчас им остается только бороться за то, чтобы их не обогнал бешеный ход прогресса. Подобная трагедия старого поколения неизбежно повторяется каждый раз, как только на горизонте появляются признаки какой либо идейной революции.

Но ведь тормозишь столь безотчетным образом темп научного развития слишком неблагоприятная задача и рано или поздно все равно обречена на неуспех. Что из того например, что Кювье когда то одержал победу над Жофруа Сент-Иллером? Явился Дарвин и эволюционная идея, буквально, раздавила его консервативную теорию катастроф. Что же из того, что видные невропатологи и психиатры не признают психоаналитической идеи? Господство прогресса непременно возьмет свое и придет время — и оно уже близко это время! — когда они разделят участь Кювье. Поэтому,

ссылка проф. Аствацатурова на авторитеты не может спасти положения. Но мы снова и снова станем лицом к опасности и докажем уже воочию, конкретно, до какой степени эфемерны позиции этих авторитетов по отношению к гонимой идее психоанализа.

Остановимся на отце современной психиатрии Э. Крепелине. Это наиболее видный психиатр, которому наука обязана очень многим, и на него то именно ссылается проф. Аствацатуров. Что же у него мы можем найти? В его книге «Введение в психиатрическую клинику» брошено по отношению к психоанализу следующее замечание. «Психоанализом» Фрейд и его последователи называют метод, сущность которого состоит в том, что с помощью различных приемов стараются вскрыть «вытесненные», эмоционально не безразличные переживания («комплексы»), которым приписывается причинное значение в происхождении болезни. При новом переживании тех же состояний они будто бы должны утратить свою вредоносную силу. Здесь нельзя войти в подробное развитие серьезных возражений, которые можно выдвинуть против этого учения, выдаваемого за нечто непреложное и в то же время очень мало обоснованного. Можно, наоборот, определенно сказать, что лечебный эффект психоанализа ни в коем случае не превышает того, что может быть достигнуто путем внушений и другим путем. На основании большого опыта и притом наблюдений самого различного рода я считаю твердо установленным, что продолжительное упорное обсуждение с больными их интимных переживаний, в связи с обычным преувеличением роли половых сношений, с соответствующими советами, может привести к самым дурным последствиям» (с. 214).

В русском переводе к этой заметке, на которой совершенно не следовало бы останавливаться, если бы она не носила имени Э. Крепелина имеется такое характерное подстрочное примечание проф. Гиляровского. «Эти замечания Крепелина не дают сколько-нибудь ясного представления об учении Фрейда и его школы; нужно иметь в виду к тому же, что к психоанализу он относится слишком сурово, и не вполне справедливо; если этот метод не ведет к излечению так, как это описывали первоначально фрейдисты, то он является необычайно ценным средством для выяснения механизма отдельных болезненных явлений. Явления вытеснения и вообще так называемые фрейдовские механизмы можно считать установленными не только при истерии и других невротических заболеваниях, но даже и при таких заболеваниях, как раннее слабоумие».

Какое же значение после этого нужно сохранить за критикой Крепелина, если представитель официальной клинической психиатрии, автор перевода цитируемой книги, человек, самим положением своим обязываемый к чрезвычайной сдержанности по отношению к мировому авторитету, почувствовал необходимость в подобном примечании и на такое примечание пошел? И какое содержание, кроме того, нужно вложить в брошенные им слова, если только иметь в виду то моральное давление, под которым он находился и то стремление сколько можно ослабить смысл своего рискованного шага, которое против воли сквозит в строках его

примечания? А что же остается тогда сказать психоаналитику по поводу такой критики, которая вызывает сомнения даже со стороны самих психиатров? Положение ясное, но оно осложняется тем, что эта критика принадлежит Крепелину. Если б не его имя, то проф. Эфрусси и проф. Аствацатуров не могли бы критиковать психоанализ столь опрометчиво. Поэтому будем же отвечать Крепелину, но будем помнить на дальнейшее, что у нас уже есть сторонники даже в лагере противников.

Обвинение в преувеличении психоанализом роли половых сношений, приписывание каких то соответствующих советов, могли бы показаться просто чудовищными, если бы только не были в порядке вещей.

Не трудно понять откуда взялось подобное представление, ибо в данном случае нужно иметь ввиду крайне небрежное и поверхностное отношение к объекту критики, ни в каком другом случае не считаемое допустимым. Проф. Крепелин, по-видимому, находит психоаналитическое воздействие чем то вроде настоятельных советов молодым истеричкам «выйти замуж», которые постоянно это слышат от врачей, столь же своеобразно перерабатывающих выводы психоаналитического опыта, как и он сам. Нет нужды говорить, что подобными «советами» психоанализ никогда не занимался. В статье «О диком психоанализе» проф. Фрейд совершенно определенно говорит, что сущность аналитической терапии сводится отнюдь не к простому гетеросексуальному удовлетворению. Дело несколько сложнее и задача состоит в устранении того внутреннего сопротивления, которое в патологических случаях влечения либидо встречают со стороны Я. Никакие эксцессы не могут заменить такого устранения и не заметить у психоаналитического учения этого основного положения все равно, что у эволюционной теории не заметить принципа естественного отбора. Но, с другой стороны, можно вполне согласиться с проф. Крепелином, что продолжительное упорное обсуждение с больными их интимных переживаний действительно может привести к самым дурным последствиям. Однако это бывает только в том случае, когда подобное «обсуждение» производится аналитически неумело, когда вместо устранения только обостряется конфликт между либидо и Я, и вытесняющие силы последнего вместо должной нейтрализации получают несоответствующее усиление.

Согласно с этим, повторное переживание подавленных и вытесненных состояний только тогда обладает целебным значением, когда уничтожается оживленный анализом конфликт и процесс вытеснения отпадает. Если же вытесняющие силы Я сохраняют свое действие, то процесс вытеснения оказывается неуязвимым, несмотря на новое переживание, и конфликт продолжает действовать патогенно. Следовательно, сомнения Крепелина относительно радикальности значения оживленного конфликтного состояния можно объяснить только незнанием условий этого нового переживания, в которые его намеренно ставит правильный анализ.

Исходя же из всего приведенного, очевидно, что и Крепелин сделался жертвой обычного непонимания и одностороннего истолкования

психоанализа. Такое, на первый взгляд, рискованное заключение напрашивается неудержимо и само по себе оно еще не должно вызывать недоумения, если только иметь ввиду, что никакое имя не может спасти от заблуждений и никакая одаренность не в состоянии заменить специального клинического опыта. Поэтому, ссылка проф. Аствацатурова на Крепелина совершенно не достигает цели, так как если она и имеет большое моральное значение, ввиду блеска самого имени, то фактически такого значения она лишена абсолютно, поскольку нападки Крепелина слишком поверхностны даже для психиатрического масштаба.

III

Но проф. Аствацатуров совершенно напрасно не воспользовался другим именем, именем другого могиканина невропатологии, который конечно ближе и роднее ему, чем далекий Крепелин. Пойдем навстречу проф. Аствацатурову и признаем, что критика академика Бехтерева, прикрывающего свои суждения о психоаналитическом учении импонирующей идеей рефлексологии, способна произвести на непосвященного значительно более серьезное впечатление, чем все рассмотренное до сих пор. Поэтому, мы и уделим ей внимание в заключение, рискуя даже несколько повториться.

Свои критические замечания по поводу психоанализа академик Бехтерев высказывает в трех следующих трудах: «Гипноз, внушение и психотерапия», «Основы рефлексологии» и «Половые уклонения в сфере рефлексологии». Мы остановимся главным образом на последней работе, так как самые характерные для автора возражения представлены в ней наиболее выпукло и ярко. Особенное внимание в ней привлекает, например, такое замечание: «...в нижеприводимых наблюдениях в целях раскрытия этиологии половых извращений я не прибегал к психоанализу, с помощью которого, *как я убедился* (курсив автора. — *И. П.*), легло внушается больному то или иное происхождение его болезненного состояния»¹. Читая это никак не отделаешься от вопроса, каким образом глубокоуважаемый академик мог убедиться в подобном обстоятельстве? Казалось бы, что убедиться в нем можно бы было одним только единственным путем практического применения психоанализа. Но чтобы практически применять его нужно быть знакомым с психоаналитической техникой. Знаком с ней проф. Бехтерев? В своей же книге «Гипноз, внушение и психотерапия» он сам приводит мнение одного из учеников Фрейда — Задгера, который говорит, что для окончательного овладения психоанализом нужно не менее трех лет изучения (с. 59). При всем несомненном уважении к проф. Бехтереву, трудно допустить, чтобы он согласился потерять три года своей жизни на изучение такого сложного метода как психоанализ, от которого значительно проще совсем отказаться, ничем решительно не рискуя. Его образ мышления,

---

¹ Половые извращения в свете рефлексологии. С. 671.

многочисленные заметки и устные и литературные, а также система клинической постановки, — не говоря уже о всех тех выводах, которые можно было бы сделать из личного с ним научного соприкосновения — невольно заставляют думать, что он психоанализом никогда не занимался и потому практически с ним, по-видимому, не знаком, отсюда становится совершенно понятным, почему он не прибегал в своих наблюдениях к психоанализу, но возникает загадка, как он мог убедиться в его отрицательных свойствах? И загадка эта не разрешима, несмотря ни на какие старания, если только не допустить, что подобное убеждение приготовлено по давно испытанному и верному рецепту. И другие критики точно так же «убеждаются» в недостатках психоанализа, никогда с ним не работая практически, и это обходится без какого бы то ни было риска для их научного престижа. Сама собой, против воли, напрашивается мысль, — не убедился ли и проф. Бехтерев точно таким же образом, вместо того, чтобы сидеть над кропотливым психоанализом три года? Только этим, совершенно естественным предположением, и можно объяснить допущенную здесь погрешность, равно как и то злоупотребление понятием внушения, которым цитируемый автор как бы конкурирует с проф. Аствацатуровым. Между прочим, эта «конкуренция» совсем уж выливается в нечто несуразное, когда сопоставляются аналогичные замечания обоих критиков.

Академик Бехтерев говорит, что психоанализ внушает то или иное происхождение болезни. Проф. же Аствацатуров утверждает что психоанализ внушает больному излечение («Психотерапия и психоанализ», с. 55). Следовательно, получается так, что сначала больному нужно внушить известное происхождение болезни, а затем уже воспользоваться этим внушением для внушения излечения. Подобная картина по-видимому является неожиданной и для самих критиков, ибо неужели же можно поверить, чтобы они серьезно допускали, что таким «внушением» мыслимо было создать столь мощное движение, как психоаналитическое? Если больному внушается мнимое объяснение болезни, то этим нельзя добиться излечения, если же внушается излечение, то его нельзя добиться мнимым объяснением — одно исключает другое. Но может быть и то и другое внушение производится независимо друг от друга, то есть мнимое происхождение внушается само по себе, а излечение само по себе? Это, однако, невероятно, ибо и сам проф. Аствацатуров говорит, что внушение излечения происходит в момент «обнаружения мнимого комплекса», значит в момент объяснения симптома, то есть одновременно с внушением происхождения (с. 55).

Таким образом, становится очевидным, каким путем проф. Бехтерев мог убедиться, что психоанализ внушает больному происхождение его болезненного состояния. Он убедился в этом совершенно так же, как проф. Аствацатуров убедился в том, что психоанализ внушает излечение, то есть не посредством специального клинического опыта, а на основании субъективно понятого литературного материала или, в лучшем случае, собственных небрежных и неудачных аналитических попыток. Это явно

обнаруживающееся незнание с психоаналитической практикой само по себе, конечно, еще никак нельзя поставить в минус серьезному ученому, занятому, быть может, более важными и более благодарными изысканиями; но только причем тут тогда вымученная критика психоанализа? Неужели психоанализ действительно- таки нужно критиковать во что бы то ни стало? Нельзя же ведь считать литературные данные, хотя бы и обработанные оригинальными суждениями, за выводы клинической проверки психоанализа! К тому же, следующий простой пример может убедить нас в том, что проф. Бехтерев и за психоаналитической литературой следит не настолько внимательно, насколько этого требует его ответственная критика. На стр. 390 своих «Основ рефлексологии» (3-е издание) он пишет: «В противовес глубоко ошибочному заключению о половой травме как основной причине общих неврозов... огромное число невротиков нам дала недавно пережитая война, где дело шло чаще всего о травмах иного сорта и менее всего половых». Глубокоуважаемому профессору по-видимому остался неизвестным коллективный сборник: «Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen», помеченный 1919 годом, где вопрос об отношении концепции Фрейда к военным неврозам освещен достаточно исчерпывающим образом и решен в положительную сторону. Согласно такому решению, военные неврозы относятся к группе нарциссических неврозов, характеризующихся исключительно сильной концентрацией сексуального возбуждения на Я. Являясь или результатом непосредственного потрясающего действия аффекта страха, достигающего патогенного значения в силу предшествующего нарушенного распределения сексуальной энергии, или результатом последующей приспособительной тенденции, безотчетно возвращающей субъекта к детским формам поведения, — военные неврозы и в том и в другом случае обнаруживают свое несомненное отношение к инфантильной сексуальности, хотя, быть может, с меньшей очевидностью, чем в каких либо иных невротических конструкциях. Таким военным неврозам подвергаются только предрасположенные лица, и притом, предрасположенные не в смысле обычно понимаемого конституционального предрасположения, а в смысле инфантильно-сексуального отношения к среде, сохраняющегося как рудиментарный продукт воспитания. Переживаемая же травма служит лишь толчком к выявлению вредного влияния военных условий, как бы концентрирующих в себе все антагонистические особенности среды, и в результате создается попытка избавиться от них посредством той же инфантильной невротической установки.

Подобное обстоятельство, по-видимому, должно было бы лишить проф. Бехтерева возможности идти на указанную рискованную сентенцию и еще, тем более, возлагать на нее столько необоснованных надежд, если бы только оно могло быть ему своевременно известным.

Но он не обнаруживает к критикуемому предмету того серьезного внимания, отсутствие которого так больно бьет его самого, когда дело касается критики рефлексологии. В своей книге: «Психология, рефлексология и марксизм» он сетует на критика Франкфурта, и сетует

именно на то, что тот, «принимаясь за критику, не потрудился даже как следует ознакомиться с рефлексологическими трудами» (с. 48). Такое поведение кажется проф. Бехтереву «поразительно невнимательным, если не сказать более, отношением к (его) труду» (с. 50). Что же после этого можно сказать об отношении самого проф. Бехтерева к трудам Фрейда и его школы, если даже и не касаться их клинической проработки, а ограничиться только одним лишь литературным ознакомлением?

Здесь, конечно, меньше всего пришлось бы затрудняться в подыскании соответствующих выражений, но ответственность всякого критика, до такой степени ярко осознана и подчеркнута самим проф. Бехтеревым, что игнорирование ее в данном случае можно предложить оценить по достоинству ему же самому.

Как встретит это предложение глубокоуважаемый профессор — неизвестно, но из дальнейшего разбора его выкладок не трудно убедиться, что оно направлено по существу. Из вышеприведенных цитат с совершенной очевидностью вытекает непобедимое желание критика во что бы то ни стало дискредитировать этиологическую концепцию Фрейда — это болезненное место академических невропатологов. С этой целью он готов использовать даже Адлера, как отколовшегося от ортодоксальной психоаналитической школы. Он говорит: «внушающим влиянием во время производства психоанализа в значительной мере и объясняется пансексуальная теория Фрейда относительно этиологии общих неврозов, отвергнутая Адлером¹... «Адлер создает учение уже не о половой травме, выдвинутой его учителем в качестве причины общих неврозов, а о социальном конфликте, причем сам больной проявляет активное отношение к болезни в том смысле, что он «убегает» в болезнь, которая для него является чем то желанным, как неизбежный выход из создавшегося положения»¹. Каждому знакомому с историей психоанализа, хорошо известно, что понятие конфликта, понятие активности больного и выгоды от невроза, — заимствованы из ортодоксальной психоаналитической школы. Личные заслуги Адлера в действительности очень незначительны, и самой основой своей теории он в конце концов не вышел за пределы классического учения. К этим незначительным заслугам нужно отнести, с одной стороны, то, что он оттенил значение социального момента в неврозе, с другой же стороны, то, что он выдвинул теорию малоценности, в которой указал на роль самооценки в пределах развития невротического поведения.

Но его крупная ошибка, за которую он заплатил очень дорого, заключается в узости выдвигаемого им патогенного фактора, в лице одного только противоречия между уничижительными и властолюбивыми компонентами патологической самооценки. По существу, этот фактор занимает роль только одного из звеньев в конструкции невроза и попытка приписать ему исключительное значение совершенно безнадежна. Но, однако, еще помимо того, и асоциальность невроза, и патология неправильной самооценки создаются и могут создаваться только лишь на

---

¹ Общие основы рефлексологии. С. 390.

почве инфантильной сексуальности, около которой центрируются все реакции соотношения ребенка с окружающей средой, поскольку среда то эта сводится к объектам его детских влечений в пределах семьи¹. Следовательно, для каждого сколько-нибудь знакомого с делом в лучшем случае можно было бы говорить лишь о том, что концепция Адлера отчасти дополняет концепцию Фрейда как свою предшественницу. Но проф. Бехтерев не обнаруживает ни малейшего желания войти в подробности, что, между прочим, даже и не далось бы ему особенно легко, а просто пользуется выгодным случаем, подчеркнуть, что концепция Фрейда отвергается Адлером, хотя сам-то он соображениям Адлера даже не особенно и доверяет.

Легко видеть ценность подобных полемических приемов, но все это, однако, отнюдь не должно служить к тому, чтобы быть истолкованным в качестве попытки умалить достоинство проф. Бехтерева как клинициста, и притом, клинициста исключительного опыта и эрудиции. В интересующих нас в данную минуту «Половых извращениях в свете рефлексологии» он приводит солидную казуистику и, надо ли говорить, обнаруживает очень тонкое знание дела. Но вот методика его, с которой он проводит свои наблюдения, снова привлекает наше внимание, ибо если он отверг психоанализ, то сам собой напрашивается вопрос, какую же методику он поставил на его место? По этому поводу на той же 671 стр. можно найти следующее: «Взамен психоанализа я пользовался применяемым мною методом сосредоточения: я прошу больных в свободное время наедине сосредоточиться на первоначальных поводах, послуживших к развитию болезни и записать все, что они могут об этом вспомнить; я предлагаю больным при этом подольше сосредоточиться именно на этих первоначальных поводах и условиях развития болезненного состояния, дабы их выяснить, а затем и изложить возможно полнее. Такой метод я признаю особенно ценным потому, что вместе с сосредоточением постепенно воспроизводятся сами собой картины прошлого без всяких тенденций в какую либо сторону. Вследствие этого, метод сосредоточения с моей точки зрения дает значительно больше обыкновенных расспросов и в то же время устраняет наведение больных расспросами на ложный путь» (Половые извращения в свете рефлексологии). Следует безусловно согласиться с проф. Бехтеревым, что описываемая им методика отличается сравнительной объективностью. И это не заключает в себе ничего странного, так как по существу она представляет собою не больше не меньше, как невыгодную вариацию свободного ассоциирования, объективность которого, разумеется, очевидна. Проф. Бехтерев не может, конечно, не знать, что это свободное ассоциирование также сводится к сосредоточению на известных факторах болезни, но оно превосходит предлагаемый им метод, поскольку критика в нем доводится до возможного минимума. При письме же критика, наоборот, возрастает поскольку процесс воспроизведения замедляется, а внешняя

---

¹ См. по поводу этого: И. Перепель. «Опыт применения психоанализа к изучению детской дефективности».

коррекция отсутствует, и благодаря этому страдает, как объективность методики, так и ее аналитическая ценность.

Но как бы то ни было, любопытно отметить следующее обстоятельство. Всячески открешиваясь от психоанализа, проф. Бехтерев все-таки не избег участия своих коллег психиатров, которые, поступая подобным уже образом, фактически никак не могут обойтись без того или иного заимствования из его богатого содержания. Вряд ли можно оправдать такое кустарничество в отношении к психоанализу, который обнаруживает совершенно исключительную устойчивость, несмотря на дурное внешнее сопротивление и тем ясно доказывает свою жизнеспособность. Если проф. Бехтерев полагает, что он ушел от психоанализа, то в действительности то он ушел лишь от классической аналитической техники, давшей столько поразительных изысканий и почему то остановился на ее дилетантском упрощении. Пусть он сконструировал данный метод совершенно самостоятельно — никто на приоритет не претендует, — но от этого еще не меняется сама сущность необоснованного предпочтения abortивной методики классической. Сущность же эта говорит сама за себя...

В разбираемом труде проф. Бехтерева, в значительной степени полемическом, поскольку он направлен на опровержение концепции Фрейда, можно найти еще и другие примеры такой же ничем не оправдываемой непоследовательности. Понимая, что центр тяжести фрейдовской концепции заключается в детской сексуальности, глубокоуважаемый критик посвящает этому роковому вопросу довольно много внимания, но из его суждений как то трудно извлечь какое либо определенное заключение. На с. 664 он, например, пишет: *«На основании своих наблюдений я убедился, что эректильность половых органов проявляется очень рано и во всяком, случае в возрасте около года у мальчиков можно уже наблюдать обусловленную органическими причинами эрекцию полового органа»* (курсив автора. — И. П.). Положение как будто ясное — детская сексуальность, вопреки нравственным убеждениям, налицо, но проф. Бехтерев всячески стремится, сколько возможно умалить значение им же самим сделанного наблюдения. Если у взрослого эрекция является явно выраженным гормональным феноменом, то допустить это у детей он как будто не видит возможности, хотя сам говорит, что «в раннем детстве, без сомнения, половые железы не остаются в бездеятельном состоянии, они вырабатывают также свой секрет» (с. 665).

Он более симпатизирует представлению, что инфантильная эрекция обуславливается какими либо иными раздражениями, «например, скоплением каловых масс в кишечнике», при чем он совершенно далек от мысли, что само то это скопление является эротическим процессом и потому не может спасти гипотезу об асексуальности инфантильной эрекции; к каковой, по-видимому, он и ведет читателя. Это его стремление подтверждается и на желании подчеркнуть, что детская любовь к родителям не имеет отношения к инфантильной эротике, а как бы от нее оторвана. Тот ход

мыслей, в котором развивается подобное воззрение, очевидно, стоил проф. Бехтереву большого напряжения, но не меньшего напряжения, однако, требует он и от читателя, чтобы добиться ясности, несмотря на все искусственные проволочные заграждения. С одной стороны, читаем: «*Отделяемое половыми железами, всасываясь, поступает в кровь, вызывая в той или иной мере общее мимико-соматическое состояние, отражающееся на деятельности сердца и сосудов, хотя бы и слабо выраженным образом, и лежащее в основе детской любви к своим родителям...* мы можем говорить лишь об общем состоянии в виде *детской любви к родителям гормонального происхождения, связанным с продукцией половыми железами их внутреннего секрета* и всасыванием его в кровь» (курсив автора. — И. П.; с. 665). Что должно извлечь из подобного рода положений, которые будучи взятыми сами по себе, могли бы только сделать честь их автору? Проф. Бехтерев устанавливает, что в основе детской любви к родителям, лежит особое, как он называет, мимико-соматическое состояние, которое создается инкреторной деятельностью половых желез. Сексуальная природа детской любви как будто бы уже не внушает никаких сомнений, исходя отсюда. Но проф. Бехтерев снова торопится ослабить смысл своих же собственных положений. «Если, — говорит он, — эрекция полового органа в раннем детском возрасте не имеет отношения к секреции половых желез ребенка¹, то общее мимико-соматическое состояние не стоит еще в столь прямой связи с половым эрекционным рефлексом, как у взрослых, а представляется как бы совершенно независимым от последнего.

Это общее состояние, лежащее в основе детской привязанности, ищет своего удовлетворения в объятиях и поцелуях ухаживающих лиц, слышании их голоса и тому подобное, но повторяю, *с половым влечением, как таковым, эта детская привязанность к питающему и ухаживающему персоналу уже потому не имеет ничего общего*, что вообще не связана с половым возбуждением, характеризующимся напряжением полового органа» (курсив автора. — И. П.; с. 606). Итак, тенденция проф. Бехтерева, что называется, шита белыми нитками. Инфантильная эрекция не имеет отношения к половой секреции, а мимико-соматическое состояние, составляющее основу детской любви, не имеет отношения к эрекционному рефлексу. На этом основании — детская любовь не имеет отношения к сексуальности: вывод после всего сказанного выше достаточно неожиданный.

В чем же здесь несуразность? Детская любовь сопровождается как будто всеми атрибутами любви; ей соответствует определенное мимико-соматическое состояние, с нею совпадает появление эрекции, ее поддерживают поцелуи, объятия и т. п., и в то же время выходит так, что она все же асексуальное явление. Если даже пойти наперекор фактам и допустить, что инфантильная эрекция — агормональна, а детская любовь — независима от эрекции, то все же остается несомненным, что мимико-

---

¹ Несколькими строками выше критик еще только предполагал это, а тут уже говорит определенно.

соматическое состояние, составляющее эту любовь, само то по себе генитально-инкреторно, а следовательно, и сексуально. Пусть оно не опирается на эрекцию, — самое большое что здесь можно было бы сказать, это то, что детская любовь не тождественна с любовью взрослых, но никак не то, что она не имеет ничего общего с половым влечением. Ведь даже полное отсутствие эрекции у взрослого ничуть не устраняет полового влечения; здесь же мы имеем определенную эрекцию и еще вопрос, действительно ли она так агормональна, как это думается проф. Бехтереву. Если же она, «в противоречие ему все же гормональна и обуславливается интрагенитальной секрецией, — а против такого взгляда нет решительно никаких возражений, — то тогда ее прямая связь с инкреторной подоплекой сексуального мимико-соматического состояния вполне очевидна, хотя бы отнюдь не служила тем же функциям, что у взрослых, я просто играла роль подготовительного образования, параллельно возникающего из того же самого корня, как и сама детская любовная эмоция.

Вот какое заключение само собою напрашивается из приведенных проф. Бехтеревым данных, уже не касаясь тех соображений, которыми этот единственно правильный вывод можно было бы подкрепить со стороны психоаналитической феноменологии. Положение нашего почтенного оппонента — нет, конечно, никаких сомнения, что вся эта тяжелая работа мышления является оппозицией аналитической концепции — оказывается таким образом достаточно незавидным. Прижатый неумолимыми фактами к стене, он все же пытается им сопротивляться и навязать свою волю действительности. Создается небывалая в истории науки картина, когда горячий проповедник объективизма сам по иронии судьбы оказывается во власти эмоции. Над холодными строками цитируемого труда витают тени отдаленной нравственной борьбы с остатками детства, покрывающие все разбираемое поле деятельности автора непроницаемой пеленой субъективности. В результате, получается еще одно лишнее доказательство ограниченности, человеческого порыва к объективизму, благодаря чему значение расшифровки поведения в пределах научного творчества выдвигается на первое место, хотя бы и казалось, что тут не может быть места эмоциональности...

Углубляя это соображение, можно подтвердить указываемые особенности мышления проф. Бехтереву еще и на другом примере того же самого исследования. Упомянув об особом извращении — подглядывательной перверсии, — глубокоуважаемый профессор говорит: «Эта перверсия по нашему мнению *обязана детскому любопытству к половой сфере взрослых*, вследствие чего дети нередко ищут случая увидеть половые органы взрослых» (курсив автора. — *И. П.*; с. 699). Отчетливость, а вместе с тем и ответственность, подобного замечания о сексуальном любопытстве ребенка, как будто бы не должны были внушать никаких сомнений о своих последствиях. На деле, однако, проф. Бехтерев очень быстро разделяется со всеми вытекающими отсюда обязательствами и в результате оказывается что сексуальное любопытство висит в воздухе. На с.

709 он приводит выдержку из Фрейда по поводу того, что «мысль для предпочтения, отдаваемого при фетишизме ноге, можно заимствовать из инфантильных сексуальных теорий. Нога заменяет отсутствующий у женщины пенис, с чем трудно мирится сознание ребенка». Данную выдержку проф. Бехтерев сопровождает такой сентенцией: «Нужно ли говорить, что *эта особая глупость* (курсив автора. — *И. П.*), приписываемая ребенку, дурно мирится с действительностью, ибо в самом раннем детском возрасте ребенок о пенисе, как половом органе, не имеет и понятия, а позднее его сознание, если и может не мириться с отсутствием пениса у женщины, (если он сам не женского пола, скажем от себя [?!]), в чем вообще позволительно усомниться, то уже наверное он не заменяет ногой отсутствующий у женщины пенис». Можно было бы почтительно заметить глубокоуважаемому академику, что «глупость», приписываемая по его мнению Фрейдом ребенку, мирится с действительностью не более дурно, чем плохо замаскированное противоречие об асексуальности детской эротике; но разговор о глупости в данном случае вообще излишен. Поэтому, оставим жест проф. Бехтерева на его научной совести и обратимся к существу дела. Совершенно справедливо, что в самом раннем возрасте ребенок не имеет понятия о пенисе ибо в этот момент он не имеет и никаких других понятий вообще. Однако это не мешает ему пользоваться пенисом как средством к мастурбационному раздражению; следовательно его детское внимание очень рано и достаточно прочно привлекается к данному органу. Сексуальное любопытство еще более повышает эту сосредоточенность, которая далеко не сразу приводит к сознанию половой дифференциации, а сравнительно долго приписывает противоположному полу свое собственное половое строение. На таком именно фоне и разыгрывается та инфантильная фиксация, позднейшее регрессивное возвращение к которой становится мотивировкой фетишизма, — в частности фетишизма ноги, — ибо вытеснение этой фиксации способствует сдвигу эмоционального акцента с основного представления гениталий на заменяющее представление туфли или ноги. Кряду за выдержкой, приведенной проф. Бехтеревым, у Фрейда следует абзац, на который глубокоуважаемый критик, по-видимому, не обратил должного внимания: «В некоторых случаях фетишизма ноги удалось доказать, что направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию, стремившееся снизу приблизиться к своему объекту, задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению, и сохранило поэтому ногу или башмак, как фетиш. Женские гениталии в соответствии с детским представлением, рисовались воображению как мужские»¹.

Таким образом, ясно, что фетиш является ничем иным, как символом запрещенного влечения видеть органы девочки, фигурирующего на фоне отсутствия представления о половой дифференцировке. Только с этой точки зрения и можно говорить, что «нога заменяет отсутствующий у женщины

---

¹ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. С. 31.

пенис», так как речь идет о символической замене, потребность в которой создается благодаря этическому отклонению сексуального любопытства под давлением воспитания. Для подобной замены необходима и достаточна наличность одного лишь вытесняемого стремления к подглядыванию, поскольку замена вполне соответствует требованию в замаскированном удовлетворении преступного желания. И с момента этой символической замены вся эмоция последнего переносится на замещающий образ, так что энергия влечения целиком переходит на символику предполагаемого женского органа, по отношению к которому нога, естественно, является очень близкой ассоциативно.

Поэтому мальчик действительно-таки способен заменять ногой отсутствующий у женщины пенис, каким бы диким это не казалось проф. Бехтереву, ибо к такому символическому замещению его могут склонять непреодолимые и независимые от него условия. Воспроизведение этого механизма во взрослом состоянии дает вполне удовлетворительное объяснение фетишизму, как перверсии, в которой чаще всего фигурирует нога или туфля. Но проф. Бехтерева подобное объяснение, конечно, не удовлетворяет ни в малейшей степени, хотя он также признает за фетишем значение символа. Он предлагает свое собственное рефлексологическое объяснение, которое сейчас и остается еще разобрано. На с. 710 он пишет следующее: «Самое качество символа или фетиша не имеет существенного значения... *все дело в том, чтобы установилась связь между* этим объектом, как раздражителем, с одной стороны, и половым рефлексом и соответствующим ему мимико-соматическим состоянием, с другой, — связь благодаря которой тот или другой объект по закону сочетательных рефлексов становится способным вызывать сексуальное возбуждение. Эта связь и устанавливается путем сочетательных рефлексов, часто еще в детском возрасте...» (курсив автора. — *И. П.*). Несомненно, конечно, что по поводу такой попытки, применить теорию сочетательных рефлексов к объяснению фетишизма, решительно ничего возразить нельзя и можно лишь приветствовать ее, тем более, что она ничуть не противоречит психоаналитическому пониманию. Но вместе с тем, однако, поражает беспечность, с которой проф. Бехтерев бросает на голову сочетательных рефлексов всю ответственность не за существование только, *л* и за возникновение разбираемой перверсии. Вырастает ведь совершенно естественный вопрос, — почему образовывается связь между фетишем и основным половым рефлексогенным раздражителем? Почему раздражение от ноги или башмака начинает с известного момента давать тот же эффект, что и непосредственный половой раздражитель? Вот эти коренные вопросы непреодолимо требуют ответа, ибо отсутствие его совершенно подрывает всякую серьезность рефлексологического объяснения. Но именно ответа то такого проф. Бехтерев и не дает, так как нельзя же считать за ответ, например, подобную реплику: «...эта перверсия (фетишизм) может развиваться в позднейшем возрасте вследствие недоступности предмета любви и неудовлетворенности в половом отношении или же вследствие проявив-

шейся по той или другой причине половой слабостью, лишаящей человека возможности иметь нормальные половые отношения с предметом своей страсти» (с. 710). Легко видеть, что первый вариант этого объяснения совершенно несостоятелен, поскольку сама по себе недоступность объекта вовсе не выливается в перверсию, так как в противном случае фетишизм получил бы совершенно исключительное распространение, а в действительности то он слишком редок. Точно также и второй вариант не выдерживает критики, потому что непонятно, почему в условиях половой слабости должен непременно возникнуть фетишизм, а не — скажем — садизм или просто онанизм? Вопрос о происхождении сочетательной реакции, вопрос о возникновении связи между фетишем случая и раздражителем основного полового рефлекса, этими вариантами ничуть не затрагивается и содержание их в лучшем случае является только вторичным поводом к созданию перверсии, а никак не ее причинным условием. Сам проф. Бехтерев характеризует сущность любой вообще перверсии тем, что она является «незаменимым и господствующим способом разряда, оказывающим стойкое сопротивление всякому противодействию со стороны какой-либо другой половой реакции. И если объяснять перверсию рефлексологически, то нужна объяснить именно ее принудительный характер, объяснить ее генетическую конструкцию. А между тем эти кардинальные особенности фетишизма оставлены проф. Бехтеревым без всякого освещения, хотя он не без некоторого увлечения полагает, что рефлексология призвана здесь совершить какой-то переворот. Попытаемся же встать на рефлексологическую точку зрения и посылно восполнить допущенный проф. Бехтеревым пробел. Этим мы покажем, что аналитическое понимание фетишизма может быть без труда переведено на рефлексологический, resp. физиологический язык и тогда сам собою освещается вопрос, столь непредусмотрительно оставленный проф. Бехтеревым без ответа, а вместе с тем отпадает и его необоснованная критика.

Указанная выше фиксация детского любопытства на подглядывании женских органов является субъективно сконструированным понятием, ибо самый феномен любопытства есть ничто иное, как продукт интроспективного опыта. Но переводя эту фиксацию на язык физиологического анализа, нужно признать ее сложно-ориентировочной реакцией доминантного характера и локализацию ее отнести на корковые половые центры. Согласно же клиническому опыту вообще известно, что означенный сексуально-доминантный очаг возбуждения господствует над всем содержанием инфантильного поведения, но с известного момента встречает противодействие со стороны соответствующих внешних болевых раздражений социальной среды. Стремясь затормозить описываемую доминантную сложно-ориентировочную реакцию, эти воспитательные (этические) раздражения способствуют развитию в центрах другой

доминанты, несовместимой с первой¹. Указать субстрацию этой второй доминанты в настоящее время вряд ли возможно, но вся основная суть создающегося тут стечения обстоятельств заключается в том, что между обеими доминантами разыгрывается процесс энергетической конкуренции. Первая, сексуальная, доминанта притягивает к себе возбуждения со всех адекватных, чисто эротических раздражений, но захватывает также и энергию таких внешних раздражителей, которые связаны с основным сексуальным рефлексогенным раздражителем — половыми органами, какими либо временными или топическими отношениями сочетательного (условного) характера. Последние обязаны тому, что с рецептированием раздражений от половых органов совпадают раздражения близко с ними расположенных других объектов-раздражителей, которые сами неспособны вызвать реакцию доминанты, но через связь свою со следами раздражений от данных половых органов таковую способность приобретают. Поэтому, и реакция сексуальной доминанты также направляется не только на основной раздражитель — искомые гениталии, но и на указываемые побочные раздражители, в лице объектов по периферии основного раздражителя, вызывающих подобное же мимико-соматическое состояние. Что же касается второй из отмеченных доминант, то она, сама составляясь тормозящими внешними раздражениями, тормозит реакции, как основного, так и побочного раздражителей сексуальной доминанты и тем самым отнимает у нее энергию, постепенно приводя к затуханию. Но и превращаясь в субдоминанту, данный затухающий очаг, может все же, в силу инерции, возбуждать соответствующие реакции, при чем энергия его направляется, главным образом, по пути реакции какого либо из указанных побочных раздражителей, хотя и тесно связанного с основным раздражителем, но тем не менее вызывающего сравнительно незначительное торможение со стороны господствующей доминанты.

Однако, и эта деятельность окончательно затухает, когда в центрах по ходу подового развития возникает доминанта генитальной организации, которая привлекает на себя всю наличную энергию сексуального возбуждения. Вся задача сексуального разряда переносится на генитальные реакции и всякое постороннее эротическое раздражение лишь усиливает возбуждение генитального аппарата. Но в известных патологических условиях это господство генитальной доминанты может оказаться слишком кратковременным, если последняя встречает противодействие со стороны той же тормозной (этической) доминанты, которая, испытав некоторую эволюцию, может снова выступить на арену действия. Состояние несовместимых доминант возобновляется вновь, но уже в более решительной форме. Тормозная доминанта изолирует свою генитальную соперницу и тормозит связи между всем составом образующих ее следов и всем остальным составом следов индивидуального опыта. Генитальные реакции затормаживаются, но энергия возникающей при этом субдоминанты, хотя и

---

¹ См. по данному поводу: *Перепель И.* Психоанализ и физиологическая школа.

несколько ослабевает, все же отнюдь не исчезает бесследно. Она только лишается адекватного обнаружения и потому постепенно накапливается в функционально изолированном участке полового центра. Невозможность разряда приводит к иррадиации возбуждения в пределах того же самого центра, которая попутно захватывает и потухший латентный очаг детской фиксационной доминанты и тем самым оживляет свойственную ей деятельность.

Но эта оживленная сложно-ориентировочная (подглядывательная) деятельность также подвергается торможению со стороны тормозной господствующей доминанты, так как она обладает по отношению к ней тем же несовместимым значением, что и сама субдоминанта нормального полового разряда. Тем не менее возможность какого бы то ни было разряда создается посредством реакции побочного сочетательного раздражителя возобновленной фиксационной доминанты (туфля или нога), которая (реакция) еще в процессе инфантильной эротики вызывала сравнительно незначительное торможение. Благодаря именно этой незначительности торможения, данная реакция побочного раздражителя оказывается в описываемых условиях в состоянии привлечь на себя всю энергию заторможенной генитальной доминанты и тем самым приобрести содержание, уже несколько отличное от детского возраста. Все возбуждение генитальной организации концентрируется на самом указываемом побочном раздражителе инфантильной фиксационной доминанты, в силу полнейшего исключения возможности какого либо иного разряда. Но создающаяся тем самым общность между генитальной субдоминантой и реакцией данного побочного раздражителя, не подвергается дифференцировке, так как субдоминанта остается все время динамически выключенной и изолированной от всего наличного состава следов индивидуального опыта и потому оказывается недоступной дифференцировке также в лице своих последствий. Это еще усугубляет, отмеченную, выше и без того незначительную доступность реакции побочного раздражителя торможению, так как делает ее безотчетной, и в конце концов разряд ее становится совершенно неуязвимым по отношению ко всем внешним и внутренним тормозящим воздействиям. Таким именно образом и создается патологическая сексуальная реакция, исключительно высокого напряжения и недоступная никакому вмешательству. Погребенный инфантильный механизм сочетательно-рефлекторного характера оживает под давлением обстоятельств вновь и, получая соответствующее усложнение, принимает на себя функции господствующего сексуального разряда, тем самым начиная функционировать, как перверсия.

Вот какое схематическое рефлексологическое, вернее — физиологическое, объяснение можно было бы дать перверсии фетишизма. Нельзя, конечно, питать никаких иллюзий, насколько подобное объяснение грубо и несовершенно; но нет сомнений и в том отношении, что оно явно превосходит простое указание на значение сочетательного рефлекса в образовании перверсии, хотя в тоже время и ничуть не выходит за рамки

возможного в настоящий момент физиологического толкования. Проф. Бехтерев, по-видимому, слишком легко отнесся к затронутой проблеме и оставил самые кардинальные вопросы без должного освещения. Очень возможно, что более глубокий анализ привел бы его к несколько иным заключениям и поводы бы к его критике отпали.

IV

Рассмотрев, таким образом, критические суждения проф. Бехтерева относительно отдельных и частных вопросов психоанализа, остается еще показать те специальные корни, из которых вырастает бросающаяся в глаза пренебрежительность его к психоанализу вообще. Как рефлексолог, он заявил себя решительным скептиком по отношению ко всяким субъективным методам исследования, приписывающим по его мнению субъекту собственные суждения исследователя. Увлечение его в этом отношении уже неоднократно было предметом суждения оппозиции, и вот, — нужно думать, что скептицизм его к психоанализу навеян именно такого рода соображениями. Он избрал психоанализ, как крайнюю степень субъективизма и стремится показать на нем к каким поразительным искажениям действительности субъективный метод может привести. Он перегнул палку, конечно, и можно без особого труда лишний раз подтвердить, до какой степени субъективен его мнимый объективизм. Уважаемый профессор оказывается неправым не только по отношению к психоанализу, но и по отношению к интроспективному методу вообще. Для такого доказательства придется перейти от обороны к нападению и проникнув в самый лагерь противника, разбить его, его же собственным оружием.

Перед нами 3-е издание «Основ рефлексологии». Какова же основная методологическая точка зрения этой новой дисциплины, столь рьяно культивируемой автором? Рефлексология, отвечает автор, «представляет собой особый цикл знаний, к которому человеческое мышление еще не привыкло и который состоит в том, чтобы не только более элементарные, но и все высшие отправления человеческого существа, которые на обыденном языке обозначаются проявлениями чувства, ума и воли или, выражаясь общее, проявлениями так называемой психической деятельности, иначе «духовной сферы», рассматривать с строго объективной точки зрения, *ограничиваясь, таким образом, только внешними особенностями действий* человека, его мимики и жестов, голоса и речи, как связанной совокупности знаков, *в соотношении с теми внешними* физическими, биологическими и в особенности *социальными*, а также внутренними *воздействиями* в настоящем и прошлом, которые их обуславливают» (курсив автора. — *И. П.*; с. 11). Дальше: «...мы можем и должны изучать разнообразную деятельность человека, то есть его действия, речь, мимику, жесты и так называемые инстинктивные, точнее, наследственно-органические проявления с строго

объективной точки зрения и в связи с внешними и внутренними воздействиями, *не обращаясь к субъективному анализу и к аналогии с самим собой*» (курсив автора. — И. П.; с. 13). Как можно видеть отсюда, основным методологическим подходом новой рефлексологической дисциплины к объекту наблюдения является попытка изучать внешние реакции человека на внешние же физические, биологические и социальные раздражения, не прибегая к суждению по аналогии с собственным поведением.

Устанавливая это, предстоит разобрать, не предъявляет ли подобная постановка исследования таких требований к исследователю, которые, собственно, совершенно исключают возможность какого либо серьезного изучения человеческой деятельности? Самое легчайшее прикосновение критики к подобной методологии сразу же покажет нам, что вопрос этот поставлен не без достаточного основания. При том хаосе раздражения, который характеризуется человеческое поведение, установление связи между раздражителем и реакцией возможно только тогда, когда исследователю доступна оценка, как раздражителя, так и самой реакции. Всякая связь между ними создается не только совпадением во времени, которое может и не иметь места, но и зависимостью того или иного рода между их содержаниями. Поэтому, для обнаружения связи или подобной зависимости, необходимо владеть содержанием и раздражителя и реакции одновременно. По раньше всего это необходимо по отношению к раздражителю, в оценке которого заключается ключ к пониманию всего наблюдаемого рефлекса. И такая оценка всегда доступна рефлексологу, если раздражитель физического или биологического характера. Однако легко представить себе его положение, когда раздражитель социальной природы¹. Что должен делать он в таком случае? Судить по аналогии с собственным социальным опытом он не может, ему запрещено, а как либо иначе овладеть специфическим социальным содержанием раздражителя — невозможно. Но тогда невозможно и установление связи между раздражителем и реакцией, — о необходимости понимать социальное значение самой реакции мы уже не говорим, — а следовательно, невозможно и изучение всего рефлекса в целом. Какая же цена такой методологии? Человеческое поведение сплошь социально, а рефлексология претендует на изучение социального взаимодействия именно в его типическом виде, но где же возможности, где основания к подобным претензиям?

---

¹ Под социальным раздражителем здесь понимается всякий раздражитель, главным образом, символического значения, направленный на взаимодействие с другими индивидами и содержащий в себе условное обозначение какой-либо производственной деятельности или даже составляющий саму эту деятельность и ее атрибутами. Специфическим свойством социального взаимодействия, вырастающего из взаимодействия биологического, является символичность, недоступная расшифровке вне понимания внутренней связи между символом — словом и самим символизируемым действием или предметом. Суждение по аналогии — единственный ключ к пониманию этой связи, так как именно оно является, генетической основой символического обозначения в процессе примитивного производства. Помимо него невозможно переживание символических раздражений других индивидов подобно своим собственным переживаниям, а следовательно невозможно и создание контакта с окружающими, который достигим лишь взаимным пониманием скрытого смысла обозначений.

Сама постановка наблюдения исключает тут всякую возможность реального подхода даже к примитивному социальному явлению, не говоря уже о каких-либо сложных процессах. Если до сих пор этот принципиально обусловленный дефект не бросался резко в глаза, то только потому, что вся деятельность рефлексологов ограничивалась только словами, только прокламацией «новой объективной дисциплины». Фактически же, на деле, рефлексология совершенно не может похвастаться какими-либо практическими достижениями, по крайней мере до сих пор еще таковыми не похвасталась. Если возьмем, например, так называемую, генетическую рефлексологию, то увидим, что там все дело очень прочно ограничивается только биофизическими раздражениями. Легко рефлексологически изучить «доминанту положения» — феномен — исключительно биофизического характера, не требующий для оценки рефлекса суждения по аналогии. Но как дело пойдет дальше, когда на сцену выступят социальные раздражения воспитания? Если бы не отказываться здесь от суждения по аналогии, то вся задача рефлексологического исследования свелась бы к обнаружению дуги рефлекса в каждом младенческом акте социального взаимодействия. При отказе же от этой единственной возможности положение становится совершенно безнадежным, так как для того, чтобы искать эту дугу нужно сначала понять самое специфическое содержание социального рефлекса.

Возьмем, например, в пояснение случай, рассматриваемый психоанализом, как первое специфическое воздействие на ребенка социальной среды. Этот случай сводится к приучению детей к чистоплотности, поскольку последняя действительно представляет собою типическое социальное явление, несмотря на всю свою элементарность. Что же здесь происходит? Последовательно развертывающаяся картина составляет тем, что мать, сначала относящаяся безразлично к загрязнению белья, с известного момента начинает протестовать и своим агрессивным поведением, своими принудительными воспитательными мерами и уговорами постепенно заставляет ребенка опорожнять кишечник в определенное время и по внешнему приглашению или, в крайнем случае, заявлять об этом соответствующими просьбами. Ребенок сначала плачет, сопротивляется и продолжает прежнюю тактику, но затеи привыкает, подчиняется и уже не нарушает требуемых условий. Малейший намек в тоне голоса или жестикуляции моментально приводит его к повиновению даже в тех случаях, когда он забывает приобретенные навыки и неожиданно отдается старым наклонностям.

Эта простая, наиболее элементарная картина социального воздействия, которую только можно представить себе в процессе воспитания, создает для рефлексологического объяснения непреодолимые препятствия.

Перед нами длинная цепь актов двухстороннего взаимодействия. С одной стороны, поведение матери, с другой — поведение ребенка. Генетическая рефлексология изучает, именно, поведение ребенка, но можно ли охватить его не понимая поведения матери, если оно является раздражителем по отношению к ребенку? Нельзя, конечно. Но можно ли

понять это поведение матери рефлексологически, то есть не пользуясь суждением по аналогии? Нет, тоже нельзя, так как поведение это социально и требует для своего понимания личного социального опыта исследователя. Но разберемся детально. Мы наблюдаем поведение ребенка в пределах акта дефекации и с известного момента рецептируем раздражение в лице агрессивного болевого воздействия матери вместе со следующей за ней защитной реакцией ребенка в форме плача. По отношению к ребенку цепь событий разворачивается таким образом: дефекация, агрессивный раздражитель матери, защитная реакция. Как установить связь между этими отдельными звеньями? Можно без особого труда представить себе рефлекторную дугу из акта дефекации, разрушительного рефлекса и защитной реакции, но будет ли она полной? Нет, ни в каком случае, так как она касается только ребенка и не затрагивает матери, а потому не может быть полной и по отношению к самому ребенку; если выпадает оценка раздражителя — в данном случае, поведение матери — то становится невозможной и оценка реакции, то есть поведения ребенка. Поведение же матери не охватывается наблюдением самого акта воздействия на ребенка вслед за дефекацией, поскольку это наблюдение не устанавливает связи между возбудителем ее агрессивной реакции — дефекацией, и самой этой реакцией, которая действительно-объективному исследованию неизбежно должна казаться непоследовательной. Установка матери остается неизвестной и ввиду этого совершенно не понятно, почему она вдруг начинает реагировать таким агрессивным образом, хотя до того относилась к дефекации абсолютно безразлично. И эта установка, эта связь между возбудителем агрессивной реакции и самой реакцией остаются недоступными рефлексологическому, а также и физиологическому, анализу до тех пор, пока не внесена струя символического целевого значения наблюдаемого процесса, превращающего его из простого биологического явления в сложное социальное. Лишь вслед за это струей становится возможной конструкция полной рефлекторной схемы разбираемого двухстороннего акта взаимодействия. Вне же ее данная схема всегда обречена быть только жалкой копией действительности, резко упрощающей ее специфическую природу.

Ведь возбудителем поведения матери является не самый акт дефекации, а те условия, в которых он протекает. Оценить же условия рефлексологически нельзя не только в каком либо одном наблюдении, но и в целом ряде подобных наблюдений, так как между вариацией условий и вариацией воздействия невозможно установить объективной связи. Согласно упомянутому выше, — цепь событий нарастает и ребенок вскоре перестает плакать, а воздействие матери перестает быть болевым, астеническим и остается только символическим, изредка снова подкрепляясь безусловным разрушительным раздражителем. Внутренняя сущность данного воздействия сводится к тому, чтобы установить в центрах ребенка связь между различными внешними условиями и актом дефекации, и тем создать возможность, как торможения возбудителей данного акта, так и

растормаживания его тормозов. Но игра, этого механизма лишена смысла вне своего социального значения чистоплотности, хотя отдельные ее моменты и могут быть более или менее бессвязно зарегистрированы рефлексологией; вся же она может быть понята и установлена только после констатирования данного значения чистоплотности, которое одно лишь обнаруживает целевую установку воздействия матери и. последовательно разворачивающейся картины всего описываемого процесса воспитания.

Поэтому без суждения по аналогии потайная пружина разбираемого явления — идея чистоплотности — остается пустым местом наблюдения, находясь вне его пределов, ибо непосредственно содержание ее не может быть постигнуто рефлексологически. Это содержание является продуктом сложного филогенетического процесса, основанного на символическом социальном взаимодействии отдельных индивидов друг с другом. В силу этого, оно может быть доступно изучению только для такого мыслительного аппарата, который сам прошел через результаты подобной исторической обработки и неизбежно привносит их в сферу наблюдения. Поэтому-то оно и поддается физиологическому анализу не иначе, как после предварительного интроспективного понимания и, следовательно, все иллюзии как либо обойти данное обстоятельство заслуживают лишь сожаления. Но если это ясно для такого элементарного явления, как означенное приучение к чистоплотности, то что ж тогда говорить о сложных процессах социального взаимодействия, на изучение которых рефлексология претендует?

Не помешает, однако, присовокупить, что вся безнадежность устанавливающегося отсюда положения такова, что она невольно внушает мысль о голословности этого принципиального отрицания способа суждения по аналогии и о его фактическом использовании. Все то ценное, что из рефлексологии пока можно извлечь, способно как будто такую мысль подтвердить. Можно найти ряд примеров, где запретный прием все же проскакивает через суровый барьер предвзятого мышления и наперекор всему пробивает себе дорогу. Возьмем, например, такую выдержку из «Коллективной рефлексологии», где автор цитирует П. Сорокина: «Почтальон приносит индивиду А две телеграммы; А раскрывает первую и читает: «выезжаю сегодня, встречай. В.» А улыбается вскакивает, зовет прислугу и приказывает к пяти часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: «Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции Х». А умирает от разрыва сердца. Здесь перед нами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид А. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором — смерть...

Спрашивается, могут ли быть вполне понятными для нас *эти* и два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения? Достаточно ли ясными и объективными будут эти факты, если мы заранее исключим из нашего поля зрения всякое изречение субъективных переживаний, вроде «любви, привязанности, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя и чувства одиночества» и т.д. Ответ, думается, ясен сам

собой» («Система социологии», с. 71). Эту цитату проф. Бехтерев сопровождает таким заключением: «Однако нельзя забывать, что слова телеграммы важны не сами по себе, как зрительные знаки или звуки. Они состоят из символов, которые при небольшом различии относятся к совершенно противоположным фактам. А это уже одно объясняет нам противоположный эффект в одном и в другом случае. Нельзя затем забывать, что эффект зависит, как я постоянно указываю в своих «Основаниях рефлексологии», не от самого только раздражения, как повода к действию, а еще от ряда предшествующих или прошлых воздействий, стоящих в связи с данным раздражителем и реакцией на него. А приняв это во внимание, приходится последний эффект оценивать не только, как результат символических знаков телеграммы, говорящей о несчастий с женой, но еще и о прекращении, вследствие ее смерти *всей цепи условий, совместной жизни создавшей определенный жизненный уклад, с которым человек сжился, о потере навсегда, близкого человека, с которым делил свои благоприятные и неблагоприятные жизненные условия, которому он так много обязан в своей жизни, к которому привязан* и т.д.» (курсив автора. — «Коллективная рефлексология», с. 31). По поводу этой любопытной реплики очень бы хотелось спросить глубокоуважаемого автора, откуда, собственно ему известно, что за знаками телеграммы скрывается подоплека из привязанности и обязательства индивида А по отношению к жене? Что заставляет его приписать тягостную развязку именно такой подоплеке, а ни чему бы то ни было иному? Те раздражения, которые в свое время составляли всю совокупность взаимоотношений между супругами, недоступны его непосредственному наблюдению, ибо являются достоянием прошлого. Он только допускает эти отношения, допускает со всеми проистекающими из них последствиями, и должен допустить их, ибо такое естественное предположение, принудительно навязывается, его собственным жизненным опытом. Нельзя же думать, что А представляет собой какое либо исключение из всего остального человечества. Но обо всем человечестве проф. Бехтерев судит на основании аналогии с собственными переживаниями, так как не может же он непосредственно проникнуть в душу к каждому. Следовательно и по отношению к А он пользуется ничем иным, как тем же гонимым им посредственным самонаблюдением и таким именно путем объясняет его поведение.

Разбитое корыто, к которому тут проф. Бехтерев совершенно неожиданно приходит, обуславливается, конечно, фатальным, роковым образом. Допустим даже, что он непосредственно наблюдает те отношения А с женой, которые дали ему право говорить о привязанности, обязательствах и т.п. Что нашел бы он в таком случае, если бы исключил данные социального опыта и остался при одних своих рефлексологических познаниях? Что вообще может понять физик в работу телеграфа, если он не знает телеграфной азбуки? Безднажность подобного положения очевидна; положение же проф. Бехтерева еще сложнее, так как он непосредственных отношений между супругами А не наблюдает, а только допускает их, и уже

на этом основании строит свои выводы. И какой наивностью, поэтому, звучит его дальнейшая фраза о том, что «с точки зрения объективного анализа эффект смерти от разрыва сердца при телеграфном известии о смерти жены становится совершенно ясным и понятным» (с. 52). В чем же здесь объективный анализ — можем мы спросить не без удивления? В какой мере это выполняет требования к строго объективной точке зрения, предъявленные проф. Сорокиным? Ведь данные требования совершенно исключают возможность объяснения, предлагаемого проф. Бехтеревым, так как они исключают такие субъективные понятия как привязанность, потеря и т.п. Проф. Бехтерев только тогда удовлетворил бы требованиям этого, им же самим прокламируемого объективизма, если бы абсолютно не обращался к суждению по аналогии, а то чем же, в сущности, отличается его объяснение от объяснения П. Сорокина? Оба они в равной степени субъективны.

Пусть бы проф. Бехтерев попробовал объяснить взятый пример без обращения к аналогии. Вот тогда это было бы действительно рефлексологическое объяснение. Если же это оказывается для него невозможным, то тогда невольно навязывается вопрос: а можно ли вообще, подобный факт объяснить рефлексологически? Ответ тут не подлежит никакому сомнению, так как он ясен до того, что даже устраняет необходимость вопроса. При том методологическом подходе, который проф. Бехтерев кладет в основу своей новой дисциплины, никакое рефлексологическое объяснение фактов, подобных приведенному, невозможно. Если она до сих пор могла в отношении подобных фактов что либо дать, то только исключительно потому, что пользовалась суждением по аналогии «под сурдинку». Что, например, такое рефлексологический «словесный отчет»? Что он представляет собою, как не разновидность способа суждения по аналогии, с которым рефлексологи воюют, не щадя живота, как с ветряными мельницами? Ведь, чтобы понимать постороннего субъекта и говорить с ним, надо раньше допустить, что тот переживает смысл слов также, как и ты сам, следовательно допустить известное проникновение в его мышление. Пользоваться «словесным отчетом» в дополнение к данным объективного исследования, если он производится на незнакомом языке, невозможно. Но какая же тогда цена рефлексологической методологии, если она принципиально отрицает всякое «вчувствование», а словесный отчет превозносит как нечто объективное?

Предоставим заключение читателю, но упомянем, что методика словесного отчета не выдерживает критики еще и по другим соображениям, уже чисто психологического порядка. Отрицая посредственное самонаблюдение, рефлексология допускает непосредственную интроспекцию, принимая, что самого себя изучать можно, и что опрос субъекта может дополнить данные объективного изучения. Такой методологический прием противоречит психоаналитическим наблюдениям, которые, как раз наоборот, говорят, что нельзя принимать на веру слов субъекта, Самого себя точно изучать невозможно, ввиду наличности бессознательных процессов, недоступных самонаблюдению. Сама рефлексология подтверждает этот

вывод из аналитического опыта, ибо не отрицает существования бессознательных процессов, трактуя их как безотчетные. Следовательно, она сама вырывает у себя почву под ногами, экспансивно отвергая посредственное самонаблюдение и без достаточного основания доверяя непосредственному.

Можно закончить эту главу указанием на неправильность самой исходной точки рефлексологической методологии. Дело вовсе не в том, чтобы устранять субъективный метод, а в том, чтобы корректировать его методом физиологическим. Изучение человеческого поведения, помимо суждения по аналогии, невозможно, несмотря на всю его неточность. Разговоры об «объективной» психологии решительно ничего не стоят, если только дело идет о методе, а не о достоверности исследования. Психология всегда субъективна и может быть объективной только по отношению к достоверности, но не по отношению к методологии, которая всегда интроспективна.

Но такое положение отнюдь не исключает возможности действительно объективного изучения поведения, однако уже только не с психологической, а с физиологической точки зрения. Все человеческие реакции, независимо от сложности, поддаются рефлекторной трактовке со стороны своего физиологического содержания. Последнее заложено в них одновременно с содержанием психологическим, варьируя лишь в зависимости от подхода к объекту исследования и обнаружение его схематически сводится к выделению рефлекторной дуги каждой отдельной реакции из всей массы органической деятельности поведения. Но осложнение заключается в том, что подобное выделение в большинстве случаев оказывается невозможным без предварительного ознакомления с психологическим содержанием реакции, которое намечает вехи для физиологического исследования. Нужно сначала понять каждую данную реакцию со стороны ее значения в пределах социального опыта, а потом уже искать ее анатомо-физиологическое обоснование. Феномен сочетательного (resp. ассоциативного — Сеченов) рефлекса никогда не был бы открыт, если бы до него не существовало понятий ассоциации и запоминания. Это именно и делает метод суждения по аналогии неуязвимым для физиологии и последняя в лице школы академика И. П. Павлова, не отвергает субъективной методологии, хотя и признает ее несовершенной, а иногда даже и бесполезной. Контакт тут вполне возможен и, главное, около той оси, которая наиболее примитивна и естественна и навязывается самим положением вещей.

Рефлексология занимает какую то неопределенную среднюю позицию между психологией и физиологией и с, одной стороны, стремится создать стену между ними, с другой же стороны, идет на какой-то невыгодный и невозможный компромисс. Кому и на что нужна такая странная и шаткая позиция, кому и на что нужен такой вымученный методологический подход? Все, что в рефлексологии есть ценного — а этого ценного никто не отрицает, — принадлежит или физиологии или психологии; взятая же вне своего методологического обоснования, она в лучшем случае составляет часть

физиологии, но никак не может претендовать на что то обособленное и самостоятельное.

Естественно поэтому, что психоанализ, всецело укладываясь в рамки физиологической школы и допуская тесное сотрудничество, не может ничего общего иметь с «рефлексологией». И он-таки действительно ничего общего с ней и не имеет...

* *
*

В заключение коснемся еще тех общих причин, которые вообще лежат в основе отрицательного отношения к психоанализу.

В числе этих причин на первое место нужно поставить крайнюю трудность и сложность психоанализа, которые требуют специального его практического изучения, с затратой большого количества времени и энергии. Благодаря этому непреодолимому условию и создается то обычное незнакомство с психоанализом, которое можно встретить на каждом шагу. Затем, громадную роль играет то, что все начинающие невольно и безотчетно хотят подойти к психоанализу с личной точки зрения, пытаются прежде всего к себе приложить и на себе проверить его общие положения. Между тем, совершенно несомненно, что ценность психоанализа можно установить исключительно только путем объективного изучения посторонних субъектов, свободного от личной эмоциональности и заинтересованности. Немаловажную роль, также, играет и тот факт, что о психоанализе довольно охотно судят по деятельности какого либо неопытного психоаналитика, тогда как Фрейд, очевидно, сталкиваясь с подобными случаями, совершенно обоснованно предупреждает о недопустимости подобного суждения, поскольку пагубные его результаты очевидны. Но, однако, наиболее богатым источником неправильных суждений является непосредственное наблюдение самого аналитического лечения. При этом, опорным пунктом для зрителя являются последствия сопротивления больного анализу, а также и проявления отрицательного, враждебного перенесения его на врача. Данные особенности создают между врачом и больным временную атмосферу недоброжелательства. ничуть, конечно, не вызванную самим врачом, но неминуемо приписываемую ему со стороны непосвященного зрителя. К этому присоединяются еще и последствия оживления и воспроизведения патогенного конфликта, как равно и всей детской ситуации вообще. Обостряя состояние и выводя субъекта из равновесия¹, они способны произвести на всякого поверхностного наблюдателя самое неблагоприятное впечатление, особенно еще при вынужденной поспешности или незаконченности лечения. В подобных случаях совершенно забывается, что боль при обыкновенной хирургической операции ни в ком не вызывает удивления, боль же при операции душевной, каковой в сущности и является

---

¹ Ср. с лечением хронических катаров искусственным их обострением.

психоанализ, почему-то не кажется естественной. Точно также, все случаи отказа больного от психоанализа, которые иногда имеют место в самом начале лечения, всегда представляются профану следствием недоброкачества лечения, хотя отказ от опасной операции ведем кажется само собою понятным и никогда не вызывает упрека хирургии. Возможность же убедиться в том, что психоанализ действительно переживается субъектом, как опасная операция может быть представлена каждому скептику безнаказанно.

Все перечисленные условия и составляют тот фон, на котором возникает отрицательная предубежденная критика психоанализа. Игнорировать подобную критику нет возможности, хотя этим, с одной стороны, и подвергаешь себя несправедливым обвинениям в неуважении к столпам научного мышления, с другой же стороны, — полемика, вообще говоря, менее способствует прогрессу, чем бесстрастное обсуждение вопроса. Но раз борьба возникла, то нужно бороться, ибо ничто уже не в силах остановить ее исторически развертывающегося хода. Поэтому, подняв брошенную перчатку волей-неволей, пойдем до конца, и дадим заключительную характеристику общего духа критики психоанализа, на долю чего возложим задачу лишней раз подчеркнуть ее уже неоднократно отмеченную неправомочность.

За последнее время характер критики психоанализа в общем значительно изменился. Одни из авторов ограничиваются простым отмалчиванием, предпочитая не оглашать своего представления о психоанализе. Другие, превознося только известные стороны психоанализа, совершенно отвергают остальные. Прямых же, открытых противников становится все меньше и меньше. Но всех их связывает та общая черта, что они слишком туманно, слишком превратно представляют себе то, что они критикуют. Недостаточная ориентировка. сквозит из каждого их слова и сквозит только потому, что они не прорабатывают психоаналитического метода на практике. С серьезными учеными творится в этом отношении нечто, совершенно не укладывающееся в рамки обычных элементарных требований, предъявляемых ко всякому научному мышлению. Ведь от всякого автора и, тем более от критика, всегда требуют практического знакомства с объектом суждения, особенно, когда последний имеет клиническое значение. Для критиков же психоанализа, — а психоанализ является ничем иным, как методом лечения, — это примитивное требование почему то не существует. Мало того — критики даже протестуют, когда оно предъявляется к ним со стороны психоаналитиков. А между тем, останутся ли хотя какие бы то ни было сомнения в справедливости подобного требования, если взять какой либо посторонний пример? Если бы кому либо, скажем, пришло в голову критиковать метод Россолимо, не дав себе труда провести его на опыте, а ограничиваясь одним лишь чтением литературы о нем, то какую реакцию вызвала бы в ученном мире такая тактика? Спасли бы этого критика уверения в том, что у него сорокалетний клинический опыт, что он прекрасно знает методы Бине-Циена, де Санктиса и т.д., или подобная

защита вызвала бы только улыбку? Предъявляемые здесь требования ясны для кого бы то ни было, но они почему то отпадают для критиков психоанализа. Обычно имеется ввиду достаточность для критики одного только знакомства с материалом психиатрической клиники; однако, методика психиатрии совершенно неравноценна методике психоанализа, а критика одного метода приемами и данными другого вообще не допустима. Нет речи, конечно, о том, что в критике любого метода вполне законно пользоваться данными другого, кажущегося наиболее достоверным; но самый факт, как и самый процесс критики правомочен только в пределах специального опыта, а никак не в условиях одного лишь теоретического представления о методе и его данных. Иначе нет выхода из положения и научный прогресс страдает непоправимым образом. К сожалению, там где в «холодную» науку вкрадывается эмоция, там давление ее оказывается наиболее неотразимым, чем где бы то ни было, так как самый факт ее существования подвергается неизбежному, сомнению. Иллюзия объективности разит даже исключительно мощные умы и беспощадно опрокидывает все оборонительные средства человеческой логики. Критиковать психоанализ считают себя призванными все и это даже ни в ком не вызывает удивления, хотя хорошо известно, что действительно знакомых с ним, как с методом, в миллионы раз меньше, чем подобных критиков. Что теряется от этого, сможет выясниться лишь в будущем и, по-видимому, современное поколение предстанет там в не совсем выгодном освещении. Но все же нужно терпимо отнестись к данному явлению, ибо оно имеет совершенно закономерный исторический характер. Величайшая трагедия человечества всегда состояла, состоит и будет состоять в том, что оно никак не может оценить того, чего не может понять, и никак не может понять того, чего не может оценить. Поэтому то и нужно признать давление исторического процесса, как неизбежность. Пред нами пример всех новых революционных учений: Маркса, Дарвина и Сеченова, которым пришлось выдержать при своем появлении такую же колоссальную борьбу. Теперь же они господствуют над миром и психоанализу остается лишь спокойно ждать исторической развязки.

Нельзя только не высказать своей горечи по поводу того, насколько часто люди обнаруживают ничем не оправдываемую беспечность там, где положение призывает к величайшей серьезности. Человечеству понадобилось, например, ровно пятьдесят лет на то, чтобы признать эволюционную идею Ламарка. Везде и всегда гениальная личность опережает свое поколение и жалкие современники плетутся в хвосте, падая под бременем непосильной для них мысли.

Сколько же человечеству понадобится на то, чтобы понять и оценить гениальное творчество Фрейда и подняться на самый гребень вспененной им волны, не рискуя захлебнуться?!

*Перепель И. А. Фрейдизм и его
академическая оппозиция.*

*К критике психоанализа в медицине,
педагогике и рефлексологии.
Л., 1926. — 44 с.*

Психоанализ личности и творчества Шевченко

А. М. Халецкий

Попытка психоаналитического исследования творчества и личности Ш. уже сделана в книге Степана Балея «З психології творчости Шевченка» (Львів 1916). Настоящая статья ставит себе целью в кратких чертах коснуться тех сторон в жизни и творчестве Ш., которые могут приобрести с помощью психоаналитической разработки некоторое дополнительное и немаловажное освещение. Психоаналитическое исследование творчества является одним из методов, но не единственным. Отстраняя в настоящей статье все другие, кроме психоаналитического, методы, мы этим все же не хотим сказать, что предпринятое нами исследование может дать исчерпывающие данные для понимания творческого процесса у величайшего мастера украинского слова.

I

Шевченко прежде всего приложил свои силы в живописи. Уже в детстве у него зародилась страсть к рисованию. Страсть эта была непреодолима и быть может ей в первую очередь Ш. обязан своим освобождением от крепостного рабства. Как будто все открывало Ш. дорогу именно в эту сторону. Живопись дала ему свободу и ввела его в круг выдающихся современников. Свое знакомство с Брюлловым он считал для себя незаслуженным, чрезмерным счастьем. Метаморфоза, происшедшая с ним в короткий срок, могла и впрямь казаться ему сказочной. Вся сложившаяся обстановка толкала его к живописи, Ш. сознавал это и несмотря на это все больше уходил в область поэзии, готовя для себя на этом пути множество лишений. «Странное и неугомонное призвание», — так сказал о своей страсти к поэзии Ш.

В чем разгадка этой непреклонности, которую Ш. воспринимал в самом себе, как некоего диктатора, как волю над своей волей.

Психоанализ устанавливает, что источником художественного творчества является так называемая интроверсия. Либи́до, об огромном значении которого свидетельствует психоаналитический опыт, должно быть насыщено через связь его с объектами внешнего мира, Интроверсия, у художника представляет собою в основном тот же процесс и означает отколотость его либи́до от любовных объектов. Интроверсия следовательно, должна вести к конденсации нерастраченных либи́динозных привязанностей и неизбежно создавать вполне закономерный отток этого либи́до на какие-нибудь новые позиции. Такого рода компенсацией для художника является его творчество, в котором он достигает (в той или иной форме) насыщения своих влечений.

Жизнь и творчество Ш. дают нам в этом отношении весьма убедительный материал. О детстве Ш. мы знаем очень мало, о раннем его детстве почти ничего. До девятилетнего возраста рос Ш. в бедной большой семье,

был по указаниям биографов впечатлительным и любознательным мальчиком. На 9-м году жизни он лишился любимой сестры Катерины и своей матери. Мать умерла молодой на 32 году жизни, а сестра вышла замуж, переехав на новое место. Произошло это в короткий срок. И мальчик, привыкший получать ласку и любить, сразу оказался одиноким. Любовь к матери и сестре отныне могла быть проявлена только в воспоминаниях и в мечтах. Возможно, что Тарас фантазировал, возможно, плакал. Но так или иначе его чувства привязанности и любви дальше его тоскующего и обиженного сердечка не могли уйти: объекты любви были уже больше недостижимы, с этого времени и наступила интроверсия либидо. Мать и сестра были уже не во вне, а в нем самом, в его воспоминаниях, в его стремлении любить их и найти снова. С этого периода мы знаем о Ш., что он стал «замкнутым в самом себе».

На место сестры и матери в дом явилась мачеха, да еще с тремя своими детьми. Мачеха была женщина черствая, злая. Новые условия жизни еще больше углубляли интроверсию. Но и дальше не лучше Унизительная служба у дьячка и абсолютное одиночество, отсутствие единого луча ласки. В этих условиях единственным утешением могли служить воспоминания и фантазии. От жизни нужно было бежать внутрь себя.

Влияние интроверсии на творчество и жизнь Ш. настолько очевидно, что в сущности на него указывали, конечно, не с психоаналитической точки зрения, многие исследователи, например, Чалый, А Ричицкий.

Тяжелые условия жизни заставляли Ш. еще больше сживатьсь в самом себе, углубляли интроверсию, они постоянно падали на готовую почву и возвращали вспять ту часть либидо, которая уже прокладывала себе пути от «я» к внешнему миру.

Единственным утешителем было творчество. Там Ш. искал себе награды и возмещения взамен суровой действительности своей личной судьбы.

II

Ш., как спасения своего, искал всю жизнь любви. Вернее, он всю жизнь пламенно и беззаветно любил какой то образ, взлелеянный в тайниках своей души и хотел воплотить его в жизнь, то есть хотел фиксировать на какой-нибудь женщине этот властный и созревший сверх меры комплекс. Чувство любви было наготове, им пылало сердце Ш. и только нужно было каким то образом слить воедино этот интровертированный комплекс любви с реальным объектом.

Таким образом, мы вплотную подходим к вопросу о том, каково содержание тех комплексов, которые организовали постоянное стремление Ш. к идеализированному образу женщины. И первое, о чем мы должны подумать, это материнский образ, который так любовно изображал Ш.

Создается такое впечатление, будто для Ш. наилучшей наградой за горести, испытанные в жизни могло бы служить воссоздание материнской ласки. Детство, ребенок и мать — это то, от чего не может уйти Ш. Здесь заложен узел его интроверсии. так как слияние в любви с женщиной, способной заменить мать, не произошло. Фантазия заместила собой действительность, прошлое стало ценнее настоящего, либидо зафиксировалось на переживаниях детства. Мать в чувствах Ш. принимает божественные черты и мать родная, мать вообще сливаются с богородицей.

Мать в представлении Ш. настолько чистый и непорочный образ, что, присоединив к нему черты «покритки»¹, он не только не снизил его, а сумел поднять этот образ на недостижимую высоту, очистить его от всякой порочности и вынести незапятнанным ее образ, лишениями освятив ее путь. Как будто умышленно Ш. рисует судьбу матери так, что вначале она в девической непорочности своей отдала свою любовь москалю», а затем осталась одна одишенька, брошенная на открытой дороге жизни своим возлюбленным. Но одна ли? Нет вместе с нею всегда ребенок. И вот они оба — мать и ребенок — одинокие, никому не нужные, выброшенные людьми за борт жизни, все же вместе, друг для друга. А москаля больше нет, он никогда не возвращается.

Ш. всю жизнь стремился к матери и, конечно, такую любовь он ни с кем бы не хотел делить. И разве не видим мы во всех деталях судьбы «матери-покритки» реализацию глубочайших стремлений поэта. Ш. нужна мать единственно его любящая, в бессознательной фиксации своей он решительно против разделения любви. Мать имела любовника, но он оказался негодным, зверем в образе человека. Он исчез в тот момент, когда в чреве матери началось зарождение новой жизни. Отныне любовь матери направлена только на ребенка Несомненно в этой удобной форме Ш. получил возможность отреагировать враждебные, ревнивые чувства ко всякому сопернику своему в любви. Ребенок, рожденный, «матерью-покриткой» во всех наиболее ярких поэмах, посвященных воспеванию матери, — мальчик. Чем горше судьба матери, чем резче разрыв с нею ее соблазнителя, чем больше любовь ее к своему ребенку, — тем вернее мы можем предсказать, что в этом сочетании у матери будет сын, а не дочь. Насколько скупы изображены чувства матери к своей «незаконной» дочери в одних произведениях Ш., настолько же пламенна любовь к сыну в остальных произведениях, посвященных доле «покритки».

Мать свята в своей любви. До конца дней своих она остается матерью в высочайшем значении этого слова. Таков путь к тому, что «покритка» стала богородицей. В образе «матери-покритки» и заключен основной узел интроверсии. Поэтическое творчество открыло путь для сублимации этих комплексов, для оттока прегражденной либидинозной энергии. Все сказанное нами обменяет те душевные движения, которые послужили основной движущей силой в создании «матери-покритки». Если бы нам

---

¹ Покритка — обольщенная девушка.

удалось кроме того обнаружить и другие детерминирующие моменты, то этим самым мы ни в какой мере не впали бы в противоречие. Мы знаем, что к одной конечной цели может вести сумма согласованных между собою детерминант. Мы можем допустить, что образ «матери-покрытки» частично предопределен другими влияниями, стоящими уже в стороне от влечения к матери. Например, можно было бы утверждать, что воссоздание своей матери, но уже в образе покрытки, Ш. совершил потому, что не мог освободиться от любви к Оксане, которая, по его словам, забыла о нем и стала «покрыткой», сгубив свою жизнь с москалями. Любовь к Оксане Ш., как известно, относит к 13-му году своей жизни.

П. Зайцев полагает, что первая любовь Ш. к Оксане наложила печать на всю его дальнейшую жизнь. Для нас непонятно, как это П. Зайцев не сумел обнаружить, что и образ Оксаны в сущности подхвачен другим, более объемлющим комплексом. Оксана одна из наиболее ярких фигур, на которые перенесен материнский комплекс. И внешняя изолированность образа Оксаны от образа матери только в том и заключается, что в этом случае фантастически или реально влечение к матери в его основных чертах, с помощью механизма перенесения, нашло свое воплощение новом объекте, о котором можно мечтать, как о своем спутнике в семейной жизни. И только поэтому Ш. в своем творчестве, рисуя образ матери и Оксаны, всегда чувствует одно и то же, создает для обеих одинаковую ситуацию.

Оксана — закономерное явление в жизни Ш. Если бы Оксаны и не было, то Ш. создал бы ее из непреодолимого стремления своего к такой любви, которая могла бы утешить его от всех горестей и утрат. Он со своими комплексами не сумел бы отстранить от себя в своем творческом акте то, в чем ему отказала действительность.

Мы не можем пройти мимо влияния на развитие личности Ш. тех чувств, которые он питал к своим сестрам. А. Я. Конисский называет Екатерину воспитательницей Ш., его няней незабвенною, терпеливою, нежною. Описание Ш. дает нам исчерпывающее подтверждение именно такого любовного отношения к нему Екатерины. В отношении своем к детям Екатерина могла бы заменить мать, но она еще за полгода до смерти матери вышла замуж и оставила отцовский дом. Появление мачехи подчеркнуло двойную утрату. К другой сестре Ярине Ш. сохранил «страстную любовь... до последней минуты своей жизни» (Чалый).

Четыре фигуры: мать, Оксана, Екатерина и Ярина помогают нам в попытках разрешить происхождение и содержание любовного комплекса Ш. или вернее конструкцию его гетеросексуального либидо. Исследуя влияние каждой из них в отдельности, мы убеждаемся в том, что расчленение этих образов и рассмотрение их вне зависимости один от другого является искусственной и бесцельной операцией. Все женские персонажи, которых любит в своих произведениях Ш., обладают одними и теми же внешними признаками. У каждом из них: карие очи, черные брови, высокий гибкий стай и много общего в переживаниях, судьбе и чертах характера.

В поэме «Невольник» Ярина считала Степана своим братом и любила его только как брата. Но оказалось, что Степан только приемный в их семье и с этого же момента любовь братская сменилась влюбленностью двух молодых людей. Как произошла такая метаморфоза? Ведь брат и сестра ничего не чувствовали друг к другу кроме родственной нежности? Внезапно вспыхнувшая любовь объясняется неожиданно возникшим правом на это чувство, вернее правом на расторможение тех чувств, которые не могли проявиться, так как считались бы недопустимыми в условиях прежних отношений. Запретное влечение и замаскированная любовь, сублимированные в форму родственной привязанности, открыли свое истинное содержание. Отношения, порожденные запретом и боязнью греха, должны были скрывать в себе иное содержание, так как в противном случае откуда же взялась столь внезапной перемене. На этом примере хорошо демонстрируется тот комплекс переживаний, который мы ожидали встретить у Ш. и который включает в себе легкую возможность трансформации привязанности к матери или к сестрам во влечение к девушке, которую можно любить без задержек.

Заканчивая эту главу, мы могли бы сказать, что у Ш. либидо фиксировано в наибольшей своей части на матери, которая в свою очередь отбрасывает от себя лучи на других героинь его творений, сливаясь с ними в единый комплекс; другими словами, любовь к героиням своим Ш. черпал из основного и нерастраченного источника — тоски по матери.

Ш

Итак мы все снова и снова имели случай убедиться в том, насколько сильна интроверсия в душе Ш.

Интроверсия любовных влечений создает некоторую возможность душевного разряда с помощью особого рода грусти, тоски, связанной с фантазированием, с присоединением мазохистически приятного сочетания из страдания, жалости к себе и сладких слез. Мазохист такого типа проецирует свое страдание на любимое существо и наделяет его переживаниями по основному аффективному тону близкими к своим. В этом состоянии мазохистического отреагирования возникает потребность слиться с любимым существом в обоюдном страдании. И если невозможно добиться любви, то наступает удовлетворение от отождествления: полная созвучность настроения включает в себе своего рода общение. Любовь без страданий у Ш. немислима, и всегда страдания сопровождаются слезами.

Чувство одиночества, жизнь без любви Ш. относит к девушке, а черные брови и другие внешние признаки неизменно принадлежащие его женскому образу, он теперь переносит на мужчину, на сироту. У Яремы и Оксаны (из «Гайдамаков») одна и та же судьба, оба сироты, одиноки на всем свете. У Яремы «стан высокий, карие очи, черные брови. Свое стремление к чернобровой девушке Ш. проецирует на эту последнюю с тем, чтобы она возвратила ему эти самые чувства. Поэту легче, если девушка, к которой он стремится, будет охвачена такими же переживаниями, как он, тогда она

поймет его и полюбит. Они во всем тождественны между собою и в этом гарантия их взаимной любви.

В связи с тем, что образ тоскующей девушки сходен даже во внешних чертах с чернобровым сиротой (за ним, конечно, Шевченко), что сходство это охватывает переживания, судьбу и стремления, мы хотели бы предложить некоторую попытку расшифровки такой крайне выраженной идентификации, предлагая ее скорее в форме допущения, чем в форме определенного решения.

Психоаналитическое исследование всякий раз подтверждает, что при наличии прочной фиксации, например, мальчика на матери, возникает и отождествление с ней, желание быть похожим на нее, уподобиться ей. И если мы установили, что в творчестве Ш. за каждой, любовно изображенной в произведениях женщиной, в той или иной мере скрывается ласковая, вернлюбящая мать, то факт отождествления одинокого сироты с одинокой сиротой мог бы получить свое объяснение, во-первых, в возможности фамильного сходства и, во-вторых, в бессознательном желании этого сходства, в ощущении себя человеком одной крови с любимой им в произведениях девушкой. Наделение же объекта своей любви такой же тоскующей неудовлетворенностью получает объяснение в развитии мазохистического комплекса личности.

Анализ будет неполным, если не коснуться в кратких чертах влияния на личность и творчество Ш. мачехи и отца. О мачехе мы знаем из уст Ш., что она была полной противоположностью его матери, злая, жестокая, ненавидящая больше всех из детей Тараса. Ш. платил ей той же монетой. Слово «мачеха» для него само по себе заключало отрицание всего материнского. С мачехой у него связан определенный комплекс ощущений, долженствующий являться весьма чувствительным реагентом на все новые впечатления, аффективно родственные этим первым.

Теперь об отце. Психоанализ утверждает на основании неопровержимых материалов, что фиксация, а тем более такая значительная, как у Ш. на матери, связывается либо с враждебными, либо с амбивалентными чувствами к отцу. В последнем случае, наряду с привязанностью к отцу, плохо осознается или вовсе не осознается другой полюс чувствований, заключающий в себе враждебные тенденции. Организуют эти чувства ревность и желание быть единственным для любимой матери. Таким образом, уже это одно заставило бы нас допустить амбивалентную установку у Ш. к своему отцу. Но нам представляется возможным глубже обосновать наличие этих чувств,

Отец пережил мать и после ее смерти не возместил усилившуюся потребность детей в родительской ласке. Наоборот, он отождествился в глазах детей с мачехой, так как дал ей возможность изменить по своему их жизнь, не препятствовал ей в ее расправах. Своим отношением к мачехе отец как бы перешел на ее сторону, нарушил память о матери и этим углубил одиночество детей. Они должны были в своих воспоминаниях остаться

верными образу родной матери, а в отце должны были уже по этому одному почувствовать отошедшего от них к мачехе человека.

Ш. все основные комплексы своей личности переносил в свое творчество, рисуя, таким образом, тех героев своих, которые и без того жили постоянно в его душе. Ш. неоднократно создает в своих произведениях образ отца, который оказывается по качествам своего характера в том же лагере, что и мачеха. Он намечает обоим этим фигурам одну дорогу; они творят зло и разрушают чистую любовь. Ш. создавал отвратительные образы отцов сластолюбцев, похотливых, мстительных и эгоистичных и не дал в противоположность этому образа хорошего отца. Проскальзывающее кое-где воспоминание об отце, испытавшем ту же горькую чашу, что и вся их семья, нужно отнести за счет весьма слабо выявленного положительного полюса его амбивалентной установки.

Творчество Ш. служило огромным резервуаром к отреагированию его чувств. Ш. компенсирует себя в своих произведениях возможностью слиться снова со своей матерью, любить прекрасных девушек, проявлять себя в отношении их избавителем. Жизненная слабость, чувство собственной малоценности превращается в необычайную силу. Галайда-Ярема («Гайдамаки») становится полубогом; проявляет безграничную отвагу, превосходя народных героев Гонтю и Зелезняка.

Здесь надо упомянуть о влиянии деда Ш. на поэта. Мы ясно себе представляем ребенка, прошедшего уже через жестокие испытания, лишившегося отца и матери, узнавшего нужду, ребенка с огромным запасом интровертированных чувств, обусловивших крайнюю впечатлительность детской души. Любовь к деду и его рассказам была тем якорем, за который цеплялось стремление мальчика вырваться да свободу, развернуть свои силы, участвовать в жизни. Рассказы деда возможно были тем смычком, который сумел извлечь прекрасные звуки из настроенного уже инструмента. Чувства, рвущиеся наружу, первые робкие искания маленького мальчика были тогда захвачены новыми переживаниями. Здесь заключен путь от интроверсии либидо к его сублимации. Неоформленные стремления Ш. получили впервые оформление в моменты увлечения рассказами старика и возможно, что этот путь, путь повествования, уже знакомый с самого детства, предопределил собой стихийное увлечение поэзией. Может быть здесь заключен ответ на вопрос, поставленный нами вначале: о непреклонном влечении Ш. к поэзии, несмотря на противоречивую этому влечению действительность. И не в этих ли событиях детства разгадка того, что Ш. так неожиданно для самого себя сменил живопись на призвание поэта. Толчком к этому могло послужить то, что до своего выкупа из рабства он не знаком был с этим видом выявления творческих сил. Его поэтический дар, находившийся в потенции, благодаря изменившимся обстоятельствам, получил таким образом свое развитие. Ш. чрезвычайно любил свою родину. Он говорит об Украине, что готов ради нее душу погубить, проклясть бога. Ш. отождествляет свою судьбу с судьбой горячо любимой Украины, у обеих одна доля, оба в тисках неволи и ждут избавления.

Всю ненасыщенность своих интровертированных чувств Ш. относит к Украине, точно так же, как в других случаях относит к любимой девушке. Украина становится для Ш. живым существом. Он любит ее так нежно и преданно, как будто хочет излить на нее все запасы своих нерастраченных влечений. Ш. любит Украину так же безраздельно, как любит мать-покрытку и ту далекую девушку, которую он не нашел во всю свою жизнь. В душе Ш. отождествляются для него мать и Украина; в отношении обеих в душе Ш. один и тот же аффективно насыщенный комплекс чувствований.

В этом нет ничего неожиданного. Психоанализ неоднократно давал возможность установить эту связь между материнским комплексом и любовью к родине. Да за это говорит и само слово «родина».

Мы не ставили себе целью в настоящей статье всесторонне осветить всю сумму влияний, действовавших на Ш. Мы ничего, например, не говорили о глубоком классовом чутье и о революционности Ш. и об отражении этих черт его личности в поэзии. Об этом написано лучше, чем это могли бы мы сделать, другими авторами (см. В. Коряк, А. Ричицкий, М. Драгоманов, Луначарский и др.). И все же для нас ясно, что ни интроверсия, влияние которой мы пытались изучить, ни социальные условия сами по себе не могли создать Ш. Здесь есть неизвестная величина и учесть ее значение мы не можем. Этот X (врожденная одаренность?) подобен почве, на которую упали определенные семена, но почва-то эта для нас неизвестна. Наша задача заключалась только в том, чтобы дать очерк тех путей в исследовании Ш., которые могут быть открыты с помощью психоанализа.

*Современная неврология, 1926,
№ 3, с. 346–354*

Исторический смысл психологического кризиса.

Методологическое исследование (фрагмент)

Л. С. Выготский

Что именно означает зависимость каждой психологической операции от общей формулы, можно показать на примере любой проблемы, перерастающей за рамки частной дисциплины, выдвинувшей ее. Когда Т. Липпс говорит о подсознательном, что это не столько психологический вопрос, сколько вопрос самой психологии, он имеет в виду, что подсознательное есть проблема общей психологии (1914). Он хотел этим сказать, конечно, не что иное, как то, что этот вопрос будет решен не в результате тех или иных частных исследований, а в результате принципиального исследования средствами общей науки, то есть путем сопоставления обширнейших данных самых разнородных областей науки; путем соотнесения данной проблемы с некоторыми основными предпосылками научного знания, с одной стороны, и с некоторыми самыми обобщенными результатами всех наук — с другой; путем нахождения места этого понятия в системе основных понятий психологии. путем фундаментально диалектического анализа природы этого понятия и отвечающей ему, абстрагированной в нем черты бытия. Это исследование предшествует логически всякому конкретному исследованию частных вопросов подсознательной жизни и определяет постановку самого вопроса в таких исследованиях.

Как прекрасно сказал Мюнстерберг, защищая необходимость такого исследования для другого круга проблем: «В конце концов лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до последнего десятичного знака» (1922, с. 6). Правильная постановка вопроса есть не меньшее дело научного творчества и исследования, чем правильный ответ,— и гораздо более ответственное дело. Огромное большинство современных психологических исследований с величайшей заботливостью и точностью выписывает последний десятичный знак в ответе на вопрос, который в корне ложно поставлен.

Примем ли мы вместе с Мюнстербергом, что подсознательное есть просто физиологическое, а не психологическое; или согласимся с другими говорить как о подсознательных явлениях, временно отсутствующих в сознании, как о всей массе потенциально сознательных воспоминаний, знаний, навыков; назовем ли мы подсознательными явления, не достигающие порога сознания или минимально сознательные, периферические в поле сознания, автоматические и несознаваемые; найдем ли в основе подсознательного вытеснение стремления сексуального порядка вместе с Фрейдом или наше второе «я», особую личность; наконец, назовем ли эти явления бес-, под- или сверхсознательными или примем все три названия, как

Штерн, — от всего этого существенно переменится и характер, и круг, и состав, и природа, и свойства тою материала, который мы будем изучать. Вопрос отчасти предопределяет о гнет.

Вот этого чувства системы, ощущения стиля, понимания связи и обусловленности каждого частного положения центральной идеей всей системы, в которую оно входит, лишены все те эклектические по существу, попытки объединения разнородных и разноприродных по научному происхождению и составу частей двух или больше систем. Таковы, например, синтез бихевиоризма и фрейдизма в американской литературе, фрейдизм без Фрейда в системах А. Адлера и К. Юнга; рефлексологический фрейдизм Бехтерева и А. Б. Залкинда: наконец, попытки соединения фрейдизма и марксизма (А. Р. Лурия, 1925; Б. Д. Фридман, 1925). Столько примеров только из области проблемы подсознательного! Во всех этих попытках берется хвост от одной системы и приставляется к голове другой, в промежуток вдвигается туловище от третьей. Не то чтобы они были неверны, эти чудовищные комбинации, они верны до последнего десятичного знака, но вопрос, на который они хотят ответить, поставлен ложно. Можно количество жителей Парагвая умножить на число верст от Земли до Солнца и полученное произведение разделить на среднюю продолжительность жизни слона и безупречно провести всю операцию, без ошибки в одной цифре, и все же полученное число может ввести в заблуждение того, кто захочет узнать, каков национальный доход этой страны. То, что делают эклектики, значит давать на вопрос, поставленный марксистской философией, ответ, подсказанный фрейдистской метапсихологией.

Чтобы показать методологическую незаконность подобных попыток, остановимся на трех типах сведения воедино чужого вопроса с чужим ответом, не думая вовсе исчерпать этими тремя типами все многообразие таких попыток.

Первый способ ассимиляции какой-нибудь школой научных продуктов другой области состоит в прямом перенесении законов, фактов, теорий, идей и т.п., в захвате более или менее обширной области, занятой другими исследователями, в аннексии чужой территории. Такой политикой прямого захвата живет обычно всякая новая научная система, распространяющая влияние на соседние дисциплины и претендующая на руководящую роль общей науки. Своего материала оказывается слишком мало, и такая система вбирает в себя, подчиняет себе с небольшой критической переработкой чужеродные тела, заполняя чем-либо пустоту широко развитых границ. Обычно получается конгломерат научных теорий, фактов и т.п., с ужасающей произвольностью втиснутый в рамки объединяющей идеи.

Такова система рефлексологии В. М. Бехтерева. Для него годится все: даже теория А. И. Введенского о непознаваемости чужого «я», то есть крайнее выражение солипсизма и идеализма в психологии, лишь бы эта теория ближайшим образом подтверждала его частное положение о необходимости объективного метода. То, что в общем смысле всей системы она пробивает зияющую брешь, подрывая основы реалистического подхода к

личности, до этого автору нет дела (заметим, кстати, что Введенский также подкрепляет себя и свою теорию ссылкой на работы... Павлова, не понимая, что, обращаясь за помощью к системе объективной психологии, он протягивает руку своему могильщику). Но для методолога глубоко знаменательно, что антиподы, как Введенский — Павлов и Бехтерев — Введенский, не только отрицают друг друга, но необходимо предполагают существование один другого и видят в совпадении своих выводов свидетельство «надежности этих выводов». Для этого третьего (то есть для методолога.— *Ред.*) ясно, что это есть не совпадение в выводах, полученных вполне независимо друг от друга представителями разных специальностей, например философом Введенским и физиологом Павловым, а совпадение в исходных, отправных точках зрения, в философских предпосылках дуалистического идеализма. Это «совпадение» предопределено с самого начала: Бехтерев предполагает Введенского, если прав один, прав и другой.

Принцип относительности А. Эйнштейна и принципы Ньютоновой механики, несовместимые сами по себе, отлично уживаются в эклектической системе. В «Коллективной рефлексологии» Бехтерева собран положительно каталог мировых законов. При этом для методологии системы характерен тот разгон или разбег мысли, та основная инерция идеи, которая прямым сообщением, минуя все промежуточные инстанции, приводит нас от закона пропорционального соотношения скорости движения с движущей силой, установленного в механике, к факту вовлечения Североамериканских Соединенных Штатов в великую европейскую войну и, обратно,— от опыта некоего д-ра Шварцмана о пределах частоты электрокожных раздражений, допускающих образование сочетательного рефлекса, к «всеобщему закону относительности, проявляющемуся везде и всюду и получившему окончательное завершение в отношении небесных светил и планет в блестящих исследованиях Эйнштейна» (В. М. Бехтерев, 1923, с 344).

Нечего и говорить, что аннексия психологических областей производится так же безапелляционно и мужественно. Исследования вюрцбургской школы высших мыслительных процессов, как и результаты исследований других представителей субъективной психологии, «могут быть согласованы со схемой мозговых или сочетательных рефлексов» (там же, с. 387). Нужды нет, что одной этой фразой зачеркиваются все принципиальные предпосылки собственной системы: ведь если все можно согласовать со схемой рефлекса и все «стоит в полном соответствии» с рефлексологией — даже то, что открыто субъективной психологией, то зачем ополчаться на нее? Открытия, сделанные в Вюрцбурге, сделаны по методу, который, по Бехтереву, не ведет к истине; однако они стоят в полном соответствии с объективной истиной Как же так?

Так же беззаботно аннексируется и территория психоанализа Для этого достаточно заявить, что «в учении о комплексах К. Юнга мы находим полное соответствие с данными рефлексологии», но ведь строкой выше указано, что это учение основано на субъективном анализе, отвергаемом Бехтеревым. Ничего, мы в мире предустановленной гармонии, чудесного соответствия,

удивительного совпадения учений, основанных на ложных анализах, и данных точных наук, точнее, мы в мире «терминологических революций», по слову П. П. Блонского (1925, с. 226).

Вся наша эклектическая эпоха полна таких же совпадений А. Б. Залкиндо, например, те же области психоанализа и учения о комплексах аннексируются во имя доминанты. Оказывается, что психоаналитическая школа только «в наших выражениях и другим методом» развивала те же понятия о доминанте — совершенно независимо от рефлексологической школы. «Комплексная направленность» психоаналитиков, «стратегическая установка» адлеристов — это те же доминанты, но не в общефизиологических, а в клинических, общетерапевтических формулировках Аннексия — механическое перенесение кусков чужой системы в свою — в этом случае, как и всегда, кажется почти чудесной и свидетельствует об истине. Подобное «почти чудесное» теоретическое и деловое совпадение двух учений, работающих над резко отличным материалом и совершенно разными методами, является убедительным подтверждением правильности того основного пути, по которому идет современная рефлексология¹. Мы помним, что Введенский в своем совпадении с Павловым видел тоже свидетельство истины своих положений. И еще совпадение это свидетельствует, как неоднократно показывал Бехтерев, о том, что совершенно разными методами можно прийти к совпадающей истине. В сущности, совпадение это свидетельствует только о методологической беспринципности и эклектизме системы, внутри которой такое совпадение устанавливается. Кто берет чужой платок, берет и чужой запах, гласит восточная пословица; кто берет у психоаналитиков учение о комплексах Юнга, катарсис Фрейда, стратегическую установку Адлера, — тот берет и добрую долю запаха этих систем, то есть философского духа авторов.

Если первый способ перенесения чужих идей из одной школы в другую напоминает аннексию чужой территории, то второй способ сравнения чужеродных идей похож на союзный договор двух стран, при котором обе не теряют самостоятельности, но улаиваются действовать сообща, исходя из общности интересов. Этот способ применяется обычно для сведения воедино марксизма и фрейдизма. Автор пользуется при этом методом, который, по аналогии с геометрией, можно было бы назвать методом логического наложения понятий. Система марксизма определяется как монистическая, материалистическая, диалектическая и т.д. Затем устанавливается монизм, материализм и т.д. системы Фрейда; понятия при наложении совпадают, и системы объявляются сращенными. Очень грубые, резкие, бьющие в глаза

---

¹ Любопытно, что Бехтерев видит субъективное соответствие доминанте совершенно в другой области, при описании школы Юнга и Фрейда и комплексных установок он находит, конечно, тоже полное совпадение с данными рефлексологии, но не с доминантой А доминанте соответствуют явления, описанные вюрцбургской школой, то есть он, несомненно, «участвует в процессах логики» и коррелирует с понятием детерминирующей тенденции (1923, с. 386) Диапазон несовпадения отдельных совпадений (доминанта то равна комплексу, то — детерминирующей тенденции, то вниманию — у А. А. Ухтомского) лучше всего свидетельствует с пустоты, никчемности, бесплодности и полной произвольности таких совпадений.

противоречия устраняются весьма элементарным путем: они просто исключаются из системы, объясняются преувеличением и т.п. Так, десексуализируется фрейдизм, потому что пансексуализм явно не вяжется с философией Маркса. Что ж, говорят нам, примем фрейдизм без учения о сексуальности. Но ведь именно это учение составляет нерв, душу, центр всей системы. Можно ли принять систему без ее центра? Ведь фрейдизм без учения о сексуальной природе бессознательного — все равно что христианство без Христа или буддизм с Аллахом.

Было бы, конечно, историческим чудом, если бы на Западе, на совершенно других философских корнях, в совершенно иной культурной обстановке, возникла и сложилась готовая система марксистской психологии. Это означало бы, что философия вовсе не определяет развитие науки. Видите же исходили от Шопенгауэра, а создали марксистскую психологию. Но ведь это означало бы полную бесплодность самой попытки сращивания фрейдизма и марксизма, как успех бехтеревского совпадения означал бы банкротство объективного метода: если данные субъективного анализа совпадают вполне с данными объективного, то чем, спрашивается, субъективный анализ хуже? Если Фрейд, сам того не зная, думая о других философских системах и сознательно примыкая к ним, создал все же марксистское учение о психике, то во имя чего, спрашивается, нарушать это плодотворнейшее заблуждение: ведь менять, по мнению этих авторов, ничего у Фрейда не надо, для чего же сращивать психоанализ с марксизмом? При этом возникает и такой любопытный вопрос: как это система, насквозь совпадающая с марксизмом, логически развиваясь, поставила во главу угла идею сексуальности, явно непримиримую с марксизмом? Неужели метод ни в малой степени не ответствен за полученные при его помощи выводы и каким образом истинный метод, создавший истинную систему, основанную на истинных предпосылках, привел его авторов к ложной теории, к ложной центральной идее? Надо обладать большой дозой методологической беззаботности, чтобы не видеть этих проблем, возникающих неизбежно при всякой механической попытке переместить центр какой-либо научной системы — в данном случае с учения Шопенгауэра о воле как основе мира в учение Маркса о диалектическом развитии материи.

Но худшее ждет нас еще впереди. При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в обе сводимые воедино системы. При этом проделываются в обеих системах такие преобразования, которыми оперирует алгебра, чтобы доказать тождество двух выражений. Но преобразование вида сводимых систем, оперирующее с величинами, абсолютно несхожими с алгебраическими, на деле сводится всегда к искажению сущности этих систем.

Например, в статье А. Р. Лурия психоанализ раскрывается как «система монистической психологии», методология которой «совпадает с методологией» марксизма (1925, с 55). Для того чтобы доказать это.

проделывается ряд наивнейших преобразований обеих систем, в результате которых они «совпадают». Рассмотрим кратко эти преобразования. Раньше всего марксизм выдвигается в общую методологию эпохи, наряду с Дарвином, Кантом, Павловым, Эйнштейном, которые все вместе создают общий методологический фундамент эпохи. Роль и значение каждого из этих авторов, конечно, глубоко и принципиально различны абсолютно отлична от них роль диалектического материализма по самой своей природе; не видеть этого — значит вообще механически выводить методологию из суммы «крупных научных достижений». Привести к одному знаменателю все эти имена и марксизм — и уже нетрудно соединить с марксизмом любое «крупное научное достижение», потому что такова ведь именно предпосылка: именно в ней, а не в выводе содержится искомое «совпадение». «Основная методология эпохи» состоит из суммы открытий Павлова, Эйнштейна и т.д., марксизм есть одно из таких открытий, входящее в «группу обязательных для всех смежных наук принципов» — на этом, то есть на первой странице, можно было бы все рассуждение и кончить: стоило только рядом с Эйнштейном назвать и Фрейда — ведь и он «крупное научное достижение», значит, участник «общего методологического фундамента эпохи». Но сколько нужно не критического доверия к научным именам, чтобы из суммы громких фамилий выводить методологию эпохи!

Единой основной методологии эпохи нет, а на деле есть система борющихся, глубоко враждебных методологических принципов, исключаящих друг друга, и у каждой теории — Павлова, Эйнштейна — есть своя методологическая ценность, и выносить за скобки общую методологию эпохи и растворять в ней марксизм — значит преобразовывать не только вид, но и сущность марксизма.

Но таким же преобразованиям неизбежно подвергается и фрейдизм. Сам Фрейд был бы очень удивлен, узнав, что психоанализ — система монистической психологии и что он «методологически продолжает... исторический материализм» (Б. Д. Фридман, 1925, с. 159). Ни один психоаналитический журнал, конечно, не напечатал бы статей Лурия и Фридмана. Это глубоко важно. Ведь получается очень странное положение: Фрейд и его школа нигде не заявляют себя ни монистами, ни материалистами, ни диалектиками, ни продолжателями исторического материализма. А им заявляют: вы — и то, и другое, и третье; вы сами не знаете, кто вы. Конечно, такое положение можно себе представить, в нем нет ничего невозможного, но оно требует четкого выяснения методологических основ этого учения, как они представляются его авторам и ими развиты, а затем доказательного опровержения этих основ и указания на то, каким же чудом, из каких основ развил психоанализ систему чуждой его авторам методологии. Вместо этого без единого анализа основных понятий Фрейда, без критического взвешивания и просвечивания его предпосылок и исходных точек, без критического освещения генезиса его идей, даже без простой справки о том, как он сам представляет философские основы своей

системы,— путем простого формально-логического наложения признаков утверждается тождество двух систем.

Но, может быть, эта формально-логическая характеристика двух систем верна? Мы видели уже, как извлекается из марксизма его доля в общей методологии эпохи, в которой все примерно и наивно приведено к одному знаменателю: раз и Эйнштейн, и Павлов, и Маркс — наука, значит, в них есть общий фундамент. Но еще большие искажения претерпевает при этом фрейдизм. Я не говорю уже о лишении его механическим способом центральной идеи, как то делает А. Б. Залкинд (1924); в его статье она обходится молчанием— тоже примечательно. Но вот монизм психоанализа — Фрейд стал бы с этим спорить. Где он, в каких словах, в связи с чем перешел на почву философского монизма, о котором идет речь в статье? Разве всякое сведение некоторой группы фактов к эмпирическому единству есть монизм? Напротив того, Фрейд везде стоит на почве признания психического — бессознательного как особой силы, не сводимой ни к чему другому. Далее, почему этот монизм материалистичен в философском смысле? Ведь медицинский материализм, признающий влияние отдельных органов и т.п. на психические образования, еще очень далек от философского. Понятие его в философии марксизма имеет определенный, прежде всего гносеологический, смысл; а именно гносеологически Фрейд стоит на почве идеалистической философии. Ведь это факт, не только не опровергнутый, но и не рассмотренный авторами «совпадения», что учение Фрейда о первичной роли слепых влечений, бессознательного, отражающегося в искаженном виде в сознании, восходит непосредственно к идеалистической метафизике воли и представления Шопенгауэра. В крайних своих выводах сам Фрейд отмечает, что он в гавани Шопенгауэра; но и в основных предпосылках, как и в определяющих линиях системы, он связан с философией великого пессимиста, как может показать простейший анализ.

И в «деловых» своих работах психоанализ обнаруживает глубоко статические, а не динамические, консервативные, антидиалектические и антиисторические тенденции. Он сводит высшие психические процессы — личные и коллективные — к примитивным, первобытным, в сущности доисторическим, дочеловеческим корням непосредственно, не оставляя места для истории. Творчество Ф. М. Достоевского раскрывается тем же ключом, что и тотем и табу первобытных племен; христианская церковь, коммунизм, первобытная орда — все в психоанализе выводится из одного источника. Что такие тенденции заложены в психоанализе, свидетельствуют все работы этой школы, трактующие проблемы культуры, социологии, истории. Мы видим, что здесь он не продолжает, а отрицает методологию марксизма. Но и об этом ни слова.

Наконец, третье. Вся психологическая система основных понятий Фрейда восходит к Т. Липпсу. Понятия бессознательного, психической энергии, связанной с определенными представлениями, стремлений как основы психики, борьбы стремлений и вытеснения, аффективной природы сознания и т.д. Иначе говоря, психологические корни Фрейда уходят в

спиритуалистические пласты психологии Липпса. Как же можно, говоря о методологии Фрейда, не посчитаться нисколько с этим?

Итак, откуда растет Фрейд и куда растет его система, мы видим: от Шопенгауэра и Липпса к Кольнаи и психологии масс. Но нужна чудовищная натяжка, чтобы, прилагая систему психоанализа, умолчать о метапсихологии, о социальной психологии¹, о теории сексуальности Фрейда. В результате человек, не знающий Фрейда, получил бы самое превратное представление о нем из такого изложения системы. Сам Фрейд протестовал бы прежде всего против названия системы. По его мнению, одно из величайших достоинств психоанализа и его автора — то, что он сознательно избегает системы (1925). Сам Фрейд отклоняет «монизм» психоанализа: он не настаивает на признании исключительности и даже первого места за открытыми им факторами; он не стремится вовсе «дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека», но требует только, чтобы применяли его положения для дополнения и корректуры нашего знания, приобретенного любым иным путем (там же). В другом месте он говорит, что психоанализ характеризует его технику, а не предмет, в третьем — о временности психологической теории и замене ее органической.

Все это может легко ввести в заблуждение: может показаться, что психоанализ действительно не имеет системы и его данные можно вносить для корректуры и дополнения в любую систему знания, приобретенного любым путем. Но это глубоко неверно. Психоанализ не имеет априорной, сознательной теории-системы; как и Павлов, Фрейд слишком многое открыл, чтобы создать отвлеченную систему. Но как герой Мольера, сам того не подозревая, всю жизнь говорил прозой, так и Фрейд, исследователь, создавал систему: вводя новое слово, согласуя один термин с другим, описывая новый факт, делая новый вывод,— он везде попутно, шаг за шагом создавал систему. Это означает только, что структура его системы глубоко своеобразная, темная и сложная, в которой очень трудно разобраться. Гораздо легче ориентироваться в сознательных, отчетливых, освобожденных от противоречий, осознающих своих учителей, приведенных к единству и логической стройности методологических системах; гораздо труднее правильно оценить и вскрыть истинную природу бессознательных методологий, складывающихся стихийно, противоречиво, под различнейшими влияниями, а именно к таким принадлежит психоанализ. Поэтому психоанализ требует сугубо тщательного и критического методологического анализа, а не наивного наложения признаков двух различных систем.

«Человеку, не искушенному в научно-методологических вопросах, — говорит В. Н. Ивановский,—метод всех наук представляется одним и тем же» (1923, с. 249). Больше всего страдала от такого непонимания дела

---

¹ Любопытно, что не только критики Фрейда создают за него новую социальную психологию, но и рефлексологи (А. Б. Залкинд) отклоняют попытки рефлексологии «проникнуть в область социальных явлений, объяснить их собою», как и отдельные общепсихологические ее притязания, как и метод исследования «кое-где» (А. Б. Залкинд, 1924).

психология. Ее всегда приписывали то к биологии, то к социологии, но редко кто подходил к оценке психологических законов, теорий и т.п. с критерием психологической же методологии, то есть с интересом к психологической научной мысли как таковой, к ее теории, ее методологии, ее источникам, формам и обоснованиям. И поэтому в нашей критике чужих систем, в оценке их истинности мы лишены самого главного: ведь правильная оценка знания в отношении его доказанности и несомненности может вытекать лишь из понимания его методологической обоснованности (В. Н. Ивановский, 1923), И поэтому правило сомневаться во всем, ничего не принимать на веру, спрашивать у всякого положения о его основаниях и источниках знания есть первое правило и методология науки. Оно страхует нас от еще большей ошибки — не только считать метод всех наук одинаковым, но и состав каждой науки представлять себе как однородный.

«Каждая отдельная наука представляется неопытной мысли, так сказать, в одном плане: раз наука есть достоверное, несомненное знание, то все в ней должно быть достоверно; все ее содержание должно добываться и доказываться одним и тем же методом, дающим достоверное знание. Между тем на самом деле это вовсе не так: во всякой науке есть с несомненностью констатированные отдельные факты (и группы сходных фактов), неопровержимо установленные общие положения и законы, но есть и предположения, гипотезы, иногда имеющие временный, провизорный характер, иногда же отмечающие последние пределы нашего знания (в данную эпоху, по крайней мере); есть то более, то менее несомненные выводы из незыблемо установленных положений; есть построения, то расширяющие пределы нашего знания, то имеющие значение сознательно вводимых «фикций»; есть аналогии, приблизительные обобщения и т.д. и т.д. Наука разносоставна, и понимание этого факта имеет самое существенное значение для научной культуры человека. Каждое отдельное научное положение имеет свою собственную, ему только присущую и зависящую от способа и степени его методологической обоснованности степень достоверности, и наука — в методологическом освещении — представляет собой не одну сплошную однородную поверхность, а мозаику положений различных степеней достоверности» (там же, с. 250).

Вот 1) смешение метода всех наук (Эйнштейн, Павлов, О. Конт, Маркс), 2) сведение всего разнородного состава научной системы в одну плоскость, «в одну сплошную однородную поверхность» и составляют основные ошибки второго способа сращивания систем. Сведение личности к деньгам, чистоплотности, упрямству и еще 1000 разнообразных вещей к анальной эротике (А. Р. Лурия, 1925) еще не есть монизм; а по природе и степени достоверности смешивать это положение с принципами материализма есть величайшее заблуждение. Принцип, вытекающий из этого положения, общая идея, стоящая за ним. методологическое его значение, метод исследования, предписываемый им, глубоко консервативны: как каторжник к тачке; характер в психоанализе прикован к детской эротике, человеческая жизнь в самом существенном преопределена детскими

конфликтами, она вся есть изживание эдипова комплекса и т.п., культура и жизнь человечества опять вплотную приближены к примитивной жизни. Вот это умение отделить ближайшее видимое значение факта от его истинного значения есть первое необходимое условие анализа. Я отнюдь не хочу сказать, что все в психоанализе противоречит марксизму. Я хочу сказать только, что этим вопросом по существу я и не занимаюсь здесь вовсе. Я указываю только на то, как должно (методологически) и как нельзя (некритически) сращивать две системы идей.

При некритическом подходе каждый видит то, что он хочет видеть, а не то, что есть: марксист находит в психоанализе монизм, материализм, диалектику, которых там нет; физиолог, как А. К. Ленц, полагает, что «психоанализ — система, лишь по названию психологическая; в самом же деле он объективен, физиологичен» (1922, с. 69). А методолог Бинсвангер, кажется, единственный среди психоаналитиков, посвящая свою работу Фрейду, отмечает, что именно психологическое в его понимании, то есть антифизиологическое, составляет заслугу Фрейда в психиатрии. «Но,— прибавляет он,— это знание не знает еще само себя, то есть оно не обладает пониманием своих основных понятий, своего логоса» (1922, с. 5),

Поэтому особенно трудно изучать знание, которое еще не осознало себя и своего логоса. Это, конечно, отнюдь не значит, что бессознательное не следует изучать марксистам, так как основные концепции Фрейда противоречат диалектическому материализму, напротив, именно потому, что разрабатываемая психоанализом область разрабатывается негодными средствами, надо ее отвоевать для марксизма, надо ее разрабатывать средствами истинной методологии, ибо иначе, если бы в психоанализе все совпадало с марксизмом, то в нем нечего было бы менять, психологи могли бы его развивать именно в качестве психоаналитиков, а не марксистов. А для разработки надо прежде всего отдать себе отчет в методологической природе каждой идеи, каждого положения. И тогда при этом условии самые метапсихологические идеи могут быть интересны и поучительны, например учение Фрейда о влечении к смерти.

В предисловии, которое я предпослал переводу книги Фрейда на эту тему, я пытался показать, что при всей спекулятивной природе этого положения, при малой убедительности его фактических подкреплений (травматический невроз и повторение в детской игре неприятных переживаний), при всей головокружительной парадоксальности и противоречии с общепринятыми биологическими идеями, при явном совпадении в выводах с философией нирваны — при всем том, несмотря на все его конструктивное понятие, фиктивное построение влечения к смерти отвечает потребности современной биологии в овладении идеей смерти, как математика нуждалась в свое время в понятии отрицательного числа. Я выставил тезис, что понятие жизни в биологии доведено до большой ясности, наука им овладела, она знает, как с ним работать, как исследовать и понимать живое, но с понятием смерти она не справилась, на месте этого понятия зияет дыра, пустое место, она понимается только как контрадикторная противоположность жизни, как

нежизнь, короче — небытие. Но смерть есть факт, имеющий и свой положительный смысл, она есть особый вид бытия, а не только небытие; она есть некоторое нечто, а не круглое ничто. И вот этого положительного смысла смерти биология не знает. В самом деле, смерть есть всеобщий закон живого; невозможно себе вообразить, чтобы это явление не было ничем представлено в организме, то есть в процессах жизни. Трудно поверить, чтобы смерть не имела смысла или имела только отрицательный смысл.

Сходное мнение высказывает Энгельс. Он ссылается на мнение Гегеля, что научна та физиология, которая не рассматривает смерть как существенный момент жизни, и не понимает, что отрицание жизни, по существу, содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, а смертью объявляет, что диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. «Жить значит умирать» (*К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 611*).

Именно эту мысль защищал я в упомянутом предисловии к книге Фрейда: необходимость с принципиальной точки зрения овладеть понятием смерти в биологии и обозначить — пусть пока алгебраическим «х» или парадоксальным «влечением к смерти» — то неизвестное еще, что несомненно существует, чем тенденция к смерти представлена в процессах организма. При всем том найденное Фрейдом решение этого уравнения я не объявил большим трактатом в науке или дорогой для всех, но альпийской тропинкой над пропастями для свободных от головокружения. Я заявил, что науке нужны и такие книги: не открывающие истин, а учащие исканию истины, хотя бы и не найденной. Я там же со всей решительностью заявил, что значение этой книги не зависит от фактической проверки ее достоверности: принципиально она верно ставит вопрос. И для постановки таких вопросов, говорил я, нужно больше творчества, чем для очередного наблюдения по установленному образу в любой науке (*Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, 1925*). И глубоким непониманием методологической проблемы, заключенной в этой оценке, полным доверием к внешним признакам идей, наивным и некритическим страхом перед физиологией пессимизма было суждение об этой книге одного из рецензентов, решившего сплеча: раз Шопенгауэр — значит пессимизм. Он не понял, что есть проблемы, до которых нельзя долететь, но надо дойти, хромя, и что в этих случаях не грех хромать, как откровенно говорит Фрейд. Но кто увидит в этом только хромоту, тот методологически слеп. Нетрудно ведь было бы указать, что Гегель идеалист, об этом воробьи кричат с крыш; нужна была гениальность, чтобы увидеть в этой системе идеализм, стоящий на голове материализма, то есть методологическую правду (диалектику) отделить от фактической лжи, увидеть, что Гегель, хромя, шел к правде.

Таков — на единичном примере — путь к овладению научными идеями: надо подняться над их фактическим содержанием и испытать их принципиальную природу. Но для этого нужно иметь точку опоры вне этих идей. Стоя на почве этих же идей обеими ногами, оперируя добытыми при их

помощи понятиями, невозможно стать вне их. Чтобы критически отнестись к чужой системе, надо прежде всего иметь собственную психологическую систему принципов. Судить Фрейда в свете принципов, добытых у Фрейда же,— значит заранее оправдать его. И вот такой способ овладения чужими идеями образует третий тип соединения идей, к которому мы и переходим.

Опять на единичном примере легче всего вскрыть и показать характер нового методологического подхода, В лаборатории Павлова был поставлен для экспериментального разрешения вопрос о переводе следовых условных раздражителей и следовых условных тормозов в наличные условные раздражители. Для этого надо «изгнать торможение», выработанное при следовом рефлексе. Как это сделать? Для достижения этой цели Ю. П. Фролов прибегнул к аналогии с некоторыми приемами школы Фрейда. При разрушении тормозных устойчивых комплексов он воссоздавал именно ту обстановку, в которой эти комплексы были ранее выработаны. И опыт удался. Методологический прием, лежавший в основе этого опыта, я и считаю образцом правильного подхода к теме Фрейда и вообще к чужим положениям. Попытаемся описать этот прием. Прежде всего, проблема была выдвинута в ходе собственных исследований природы внутреннего торможения; задача поставлена, сформулирована и осознана в свете собственных принципов; теоретическая тема экспериментальной работы и ее значение были осмыслены в понятиях школы Павлова. Что такое следовой рефлекс — мы знаем, что такое наличный — тоже знаем; перевести один в другой — значит изгнать торможение и т.д., то есть весь механизм процесса мыслим в совершенно определенных и однородных категориях. Аналогия с катарсисом имела чисто эвристическое значение: она укоротила путь собственных поисков и привела кратчайшим путем к цели. Но она принята только как допущение, которое немедленно было проверено опытом. И после решения собственной задачи автор делает третий и последний вывод о том, что явления, описываемые Фрейдом, допускают экспериментальную проверку на животных и ждут дальнейшей детализации по методу условных слюнных рефлексов. Проверить Фрейда идеями Павлова — это совсем не то, что его же собственными идеями; но и эта возможность установлена не путем анализа, а путем эксперимента. Самое главное заключается в том, что, натолкнувшись в ходе собственных исследований на явления, аналогичные описанным школой Фрейда, автор ни на минуту не перешел на чужую почву, не положился на чужие данные, но продвинул, используя их, вперед свое исследование. Его открытие имеет смысл, свою цену, свое место, свое значение в системе Павлова, а не Фрейда. В точке пересечения обеих систем, в точке их встречи, оба крута касаются — и одна их точка принадлежит сразу обоим, но ее место, смысл и цена определяются ее положением в первой системе. Этим исследованием сделано новое открытие, добыт новый факт, изучена новая черта — все в учении об условных рефлексах, а не в психоанализе. Так исчезло всякое «почти чудесное» совпадение!

Стоит только сравнить, как ту же оценку идей катарсиса для системы рефлексологии путем открытия словесного совпадения делает Бехтерев,

чтобы увидеть всю глубину различия этих двух способов. Здесь соотношение двух систем тоже прежде всего устанавливается на катарсисе — ущемленном аффекте заторможенного мимико-соматического порыва. Разве это не разряд того рефлекса, который, будучи задержан, отягощал личность, делал ее самое «связанною», больною, тогда как с разрядом в форме рефлекса катарсиса происходит естественное разрешение болезненного состояния? «Разве выплаканное горе — не разряд задержанного рефлекса?» (В. М. Бехтерев, 1923, с. 380).

Здесь что ни слово — то перл. Мимико-соматический *порыв* — что может быть яснее и точнее? Избегая языка субъективной психологии, Бехтерев не побрезгал языком обывательским, отчего термин Фрейда едва ли стал яснее. Как это задержанный рефлекс «отягощал» личность, делал ее связанной? Почему выплаканное горе — разряд *задержанного* рефлекса; как быть, если человек плачет в самую минуту горя? Наконец, рядом утверждается ведь, что мысль есть заторможенный рефлекс, что сосредоточение, связанное с задержкой нервного тока, сопровождается сознательными явлениями. О спасительное торможение! Оно объясняет сознательные явления в одной главе и бессознательные — в следующей!

Все это ясно указывает на то, что в проблеме бессознательного надо различать методологическую и эмпирическую проблему, то есть психологический вопрос и вопрос самой психологии,— то, с чего мы начали этот раздел. Некритическое соединение того и другого приводит к грубому искажению всего вопроса. Симпозиум о бессознательном (1912) показывает, что принципиальное решение этого вопроса выходит из границ эмпирической психологии и непременно бывает связано с общими философскими убеждениями. Примем ли мы вместе с Ф. Brentano, что бессознательного нет, или вместе с Мюнстербергом, что оно есть просто физиологическое, или с Шуберт-Зольдерном, что оно гносеологически необходимая категория, или с Фрейдом, что оно есть сексуальное,— во всех этих случаях мы переступим в аргументации и выводах границы эмпирического исследования.

Из русских авторов Э.Дале оттеняет гносеологические мотивы, приведшие к образованию понятия бессознательного. Именно стремление отстоять самостоятельность психологии как объясняющей науки против узурпации физиологических методов и принципов лежит, по его мнению, в основе этого понятия. Требование, чтобы психическое объяснялось из психического, а не из физиологического, чтобы психология в анализе и описании фактов оставалась сама собой, в своих собственных пределах, хотя бы для этого пришлось вступить на путь широких гипотез,— вот что породило понятие бессознательного. Дале отмечает, что психологические построения, или *гипотезы*, представляют собой только мысленное продолжение описания *однородных* явлений в одной и той же самостоятельной системе действительности. Задачи психологии и теоретико-познавательные требования предписывают ей бороться против узурпационных попыток физиологии при помощи бессознательного.

Психическая жизнь протекает с перерывами, она полна пробелов. Что становится с сознанием во время сна, с воспоминаниями, которые мы сейчас не вспоминаем, с представлениями, которые мы сейчас не создаем? Чтобы объяснить психическое из психического, чтобы не перейти в другую область явлений — в физиологию, чтобы восполнить перерывы, пробелы, пропуски в жизни психического, мы должны предположить, что они продолжают существовать в особом виде — бессознательно-психического. Такое понимание бессознательного как необходимого предположения и гипотетического продолжения и восполнения психического опыта развивает и В. Штерн (1924).

Э. Дале различает в проблеме две стороны: фактическую и гипотетическую, или методологическую, которая определяет познавательную, или методологическую, ценность категории подсознательного для психологии. Задача ее — выяснить смысл этого понятия, сферу обнимаемых им явлений и роль его для психологии как объясняющей науки. Вслед за Иерузалемом для автора это есть прежде всего категория, или прием мысли, без которого нельзя обойтись в объяснении душевной жизни, и потом уже — особая область явлений. Он совершенно правильно формулирует, что бессознательное есть понятие, создаваемое из данных несомненного психического опыта и на основе необходимого его гипотетического восполнения. Отсюда очень сложная природа каждого положения, оперирующего с этим понятием: в *каждом* положении надо различать, что в нем есть от данных несомненного психического опыта и что — от гипотетического восполнения и какова степень достоверности того и другого. В рассмотренных выше критических работах то и другое, обе стороны проблемы смешиваются: гипотеза и факт, принцип и эмпирическое наблюдение, фикция и закон, построение и обобщение — все смешано в одну общую кашу.

Самое важное — не рассмотрен основной вопрос: Ленц и Лурия уверяют Фрейда, что психоанализ — физиологическая система; но ведь сам Фрейд принадлежит к противникам физиологической концепции бессознательного. Дале совершенно прав, говоря, что этот вопрос о психологической или физиологической природе бессознательного есть *первая*, важнейшая фаза всей проблемы. Прежде чем описывать и классифицировать явления подсознательного во имя психологических задач, мы должны знать, оперируем ли мы при этом чем-то физиологическим или психическим, необходимо доказать, что бессознательное есть вообще психическая реальность. Иначе говоря, прежде чем решать проблему бессознательного как психологический вопрос, надо решить ее как вопрос самой психологии.

**Выготский Л. С. Собрание сочинений,
т. 1, М., 1982, с. 325–340**

Материализм, марксизм и фрейдизм

Л. Д. Троцкий

<...> Марксистская критика науки должна быть не только бдительной, но и осторожной, иначе она может выродиться в прямое сикофанство, в фамусовщину. Взять хотя бы психологию. Рефлексология Павлова целиком идет по путям диалектического материализма. Она окончательно разрушает стену между физиологией и психологией. Простейший рефлекс физиологичен, а система рефлексов дает «сознание». Накопление физиологического количества дает новое, «психологическое» качество. Метод павловской школы экспериментален и кропотлив. Обобщения завоевываются шаг за шагом: от слюны собаки к поэзии, то есть к ее психической механике (а не к общественному содержанию), причем путей к поэзии еще не видеть.

По-иному подходит к делу школа венского психоаналитика Фрейда. Она заранее исходит из того, что движущей силой сложнейших и тончайших психических процессов является физиологическая потребность. В этом общем смысле она материалистична — если оставить в стороне вопрос о том, не отводит ли она слишком много места половому моменту за счет других, ибо это уже спор в границах материализма. Но психоаналитик подходит к проблеме сознания не экспериментально, от низших явлений к высшим, от простого рефлекса к сложному, а стремится, взять все эти промежуточные ступени одним скачком, сверху вниз, от религиозного мифа, лирического стихотворения или сновидения — сразу к физиологической основе психики.

Идеалисты учат, что психика самостоятельна, что «душа» есть колодезь без дна. И Павлов, и Фрейд считают, что дном «души» является физиология. Но Павлов, как водолаз, спускается на дно и кропотливо исследует колодезь снизу вверх. А Фрейд стоит над колодезем и проницательным взглядом старается сквозь толщу вечно колеблющейся замутненной воды разглядеть или разгадать очертания дна. Метод Павлова — эксперимент. Метод Фрейда — догадка, иногда фантастическая. Попытка объявить психоанализ «несовместимым» с марксизмом и попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком проста или, вернее, простовата. Но мы ни в каком случае не обязаны и усыновлять фрейдизм. Это рабочая гипотеза, которая может дать и, несомненно, дает выводы и догадки, идущие по линии материалистической психологии. Экспериментальный путь принесет в свое время проверку. Но мы не имеем ни основания, ни права налагать запрет на другой путь, хотя бы и менее надежный, но пытающийся предвосхитить выводы, к которым экспериментальный путь ведет лишь крайне медленно¹.

---

¹ Разумеется, с этим вопросом не имеет ничего общего культивирование мнимого фрейдизма как

На этих примерах я хотел хоть отчасти показать и многообразие научного наследия, и сложность тех путей, при помощи которых пролетариат может вступить во владение им. Если в хозяйственном строительстве дело не решается приказом и приходится «учиться торговать», то в науке одно лишь голое командование, кроме вреда и сраму, ничего принести не может. Здесь надо «учиться учиться».

*Троцкий Л. Д. Социалистическое строительство
и проблема культурной смычки.*

*Троцкий Л. Д. Сочинения.
М.-Л., 1927, т. 21, с. 430–431*

эротического баловства или озорства. К науке такого рода чесание языком отношения не имеет, а знаменует лишь упадочные настроения: центр тяжести переносится с головного мозга на спинной...

История психиатрии (фрагмент)

Ю. В. Каннабих

Глубоко оригинальное учение Фрейда уже давно раскололо исследователей на два враждебных лагеря: во главе сторонников стоял (хотя и с значительными оговорками) Блейлер, во главе противников — Гохе.

Несмотря на резкое отрицание психоанализа, даже враги не могли вполне избежать его влияния: учение о бессознательном, о комплексах, о вытеснении, сублимации, символике, наконец, самый принцип истолкования многих психопатологических симптомов в качестве понятных и строго детерминированных реакций—все это в той или иной форме наложило свой отпечаток на многие отделы психиатрии, не говоря уже о психотерапевтической практике¹.

Как бы ни оценила наука в будущем значение учения Фрейда в целом, нельзя отрицать, что благодаря ему сильно подвинулись вперед наши знания о многих механизмах человеческого поведения. Между прочим, работами этой школы почти что заново основана наука о сексуальности. Этот круг вопросов, подвергшийся когда-то в некоторой своей части блестящей трактовке со стороны Краффт-Эбинга, превратился в руках психоаналитиков в широкую биопсихологическую и биосоциальную проблему.

Величайший интерес представляет еще одна область, на которую впервые указано было психоанализом: психика примитивных народов.

*Каннабих Ю. В. История психиатрии.
М., 1929, с. 477*

---

¹ Американская психиатрия последних лет в значительной своей части вся проникнута фрейдизмом. См.: 1) *Kempf*, Psychopathology, 1920. 2) *White*, Outlines of Psychiatry, 1926 и др. Венский психиатр-психоаналитик Шильдер сделал опыт обоснования всей психиатрии на психоанализе (*Entwurf einer Psychiatrie auf psychoanalytischer Grundlage*, 1925). Во Франции Анри Клод, Лафорг, Алленди, Эснар тесно примыкают к психоанализу.

Пути психологии (фрагмент)

Г. Ю. Малис

Изучение области бессознательных тенденций составляет заслугу школы Зигмунда Фрейда. Понимание бессознательного) столь же реальной части психики, как и сознание, немислимо без ознакомления с достижениями психоанализа. С момента своего оформления, последний довольно густо окружен рядом своеобразных социологических обертонов. Оставляя и стороне нападки западноевропейских ученых, в значительной мере находящие оправдание своей экспансивности в социальной природе недолголюбивающего какие бы то ни было «потрясения» буржуазного общества, — в отрицательном отношении к работам психоаналитиков у нас можно отметить два течения. Первое, сейчас мало заметное, связано с Западом. Идеология мещанина, вне зависимости от определяющего его общественную значимость диплома, может быть сведена к четырем немецким К: Kaiser (или соответствующий достаточный прочный авторитет), Kirche (допускается в трансцендентном понимании), Kuche (в данном случае, home) и Kinder — будущая основа первых трех элементов. Марксизм, установивший преходящий характер существеннейших компонентов формулы, был встречен достаточно недоброжелательно.

Попытка психоанализа вскрыть биологическую сущность стремлений, определяющих поведение ребенка, указать на являющееся результатом конфликта с экономической средой вытеснение их, лежащее о основе идеальных ценностей буржуа, — точно также должна была произвести впечатление камня, упавшего если не в слишком спокойное, то все же достаточно застоявшееся болото. «Пансексуализм», «безнравственность» — знакомые формы рационализации защитных реакций отмирающего общества. Тем более странно встретить аналогичный ход рудиментарных мыслей у нас¹. Но зато второе направление — группа возражений, направленных против теории Фрейда марксистской критической мыслью, — свое основание имеет. Психоаналитический метод исследования выковался в процессе работы врача-невропатолога. Он «поставил своей ближайшей задачей объяснение неврозов... Он никогда не предъявлял претензии на то, чтобы дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека...»². Естественно, что все попытки дать эту «исчерпывающую теорию» (анализ литературных произведений, социологические изыскания психоаналитиков) не могут не приводить к печальным результатам. Методологическая

---

¹ *Аствацатуров М. И.* Психотерапия и психоанализ. П. 1923: «Едва ли есть надобность указывать, что в мифе об Эдипе сказание о его женитьбе на матери есть желание изобразить самое ужасное из несчастий, которое может постигнуть человека, а не скрытое половое влечение, как утверждает Фрейд и его последователи» (50), «По поводу психоанализа 5-летнего мальчика, с которым отец ведет разговоры о половых органах матери, можно лишь повторить слова одного известного берлинского невропатолога: «Я бы обратился, — говорит он, — за содействием полиции для изъятия этого ребенка из растлевающего его душу влияния родителей» (53). — Курсив мой. — М. Г.

² *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. Гиз. М., 1923, с. 57.

ограниченность сразилась и в известной оторванности фрейдизма от остальных отраслей знания. В плоскости психологической это выражается в неувязке ряда положений с имеющимися уже исследованиями¹. Сознательные и бессознательные феномены качественно отделяются друг от друга более резко, нежели это имеет место в действительности. Недостаточно продуманная терминология подчеркивает это же обстоятельство при разборе вопросов истории культуры. Нам кажутся поэтому лишними все попытки согласовать, подгоняя друг к другу, цитаты из трудов Фрейда с отрывками из сочинений основоположников марксизма. Фрейд — не марксист. И было бы странно ждать от него формулировок, выдержанных в духе научного материализма. Более того, можно не без оснований предполагать, что при ближайшем ознакомлении вождя психоаналитической школы с социологическими тезисами Маркса, он не смог бы подняться выше классово-ограниченной точки зрения. Интересовать нас могут не те или иные субъективные взгляды фрейдистов, а те научные, объективные положения, к которым они приходят. Вот такое понимание практических достижений психоанализа, необходимо утверждающее ценность их в свете материалистической теории², и надлежит быть использовано системой новой психологии.

Основной заслугой Фрейда следует считать утверждение «принципа детерминизма всего совершающегося в психике»³. Включив бессознательные переживания в целостную систему психической деятельности индивида, психоанализ всю ее подчиняет законам объективной реальности. Устанавливая соотношение между процессами, протекающими в разных плоскостях психической деятельности, он приходит к такому же утверждению момента диалектики. Отнюдь не в силу известной предвзятости психоанализ, биопсихологический по существу метод исследования, сталкиваясь с запросами точности, основывающимися как на инстинкте самосохранения (питания) так и продолжения рода, исключительное внимание посвятил последним. Если в основе невротического заболевания лежит неудачное столкновение инстинктивных стремлений личности с социальной действительностью, то вполне естественно, что главную роль здесь играют не влечения Я (*Ich-triebe*), развивающиеся на основе тенденции к личному самосохранению, а связанные с потребностью размножения, либидо, бессознательные переживания⁴. Современные условия общественной

---

¹ То, что этот мыслитель (Шопенгауэр) говорит о сопротивлении (противодействии) какому-либо мучительному явлению действительности, настолько совпадает с содержанием моего понятия о вытеснении, что только благодаря моей неначитанности я имел возможность сделать это оригинальное открытие». Фрейд, там же, 25. Также указывалось уже на близость фрейдизму отдельных моментов философии Платона (предвосхищение в его Эросе либидо. Ср. в сборн. «Методика и техника психоанализа», ГИЗ, М., 1923, с. 135). Нам казалось бы, что кое-что общее психоанализ мог бы найти в учении Гербарта о взаимоотношении представлений.

² См. блестящую статью А. Р. Лурия: «Психоанализ как система монистической психологии». Сб. «Псих. и Маркс», 47 и сл. Ср. Kretschmer (Mediz. Psych., Einleitung, s. 4): «...psychoanalytische Schule, an deren grossartigen Leistungen kein drztlicher Psychologe vorbergehen kann, auch wenn die Angriffslidchen fr berechtigte lebhaft Kritik noch sehr grosse sind».

³ О. Ранк и Г. Закс. Значение психоанализа в науках о духе. П., 1914, с. 16.

⁴ «Психоанализ всегда признавал элементы первого рода, хотя и не обязан был уделять им особого

жизни заставляют вытеснить значительную долю либидинозных влечений. Отсюда общее просвечивание их в нашем бессознательном. И отсюда же естественный интерес врача в области этиологии неврозов, сталкивающегося с исключенными социальной действительностью моментами — к либидо. Как мы увидим ниже, работы психоаналитиков, несмотря на неизбежную их ограниченность, научной психологией могут быть использованы весьма плодотворно. Но если бы Фрейд и оказался в состоянии с помощью данных исторического материализма должным образом описать зависимость бессознательных стремлений от социально определяемого сознания, — негодование западноевропейских его противников только возросло бы. Для нас же несомненно, что точно так же, как исследования психоанализа во многом могут для материалистического учения о психической деятельности представить интерес, так и материалистическая прочерка методики Фрейда расширит возможности, являемые ею для изучения субъективных феноменов.

Основная проделанная психоанализом работа — установление путей развития сексуальности у человека — не подлежит здесь разбору. Вполне точные построения невропатологии, проверка достижений Фрейда в современной педологии¹, указывают на клиническую ценность значительной части этих его взглядов. Более важным, в связи с занимающей нас темой, является выяснение правильности защищаемых психоаналитиками в области бессознательного биогенетических параллелей². Яркое освещение, к тому же с совершенно новой стороны, этого вопроса делает окончательно ясной всю проблему постепенной эволюции личности человека.

Одно из наиболее объективных доказательств своих положений психоанализ находит в символических, — как сновидений, так и тождественных форм выявления бессознательных тенденций — народных сказаний, мифов. Психические явления, как указывает анализ снов, могут обладать известным смыслом, непосредственно (в сознании) с ними не связанным. Ближе всего скрытый этот смысл психике детей, нервных больных (в основе заболевания которых лежит определенный инфантилизм), дикарей (фиксирующих идентичность символа данному объекту с помощью проекции в мифах). Этот столь яркий факт неопровержимого *внутреннего* тождества психической деятельности первобытного человека с ребенком может быть уяснен тем пониманием биогенетического принципа, которое приводилось выше. Центральная нервная система в своем развитии проходит определенные, друг друга обуславливающие этапы. Равным образом, онтогенез наших инстинктов органически определен их филогенезом. *Бессознательное*

внимания. Гораздо интереснее было показать, что ко всем стремлениям Я примешиваются либидинозные компоненты». «Основные психологические теории в психоанализе», с. 59—60.

¹ Залкинд. Половой вопрос в условиях советской общественности. М., 1926. Блонский. Педология, М., 1925. С. 191 и сл., 229 и сл.

² «Все примитивные формы душевной жизни, свойственные ре. бейку и сохранившиеся в бессознательном взрослого, идентичны с известными ограничениями в душевных процессах... первобытного человечества... *Бессознательное простирается за границы личности и представляет собой отражение первых переживаний нашего рода*». О. Ранк и Г. Закс. Цит. соч., III. Курсив мой. — Г. М.

переживание современности у ребенка не может, следовательно, происходить не в той же последовательности, что и у всего человечества¹. Ни о какой предрасположенности в метафизическом смысле слова речи быть не может. Если змея является символом данного объекта, при чем в основе ассоциации лежит отрицательная ее характеристика. — то у существа с такой характеристикой незнакомого, мы бы этого символа не нашли. «Знание бессознательного смысла и понимание его неодинаково для всех символов и не остается постоянным... И внутри культурного общества, объединенного приблизительно тем же содержанием сознания, понимание символы различно, смотря по области применения, *по общественному слою, в котором он применяется*, и по психическому состоянию воспринимающего его»². Иначе говоря, фактическая значимость биогенезиса ограничивается определенными, социального порядка, рамками. Известные отношения ребенка к среде, характерные для данной стадии в развитии либидо, фиксируются в форме зависимости его от авторитета родителей. Рационализируясь с помощью социологической проекции, эта зависимость выражается в религиозных построениях. Но явной ошибкой было бы предположение, что такие религиозные переживания неизбежно сопутствуют развитию ребенка. Именно потому, что религия сама по себе есть продукт рационализации бессознательного процесса³, социального его оформления, она необходимо опирается на известную общественную обстановку. Биологически развитие детей определяется лишь тем фактом, что в определенном периоде они устанавливают подчиненность свою отдельным элементам действительности внешнего мира. В условиях семейного воспитания такими объектами являются родители и как результат замещения — мифологические, сказочные образы. В ином окружении эти авторитеты в детском сознании могут быть замещены социальными ценностями. Психика ребенка обладает своеобразными чертами, пренебречь которыми нельзя. Лишить его сказочной литературы, превратить в «маленького взрослого человека» — значит не считаться с элементарными положениями психологии. Необходимость разряда в фантазии поражения, которое потерпел *Lustprinzip* в столкновении с принципом реальности, общественного бытия, останется всегда. Но логическая форма этого разряда целиком отразит современные детской личности внешние условия жизни. Всякого рода религиозные положения, общественная реальность которых сейчас поддерживается искусственно, должны будут отпасть.

---

¹ «Символика — остаток когда-то существовавшей идентичности между символом и изображаемым объектом; эта идентичность существовала в примитивной психической жизни и потому *снова проявляется там, где разыгрываются более простые душевные процессы*, всецело подчиненные примитивной психической жизни — приобретению наслаждений — и не считающиеся с реальностью». Там же, 110. Курсив мой — Г. М. Ср. противоположный взгляд Ст. Холла: «Инстинкты и чувства в юношеском возрасте», П. 1913, с. 24–25. Перевод, к сожалению, сделан совершенно варварским языком.

² О. Ранк и Г. Закс, цит. соч., 31. Курсив мой. — Г. М. См. на с. 163: «Знакомство с ролью сознания само по себе не дает еще полного понимания душевных явлений; точно так же и знакомство с бессознательными мотивами не исчерпывает их полного значения». «Психические процессы, которые мы можем наблюдать, являются... результатом *динамических отношений*». Там же, 16, 13. Курсив авторов. — Г. М.

³ Как показывают исследования Фрейда эдиповского комплекса.

Миф рассматривается психоанализом, как «*негатив культурного развития*, как место, где... так сказать, откладываются неприменимые в реальном мире желания и недостижимые формы удовлетворения; современный ребенок учится так же отказываться от них, во имя культуры, как: и в свое время примитивный человек»¹. Подводя таким путем под народные сказания необходимый органический базис, шкала Фрейда делает эту в достаточной мере неясную область вполне доступной научному наблюдению. Установление в сновидениях ребенка той же символики бессознательного, на которой построено примитивное творчество, как было указано, подтверждает, что вытеснение определенных либидинозных переживаний у детей и народов происходит близкими путями. Отсюда близость сказки бессознательным стремлениям инфантильной личности. Психологически, миф созвучен психике ребенка. Возбуждая подавленные средой неосознанные стремления, он тем самым разряжает их, до той поры, когда процесс сублимации поможет эту же энергию вытесненных влечений претворить в порядке реального выявления. Необходимо, конечно, отметить, что общественная определяемость фантастического творчества психоанализом полностью не отмечена. Внешнее оформление мифа есть результат обработки сознанием бессознательного материала. Общественные отношения личности здесь могут сказаться непосредственно. Если легенды об Илье Муромце, Рустеме и Зорабе и пр. построены на столкновении между сыном и отцом, то победа отца (Ильи, Рустема) является следствием влияния объектных условий, данных в обстановке патриархальной общественной формации. Подобная недоговоренность вытекает из самого подхода психоаналитической теории к изучаемым явлениям. Фрейд констатирует факт определения сознания общественным бытием — весь процесс «вытеснения» целиком основан на этом обстоятельстве. Но включить социологическую схему соотношений личности с объективной реальностью в сферу своего исследования он не может. Мы имеем дело здесь с той же естественнонаучной ограниченностью, причины которой нами намечались раньше. И если результаты работ венского ученого нуждаются в дополнении, то они, не менее, не теряют своей ценности и своего значения.

Научная психология будущего, отрешившись от схоластических спекуляций, загнивающих современных субъективистов. задачей своей поставит, прежде всего, изучение человека в его отношении к объективной реальности, в его зависимости от коллектива. И здесь, в области крупнейших моментов социального порядка, роль психоанализа выявится особенно ярко. Рассматривая религиозные системы, как продукт социального оформления простейших биологических стремлений, фрейдизм раскрывает ту их психологическую сущность, которая с иных точек зрения полностью понята быть не может. «Объектом материалистического объяснения истории является не общечеловеческое, не то общее, что присуще людям во все времена, а то исторически-отличительное, что разделяет людей различных

---

¹ О. Ранк и Г. Закс. Цит соч., 90. Курсив авторов. — Г. М.

эпох. Но, с другой стороны, ее объектом являются лишь те черты, которые объединяют людей данной эпохи, данной нации, данного класса, а не те, которые выделяют отдельную личность из всей совокупности других личностей, среди которых она живет и действует» (Каутский¹). Применительно к религиозным верованиям это значит, что марксизм в состоянии объяснить ту объективную форму, в которой эти верования фиксируются на определенной ступени общественного развития. Политеизм, монотеизм могут быть поставлены в прямую связь с определенной экономической структурой общества. Но то «общее, общечеловеческое, что присуще людям во все времена» и обуславливает *все* религиозные системы, выясняется именно психоанализом². Психологическая характеристика воплощающихся в культе обрядов, религиозного ритуала, взаимоотношений отдельных элементов всей системы, школой Фрейда строится на вполне четком научном базисе. Раскрытие механизма верования, подчинение его общему закону причинности, является крайне ценным, даже если бы и не выходило за пределы естественнонаучного материализма. Приведенное в связь с достижениями теории марксизма, оно лишь расширяет возможности, данные новой психологии материализмом диалектическим.

С такой же необходимостью биологический анализ корректировать социологическим встречаемся мы при обзоре произведений личного творчества. Несомненно, что понимание искусства, как «бегства из реальности», для выяснения индивидуальных особенностей художественной работы имеет известное значение. Пути столкновения бессознательных феноменов с социальной действительностью не могут быть лишены оттенка оригинальности. Столь яркий продукт мировой литературы как «Гамлет» для психологии, незнакомой с бессознательными переживаниями человека, всегда останется, несмотря на натянутые и самоуверенные заключения, необъяснимым явлением. «Исторический материализм вовсе не держится того взгляда, будто гения можно без остатка разложить на экономические факты»³. Следовательно, для подчинения научному анализу всего произведения полностью, надлежит воспользоваться и исследованиями школы Фрейда, изучающей именно этот, обусловленный биогенезисом личности, остаток⁴. Подходя к «Гамлету», как продукту творчества человека,

---

¹ Что хочет я может дать материалистическое понимание истории. «Исторический материализм». Сб. под ред. Семковского. М., 1919, с. 44–45.

² И обратно. Тот же психоанализ — равно, как и все теории, в понимании поведения человека исходящие из биологически обоснованной его конституции — исследует именно те «черты отдельной личности, которые выделяют ее из всей совокупности других личностей». — Ибо; «Отдельная личность, хотя бы и акцептирующая всю религиозную систему в целом, особенно интимно привязана только к определенным ее частям, а именно, к тем, которые отвечают ее индивидуально выраженным инстинктам... За кажущимися однообразием, навязанным крупными религиозными системами их последователям, скрываются индивидуальные различия, проявляющиеся в более или менее сознательной *частной религии каждого*». О. Ранк и Закс. Цит соч., 100–101. Ср. там же, 108–109.

³ Каутский. Там же, с. 45.

⁴ Ср. Каутский. Цит. соч., с 45: «...ясно, что Бакс имеет совершенно ошибочное представление о материалистическом понимании истории, когда он полагает, будто оно. хочет „объяснить поэтические особенности таланта Шекспира или Гёте». *Этого наша теория не хочет и не может...* Я же полагаю, что если материалистическое понимание истории может объяснить нам хотя бы только идейное содержание,

принадлежавшего, с одной стороны, к определенному общественному слою Англии XVII века, и обладавшего как личными объективно учитываемыми конституциональными признаками, так и вытесненными влечениями, присущими всему цивилизованному человечеству, — с другой, и может создать условия для включения целостного понимания трагедии в систему монистического, материалистического, мирозерцания. Конечно, односторонний фрейдистский анализ поведения автора, как выявления ряда комплексов постоянных, вне времени и пространства взятых, субъективных переживаний, может привести к не особенно осмысленным построениям. Но это не должно преуменьшить значения того факта, что, вне зависимости от социальной устремленности самого Фрейда и его учеников, психоанализ как метод исследования психической деятельности необходимо предполагает объективное понимание явлений¹. Коль скоро процесс вытеснения есть следствие столкновения Я с лежащими в основе требований среды интересами семьи и общества, социальная зависимость этого Я проступает достаточно четко². Она полагается технической основой мифологических, художественных и иных построений, возникших на базисе отвергнутых объективной реальностью стремлений. Ею обуславливается цензура сновидений, И на этой же общественной определяемости сознания личности строится учение Фрейда о неврозе. Подробная оценка работ фрейдизма в родной ему области невропатологии в нашу задачу сейчас не входит. Но что все они несмотря на отмеченные неизбежные свои дефекты не сходят с платформы материализма — это несомненно³. Исследования отошедших от ортодоксальной точки зрения психоаналитиков, Адлера в частности, расширяют доступную основной методике исследования область. Последние труды, рассматривающие психику человека с точки зрения конституциональной (Кречмер, Штейнах), дают положениям биопсихологии известное объективное оправдание. Очевидная недостаточность всех этих работ только подчеркивает необходимость изучения деятельности личности в связи с ее общественными отношениями. Тем самым непоколебимо

общее у Шекспира или Гёте с их современниками, то и этим далеко не следует пренебрегать», и Ранк: «Если Шекспир видел до основания душу мудреца и глупца, святого и преступника, то он не только бессознательно был всем этим — таков может быть всякий, — но он обладал еще отсутствующим у всех нас остальным дарованием видеть свое собственное бессознательное и из своей фантазии создавать, по-видимому, самостоятельные образы. *Эти образы только бессознательное поэта*». Цит. соч. (курсив всюду мой. — Г. М.).

¹ Вся произведенная психоанализом переоценка ценностей, в частности законченное разрушение потустороннего характера религии, подтверждает это положение.

² Так, религиозные системы, по Ранку (цит. соч., 99), есть результат вторичной (сознательной) переработки, объединяющей отдельные легенды в религиозную систему, «приспособленную к этическому и интеллектуальному уровню эпохи». См. также работы психоаналитиков в педологии в связи с выяснением ими роли инфантилизма — социальной заторможенности детских реакций — для развития личности (в частности, имеющуюся в русском переводе книгу: Green G. H. *Psychoanalysis in the classroom*. London, 1924, ch. X).

³ Отвергая современную методику лечения функциональных заболеваний нервной системы, психоанализ принципиально от нее отличен. С точки зрения материалистической, фрейдовское понимание, хотя бы истерических симптомов, несравненно приемлемее, чем идеогенная теория Мёбиуса и т.д. Равным образом, этиологии страха, данная психоанализом и учитывающая непосредственную зависимость симптома от возможностей выявления либидо больного, предоставляемых средой, несравненно шире механического толкования этого феномена старой невропатологией.

утверждается защищаемое нами определение эволюции субъекта, как результата последовательного подчинения биологических факторов нашего поведения факторам социологическим.

Существует целый ряд жизненных явлений, с действительностью которых общество не может не считаться. Психологическая закономерность развития человеческого Я руководит первыми столкновениями ребенка с окружающей средой отклонения от социологической нормы, невропатические заболевания, массовая растрата столь ценной и нужной нервной энергии, свидетельствуют, что пути этих столкновений требованиями социального блага еще не ограждены. Задача научной психологии — указать личности место в социальном целом, полностью соответствующее ее стремлениям. Рациональная организация деятельности человека станет возможной только с ограничения той исторической необходимости, которая, в разрезе субъективном так часто являясь случайностью, на протяжении столетий давит и ломает индивида. Условия для создания свободного союза свободных людей будут представлены коммунизмом. Но и прогресс коммунистического общества мыслим лишь на основе индивидуальных способностей его членов, — на законченном научном познании природы человека.

Смогут ли биологические факты полностью исчерпать учение о психической деятельности личности? — Ни в каком случае, конечно. Но помогут ли они научной психологии, не признающей роковых законов типологического предопределения, твердо верящей в исключительную роль прогрессивной среды, осветить отдельные неясные моменты нашего поведения, включить то реальное, что скрывается сейчас за феноменами мистической философии субъективизма, и систему материалистического мироздания?

— Возможно.

*Малис Г. Ю. Пути психологии.
Л., 1929, с. 103–113*